

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 2 (18)

Киров
2020

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c   j o u r n a l

№ 2 (18)

Kirov
2020

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

---

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Кочешков Г. Н.</i> «Божья история»: М. П. Погодин о самобытности России	7
<i>Канищев В. В.</i> Офицеры российской императорской армии – жертвы городских погромов 1917 – начала 1918 г.	13
<i>Копырина С. Н., Черноухов А. В.</i> Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века.....	20
<i>Лобанов Д. И., Бердинских В. А.</i> Газета «Правда» в 1929–1939 гг. и формирование культа личности Сталина	35

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Макутчев А. В.</i> Истоки возникновения пограничных конфликтов на примере Ханишского конфликта между Эритреей и Йеменом (1995–1998)	41
<i>Марковчин В. В., Магомедханов В. М.</i> Деятельность немецких спецслужб в Иране. 1941–1944 гг.	49
<i>Левин Я. А., Беляева К. В.</i> Советская Россия как жертва: формирование образов в периодической печати США	56
<i>Буранок А. О., Нестеров Д. А.</i> Журнал <i>Foreign Affairs</i> и образ Китая 1927–1932 гг.: некоторые проблемы изучения	61

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Сенников А. И.</i> Историография политики США по курдскому вопросу в Ираке в 1945–1990 гг.	66

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Русланов Е. В.</i> Результаты исследования Новотроицкого грунтового могильника в контексте древностей золотоордынского времени Башкирии	77

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Поляков О. Ю., Полякова О. А.</i> Трансценденталистская концепция воспитания в повести Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»	86
<i>Ильченко Н. М., Никанорова Е. И.</i> «Город мечты»: образ Нижнего Новгорода в интерпретации А. де Кюстина и Т. Готье.....	94
<i>Микурова П. Л.</i> «Мысль семейная» в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1910–1920-х годов.....	102

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Калинин А. А.</i> Поиски альтернативной модели мирового экономического порядка в годы холодной войны: опыт Совета Экономической Взаимопомощи	110
<i>Кайсин А. О., Коршунков В. А.</i> Становление ученого: А. А. Спицын как историк и краевед.....	115

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Ценюга С. Н., Ценюга И. Н.</i> Красноярская учительская семинария в истории становления педагогического образования Приенисейского края (1873–1920 гг.)...	119

CONTENTS

PROBLEMS OF NATIONAL HISTORY

- Kocheshkov G. N.* "God's history": M. P. Pogodin on the identity of Russia..... 7
- Kanishchev V. V.* Officers of the Russian Imperial army – victims of the urban pogroms of 1917 – early 1918..... 13
- Kopyrina S. N., Chernouhov A. V.* Formation of medical infrastructure at state-owned factories in the Urals in the first third of the XVIII century 20
- Lobanov D. I., Berdinskikh V. A.* "Pravda" newspaper in 1929–1939 and the formation of the cult of Stalin's personality 35

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

- Makutchev A. V.* Origins of border conflicts on the example of the Hanish Conflict between Eritrea and Yemen (1995–1998) 41
- Markovchin V. V., Magomedhanov V. M.* Activities of German intelligence services in Iran. 1941–1944 49
- Levin Ya. A., Belyaeva K. V.* Soviet Russia as a victim: shaping images in the US periodical press..... 56
- Buranok A. O., Nesterov D. A.* Foreign Affairs journal and the image of China 1927–1932: some problems of studying..... 61

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

- Sennikov A. I.* Historiography of US policy on the Kurdish issue in Iraq in 1945–1990.... 66

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

- Ruslanov E. V.* Results of research of the Novotroitsky ground burial ground in the context of the Golden Horde antiquities of Bashkiria..... 77

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Polyakov O. Yu., Polyakova O. A.* The transcendentalist concept of education in L. M. Alcott's Novel "Little Women" 86
- Ilchenko N. M., Nikanorova E. I.* "City of dreams": the image of Nizhny Novgorod in the interpretation of A. de Custine and T. Gauthier 94
- Mikurova P. L.* "Family thought" in the correspondence of B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1910s–1920s..... 102

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

- Kalinin A. A.* Search for an alternative model of the world economic order during the cold war: the experience of the Council For Mutual Economic Assistance 110
- Kaisin A. O., Korshunkov V. A.* The formative years of an academic: Alexander A. Spitsyn as a historian and regional studies expert..... 115

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

- Cenyuga S. N., Cenyuga I. N.* Krasnoyarsk teachers' seminary in the history of formation of pedagogical education in the Yenisei region (1873–1920)..... 119

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)"17"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.014

«Божья история»: М. П. Погодин о самобытности России

Г. Н. Кочешков

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0003-2630-6668. Researcher ID: AAF-7756-2019. E-mail: kocheshg@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена творческому наследию известного русского историка, академика, публициста и общественного деятеля Михаила Петровича Погодина. Выпускник Московского университета читал курсы всеобщей и русской истории, пользовавшиеся большой популярностью среди студентов. Научное наследие Погодина до сих пор воспринимается неоднозначно. Будучи ярким сторонником и идейным проводником теории «официальной народности», Погодин не всегда находил понимание в кругу российских историков. Кумиром Погодина был Н. М. Карамзин, автор знаменитого труда «История государства российского». Ему он посвятил немало теплых слов, однако не все в творчестве Карамзина устраивало Погодина. Так, он подверг критике Карамзина за то, что тот не смог свои идеи, взгляды свести в некую систему. Погодин замыслил восполнить данный пробел и попытался создать систематизированный труд по русской истории. Однако, как показано в статье, реализовать в полной мере свою идею Погодину не удалось.

Противоречивость воззрений Погодина видна уже в первом его сочинении – «Исторические афоризмы». Стремясь объяснить все исторические события, происходящие в мире, идеей закономерности общественного развития Погодин в то же время обращает особое внимание на самобытность России, русской истории. По своим взглядам Погодин близок к славянофилам. Он предостерегает от слепого копирования опыта Западной Европы. Погодин показывает истоки самобытности Руси, восходящие к древним периодам истории восточных славян. «Несхожесть» Руси с Европой, по мнению Погодина, проявляется не только в физических, но и нравственных различиях.

Важное внимание Погодин уделял нравственному воспитанию студенчества, формированию у них критического мышления. Несмотря на то что прошло больше 150 лет после смерти историка, его труды, сочинения, взгляды по-прежнему привлекают внимание отечественных исследователей.

Ключевые слова: переломный период, система, исторический процесс, самобытность, провидение.

Сороковые годы XIX века были переломным периодом в историческом развитии России. С каждым десятилетием нарастал кризис феодально-крепостнической системы. Все более явно ощущались результаты и последствия промышленного переворота, вызвавшего гигантские изменения в социальной структуре российского общества. Резко увеличилось число крестьянских волнений, вызванных, главным образом, малоземельем и всемерным господством помещичьих латифундий. В таких условиях основным вопросом, вокруг которого кипела идейная борьба, вполне закономерно оказался вопрос о будущем России, о путях и перспективах ее дальнейшего развития. Никогда прежде не было такого столкновения мнений, как в это сложное, переходное для России время. Страна доживала свой старый век; на смену шла новая эпоха, неизвестная, пугающая и одновременно манящая своей неизвестностью и небывалыми перспективами.

Русская историческая мысль являлась составной частью идейной жизни русского общества тех лет. Вполне естественно, что вопрос о путях и перспективах дальнейшего развития России не мог не занять ведущего места в историографии. Но здесь этот вопрос становился проблемой своеобразия исторического развития России.

Тесная связь ключевой проблемы русской истории с современностью исключала возможность единого решения данного вопроса. Представители различных историографических школ по-разному понимали «особый» путь развития России.

Раньше всего определенный ясный ответ на вопрос о самобытности русского исторического процесса был дан М. П. Погодиным, ученым, публицистом, ярким общественным деятелем, одним из сторонников и наиболее активным проводником теории «официальной народности». Профессор Московского университета, заведующий кафедрой русской истории, воспитавший немало учеников, в последние годы своей деятельности мало что сделавший для исторической науки, тем не менее в течение многих лет и при жизни и после смерти вызывавший немало споров. Совершенно по-разному оценивали вклад М. П. Погодина в русскую историческую науку такие корифеи общественной мысли, как К. Д. Кавелин, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков. Анализируя сочинение Погодина «Исследования. Замечания и лекции», Кавелин отмечает противоречивость воззрений историка, явное нежелание Погодина прибегать к теоретическим обобщениям, что снижает значимость его трудов [3, с. 98, 99].

По мнению П. Н. Милюкова, Погодин был «очень полезным чернорабочим», но не более того, сосредоточившим все свои силы лишь «на предварительной разработке сырого материала» [4, с. 364].

Попытки изучить сложную, неординарную фигуру Погодина предпринимают и современные историографы [1; 5–8; 12–15].

Начало нового, XIX века, было ознаменовано величайшим событием в истории русской общественной мысли – изданием знаменитого произведения Н. М. Карамзина «Истории государства российского». Восторг, который испытало общество при прочтении первых томов сочинения, был всемерным. Великий писатель, мыслитель и публицист работал над своей «Историей», не покладая рук, уединившись в тиши кабинета: «он оставил свет, отказался от общества и заключился в уединение; первые три года, по свидетельству знакомых, он был погружен в свой предмет до такой степени, что не мог ни о чем говорить и сделался несносным даже для друзей» [11, с. 38].

Высоко оценивая историческое сочинение Н. М. Карамзина, М. П. Погодин в то же время выразил сожаление, что ученый «не написал предположенного им обозрения, где в кратких, но ясных... чертах мы увидели бы его понятие о Русской Истории, прошедшей, настоящей и будущей, его мнение о судьбе и назначении России, его завещание науке. Вот где должно было представиться органическое развитие истории, вот где должна была выразиться система» [11, с. 51]. «Повестью, – продолжал Погодин, – [Карамзин] не думал ни об какой системе... Он довольствовался видимою связью происшествий, как они одно за другой следовали...» [11, с. 51]. Таким образом, по Погодину, Карамзин излагал только внешнюю сторону истории, не раскрывая ее органическую связь, не затрагивая и не объясняя процесс закономерности исторического развития.

М. П. Погодин замыслил создать «систему» русской истории. Началом этого замысла послужило издание в 1836 году «Исторических афоризмов». В предисловии к работе М. П. Погодин высказал идею о необходимости формирования у молодого поколения исторического мышления, выработке собственного взгляда «на разные происшествия, пропускаемые в историях, особенно в наших, – дать примеры, сколь разных сторон можно рассматривать исторические явления, – и содействовать к изоощрению их исторического рассудка, к образованию в уме их понятия, что есть История и чего в ней, по моему мнению, искать можно и должно» [10, с. V–VI].

Уже в этом сочинении проявляется противоречивость взглядов Погодина на исторический процесс. С одной стороны явно видно стремление автора обратить внимание на закономерность общественного развития. При этом к этой мысли он возвращается неоднократно. «Есть один закон, по коему образуется человечество, – но в каждом народе ход сего образования изменяется вследствие разных внешних обстоятельств, и дело каждого историка показать, каким образом и по каким причинам происходит изменение, как отражается в частных явлениях общий закон» [10, с. 1].

Одновременно с идеей закономерности Погодин настойчиво проводит мысль о некоей «путеводной деснице», направляющей исторический процесс: «человечество есть, следовательно, не может не быть, следовательно, должно быть, следовательно, оно содержит в себе условие своего бытия. Следовательно, есть закон для его действия, необходимость в происшествиях, есть промысел, есть Бог в истории» [10, с. 117]. Изучая погодинскую философию

истории, Милюков отмечает, что Погодину, в сущности, и не нужна закономерность для показа исторического процесса; она у него заменяется целесообразностью: «все происшедшее, с этой точки зрения, должно было быть так, как было», во всех событиях он видит «воздействие свыше» [4, с. 362].

Другое противоречие, столь характерное для Погодина, – это стремление противопоставить Восток Западу, акцентировать внимание на самобытности русской истории. Здесь взгляды Погодина близки позиции Карамзина. В речи, произнесенной им при открытии памятника русскому историку, Погодин напоминает присутствующим мысль Карамзина, высказанную в письме Тургеневу в 1825 году, о том, что «для нас русских одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только отношение к ней, мечта, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России» [11, с. 61].

Идею о самобытности народов Погодин выразил крайне образно, используя аллегорический прием: «Вот два зерна – они очень похожи между собою, но из одного вырастет дуб, а из другого – пальма: так в сходных началах государств заключаются зародыши их будущих видоизменений» [10, с. 88].

Одно из отличий России от Западной Европы Погодин видел в том, что русское государство образовалось путем мирного, добровольного призвания славянами варяжских князей, в то время как западноевропейские государства – путем завоевания: «К испанцам приходят вест-готы, к галлам – франки, в Верхнюю Италию – ломбарды, в Среднюю – ост-готы, в Нижнюю – норманны, в Британию – англо-саксы..., к пруссам – немецкий орден, и все сии государства начинаются одинаково от бракосочетания победителей с побежденными...» [10, с. 117].

В лекции, прочитанной для студентов этико-политического отделения юридического факультета Московского университета, Погодин, рассуждая о различиях Руси и Европы, отметил: «И к нам пришли варяги, но добровольно избранные» [9, с. 87].

Но на этом различия двух миров, двух народов не заканчиваются. Подробно анализируя внутреннюю жизнь России и Европы, Погодин отмечает: «Первым чадом завоевания во всех европейских государствах был феодализм с происшедшим от него рыцарством. У нас, в стране, не сплошь заселенной, а по местам, разделенным степями и лесами, удельная система, которая существенно отличается от феодальной... В Западной Европе произошло от феодализма майоратство. У нас при удельных князьях, имевших совершенно равную власть, или лучше, власть, основанную на одной силе, не было майоратства... Словом сказать, вся история наша до малейших общих подробностей представляет совершенно иное зрелище: у нас не было укрепленных замков, наши города основаны другим способом, наши сословия произошли не так, как прочие европейские» [9, с. 88].

Погодин предостерегает от слепого копирования западноевропейского опыта: «На нас разносят клевету, будто мы не уважаем Запада. Нет, мы не уступим нашим противникам в этом чувстве уважения; мы изучали Запад, по крайней мере, не менее их; мы дорого ценим услуги, оказанные им человечеству; мы свято чтим тяжелые опыты, перенесенные им для общего блага; мы питаем глубокую благодарность за спасительные указания, которые сделал он своим братьям; мы сочувствуем всему прекрасному, высокому, чистому, где бы оно ни проявлялось на Западе и Востоке, Севере и Юге, – но мы утверждаем, что старых опытов повторять не нужно, что не все чужое прекрасно, что время показало на Западе многие существенные недостатки, что, наконец, мы должны иметь собственный взгляд на вещи, а не смотреть по-прежнему глазами Французов, Англичан, Итальянцев, Прусаков, Австрийцев, Баварцев, Венгерцев и Турок» [9, с. 248].

Погодин резко отзывается о так называемых «союзниках», предавших Россию в крымской кампании 1853–1856 гг. В статье «Опасности войны. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа», опубликованной в 1854 г., Погодин пишет: «Все европейские государства не только отказываются от союза с нами, но идут войною против нас, одни безусловно, другие условно: так на что же нам кланяться, упрашивать их и держаться за полы, навязываясь к ним в дружбу?» [9, с. 277].

Крайне актуально звучат слова Погодина из письма «К графине Б...й, о начавшейся войне» (декабрь 1853 года): «Есть две Европы. Европа газет и журналов и Европа настоящая. В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о Турции... Остальное народонаселение, с журналами и газетами, можно разделить на три категории.

Одни ненавидят Россию, потому что не имеют ни малейшего понятия, руководствуясь сочинением какого-нибудь Кюстина и двух-трех наших выходцев, которые знают свое отечество еще хуже него...

Другие ненавидят Россию, считая ее главным препятствием общему прогрессу...

Следовательно, всякое увеличение Русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развития, для просвещения...

К третьей категории принадлежат различные выходцы, изгнанники, политические бобыли и пролетарии, которым терять нечего, радикалы, которые имеют целью только в мутной воде рыбу ловить» [9, с. 268].

Концепция русской истории, созданная Погодиным, находилась в ближайшем родстве с теорией «официальной народности», что и неудивительно, если учесть, что Погодин в одно и то же время был профессором русской истории и проводником этой теории. Своеобразие исторического развития России, заключавшееся в полном отсутствии в русской истории социальных противоречий и борьбы, в то время как эти противоречия являлись основным содержанием всей истории Западной Европы, явно служило залогом того, что в будущем революции, потрясавшие государства Запада, в России невозможны. Этот тезис Погодин развил в своем выступлении при открытии памятника Н. М. Карамзину: «Русская история представляет всегда Россию одним семейством...» [9, с. 57].

Таковы в изображении Погодина главные особенности исторического развития России, обусловленные тем, что в основу русского государства легло призвание варягов. Но Погодин указывает также на «физические» и «нравственные» отличия России от Западной Европы. Отличия физические – «пространство, народочислие, населенность, почва, климат, положение, система рек». Земли на Руси было много – «бери всякой, сколько хочешь, – на что же было отнимать, насиловать? За что враждовать?» – восклицает Погодин [9, с. 260].

Различия нравственные – «характер, религия, образование». Будучи народом спокойным, терпеливым, славяне приняли «чужих господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностью, не раздражали ничем и всегда были довольны своею участью». Завершая обзор различий Запада и Руси, Погодин констатирует: «Сколько различий положено в основание Русского государства сравнительно с Западными! Не знаешь, которые сильнее, исторические, физические или нравственные! Эти различия развивались впоследствии и представляли из русской истории при общем (родовом) ее подобии, при единстве цели, совершенную противоположность с историей западных государств, что касается до ее путей, средств, обстоятельств, форм происшествий – противоположность, которую представляет наша жизнь и теперь, несмотря на все усилия, преобразования, перевороты, время» [9, с. 263, 264].

Мы имеем все основания сказать, что к середине сороковых годов XIX века у Погодина сложилась вполне определенная концепция русской истории. Эта концепция утверждала своеобразие исторического развития России. Высказанная Погодиным мысль об одном, общем для всех народов законе, о единой для всех стран закономерности исторического развития отодвинулась далеко на задний план. Признавая в определенной степени общее подобие русской истории развитию государств Западной Европы, тем не менее все его внимание сосредоточено на своеобразии исторического развития России, самобытности русского государства. Самое своеобразие русской истории сводится у Погодина к полному отсутствию в Древней Руси общественных противоречий и внутренней социальной борьбы. На Руси не было противоречий между боярами и народом, бояре не захватывали земли, на которой сидел народ, и не порабощали его. Вследствие особенного характера русских городов, которые были только укрепленными центрами власти, созданные князьями, на Руси не образовалось среднее сословие. Не было на Руси феодалов, потому что русское боярство не превратилось в земледельческий класс. На Руси не было противоречий между народом и властью, так как добровольно признанная государственная власть выступала защитником народа от внешних врагов. Несмотря на противоречивый, иногда упрощенный взгляд на историю, нельзя не отметить, что Погодин внес бесспорный вклад в русскую историографическую науку. В этой связи хотелось бы напомнить слова И. С. Аксакова: «Погодина можно за многое уважать, и когда умрет этот человек и представится нам вся жизнь его как одно целое, тогда многие, даже враги, отдадут ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усеяно лицо каждого человека, даже красавицы, если рассмотреть в микроскоп, исчезнут, не обратят на себя внимание, когда выдается впрямь общий облик человека. Этот-то общий облик не всегда уважается людьми при жизни человека, впрочем он и не ясно видит тогда; но вообще люди охотнее пу-

тешествуют по прыщам и буграм человека, чем всматриваются в общий тип его физиономии. В Погодине много и много такого хорошего, ради которого можно простить ему многое другое» [2, с. VI].

Список литературы

1. *Бачинин А. Н.* М. П. Погодин в отечественной историографии : заметки // Вестник РГГУ. 2010. № 7 (50). С. 28–42.
2. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22-х т. / Н. П. Барсуков. СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1888–1910. Т. 22. Кн. 13. 1899. XIV, 413 с.
3. *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : Монографии по русской истории : [разсуждения, критические статьи и заметки, рецензии К. Д. Кавелина] / с портр. авт., биогр. очерком и примеч. проф. Д. А. Корсакова. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. XXXII, с. 1052.
4. *Миллюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. Т. 1. Москва : Русская мысль, 1898. XII, 396 с.
5. *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. Москва : Памятники ист. мысли, 2003. 359 с.
6. *Пашков С. В.* Дискуссия М. П. Погодина и Н. И. Надеждина по варяго-русскому вопросу // Научные ведомости. 2015. № 1 (198). Вып. 33. С. 86–89.
7. *Пашков С. В.* О характере общественно-политической деятельности М. П. Погодина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 3 (66). С. 63–67.
8. *Плетнева А. В.* Век полемик: дискуссия между Д. И. Иловайским и М. П. Погодиным на страницах московских журналов в первой половине 70-х гг. XIX века // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4–2 (111). С. 423–429.
9. *Погодин М. П.* Избранные труды / М. П. Погодин ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянец, К. В. Рясенцев ; подгот. текстов А. А. Ширинянец, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко ; Ин-т общественной мысли. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 775 с.
10. *Погодин М. П.* Исторические афоризмы. Москва : Университетская типография, 1836. 136 с.
11. *Погодин М. П.* Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства, академиком М. Погодиным. Москва : типография Августа Семена, 1845. 66 с.
12. *Сосенков Ф. С.* К вопросу об идеях государственного единства и противодействия сепаратизму в политико-правовых воззрениях М. П. Погодина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 322–327.
13. *Ширинянец А. А.* Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина. Москва : Русский Мирь, 2008. 412 с.
14. *Ширинянец А. А.* «Теоретик официальной народности»: М. П. Погодин и триединая формула С. С. Уварова // Тетради по консерватизму : альманах. 2018. № 1. С. 121–134.
15. *Ширинянец А. А., Рясенцев К. В.* М. П. Погодин и поиски русской национальной идеи. 1830–1840-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2007. № 1. С. 18–31.

"God's history": M. P. Pogodin on the identity of Russia

G. N. Kocheshkov

Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of national history,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl.
ORCID: 0000-0003-2630-6668. Researcher ID: AAF-7756-2019. E-mail: kocheshg@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the creative heritage of the famous Russian historian, academician, publicist and public figure Mikhail Petrovich Pogodin. A graduate of Moscow University, he taught courses in General and Russian history, which were very popular among students. Pogodin's scientific legacy is still perceived ambiguously. Being an ardent supporter and ideological conductor of the theory of "official nationality", Pogodin did not always find understanding in the circle of Russian historians. Pogodin's idol was N. M. Karamzin, the author of the famous work "History of the Russian state". He dedicated a lot of warm words to him, but not everything in Karamzin's work suited Pogodin. So, he criticized Karamzin for not being able to bring his ideas and views into a certain system. Pogodin intended to fill this gap and tried to create a systematic work on Russian history. However, as shown in the article, Pogodin failed to fully implement his idea.

The inconsistency of Pogodin's views is already visible in his first work – "Historical aphorisms". While trying to explain all the historical events taking place in the world by the idea of regularities of social development, Pogodin pays special attention to the identity of Russia and Russian history. Pogodin is close to the Slavophiles in his views. He warns against blind copying the experience of Western Europe. Pogodin shows the origins of the identity of Russia, Dating back to the ancient periods of the history of the Eastern Slavs. The "dissimilarity" of Russia with Europe, according to Pogodin, is manifested not only in physical, but also in moral differences.

Pogodin paid great attention to the moral education of students, the formation of their critical thinking. Despite the fact that more than 150 years have passed since the death of the historian, his works, writings, and views still attract the attention of domestic researchers.

Keywords: critical period, system, historical process, identity, providence.

References

1. *Bachinin A. N. M. P. Pogodin v otechestvennoj istoriografii : zametki* [M. P. Pogodin in Russian historiography : notes] // *Vestnik RGGU – Herald of RSHU*. 2010. No. 7 (50). Pp. 28–42.
2. *Barsukov N. P. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina : v 22-h t.* [Life and works of M. P. Pogodin : in 22 vols.] / N. P. Barsukov. SPb. Pogodin and Stasyulevich, 1888–1910. 22 vols. Book 13. 1899. XIV, 413 p.
3. *Kavelin K. D. Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1 : Monografii po russkoj istorii: [razsuzhdeniya, kriticheskiya stat'i i zametki, recenzii K. D. Kavelina]* [Collected works : in 4 vols. Vol. 1 : Monographs on Russian history: [reasoning, critical articles and notes, reviews of K. D. Kavelin]] / with a portr. auth., biogr. essay and notes by Prof. D. A. Korsakov. SPb : M. M. Stasyulevich typ. 1897. XXXII, p. 1052.
4. *Milyukov P. N. Glavnye techeniya russkoj istoricheskoy mysli. 2-e izd. T. 1* [Main trends of Russian historical thought. 2nd ed. Vol. 1]. M. Russian thought. 1898. XII, 396 p.
5. *Pavlenko N. I. Mihail Pogodin* [Mikhail Pogodin]. M. Monuments of the hist. thoughts. 2003. 359 p.
6. *Pashkov S. V. Diskussiya M. P. Pogodina i N. I. Nadezhdina po varyago-russkomu voprosu* [Discussion of M. P. Pogodin and N. I. Nadezhdin on the Varyag-Russian question] // *Nauchnye vedomosti – Scientific reports*. 2015. No. 1 (198). Is. 33. Pp. 86–89.
7. *Pashkov S. V. O haraktere obshchestvenno-politicheskoy deyatel'nosti M. P. Pogodina* [On the nature of social and political activity of M. P. Pogodin] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of the Oryol State University*. 2015. No. 3 (66). Pp. 63–67.
8. *Pletneva A. V. Vek polemik: diskussiya mezhdru D. I. Ilovajskim i M. P. Pogodinym na stranicah moskovskih zhurnalov v pervoj polovine 70-h gg. XIX veka* [The age of polemics: a discussion between D. I. Ilovaisky and M. P. Pogodin on the pages of Moscow journal in the first half of the 70s of the XIX century] // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal – Kazan pedagogical journal*. 2015. No. 4–2 (111). Pp. 423–429.
9. *Pogodin M. P. Izbrannye trudy* [Selected works] / Mikhail Petrovich Pogodin ; comp., ed. introduction and commentary by A. A. Shirinyants, K. V. Ryasantsev ; prep. of texts A. A. Shirinyanc, K. V. Ryazantsev, E. P. Harchenko ; Institute of public thought. M. Russian political encyclopedia (ROSSPEN). 2010. 775 p.
10. *Pogodin M. P. Istoricheskie aforizmy* [Historical aphorisms]. M. University printing house. 1836. 136 p.
11. *Pogodin M. P. Istoricheskoe pohval'noe slovo Karamzinu, proiznesennoe pri otkrytii emu pamyatnika v Simbirsk, avgusta 23, 1845 goda, v sobranii simbirskogo dvoryanstva, akademikom M. Pogodinym* [Historical word of praise to Karamzin, pronounced at the opening of the monument to him in Simbirsk, August 23, 1845, in the Assembly of the Simbirsk nobility, academician M. Pogodin]. M. August Semyon printing house. 1845. 66 p.
12. *Sosenkov F. S. K voprosu ob ideyah gosudarstvennogo edinstva i protivodejstviya separatizmu v politiko-pravovykh vozzreniyah M. P. Pogodina* [On the ideas of state unity and counteraction to separatism in the political and legal views of M. P. Pogodin] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2015. No. 5–6. Pp. 322–327.
13. *Shirinyanc A. A. Russkij hranitel': politicheskij konservatizm M. P. Pogodina* [Russian guardian: political conservatism of M. P. Pogodin]. M. Russkiy Mir. 2008. 412 p.
14. *Shirinyanc A. A. "Teoretik oficial'noj narodnosti": M. P. Pogodin i triedinaya formula S. S. Uvarova* [“Theorist of official nationality”: M. P. Pogodin and S. S. Uvarov's triune formula] // *Tetradi po konservatizmu : al'manah – Notebooks on conservatism : almanac*. 2018. No. 1. Pp. 121–134.
15. *Shirinyanc A. A., Rysancev K. V. M. P. Pogodin i poiski russkoj nacional'noj idei. 1830–1840-e gg.* [M. P. Pogodin and the search for the Russian national idea. 1830–1840s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of the Moscow University. Ser. 12: Political Sciences*. 2007. No. 1. Pp. 18–31.

УДК 94(47).084.2"1917/1918"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.015

Офицеры российской императорской армии – жертвы городских погромов 1917 – начала 1918 г.

В. В. Канищев

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.
Россия, г. Тамбов. E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Аннотация. Актуальность проблемы, рассматриваемой в данной статье, связана с чередой 100-летних памятных событий, оставивших в нашей истории неоднозначный след. Работа посвящена одной из первых трагических страниц событий отечественной истории, разворачивавшихся в условиях Февральской революции 1917 г., кризисов Временного правительства, Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, «Триумфального шествия Советской власти» и все еще продолжавшейся Первой мировой войны, вплоть до ее завершения, и начала организованной, или «Большой», Гражданской войны.

Предметом исследования стали самосуды над офицерами «старой» армии в ходе таких распротестных движений, как городские погромы, прокатившиеся по городам России в рассматриваемый период. Важной задачей изучения данного явления была попытка хотя бы примерно установить количество офицеров русской императорской армии, ставших жертвами этих погромов. В результате исследования удалось определить географию наиболее активных районов, в которых было распространено погромное движение. Были выявлены формы расправ над офицерами и, главное, определен порядок цифр погибших и пострадавших в результате погромов.

Показатели данного исследования помогут сформировать адекватную картину событий того времени и разобраться в причинах проявления подобных форм агрессии. Установленные факты позволят продолжить дальнейшие научные изыскания в данной области. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности в школах и высших учебных заведениях по данному историческому периоду, в котором по сей день существует еще много неизвестных страниц.

Ключевые слова: офицерство, насилие, погромное движение, революция, солдаты.

Печальные 100-летние юбилеи Революции 1917 г. и Гражданской войны побуждают историков к изучению жертв этих трагических событий. Первыми жертвами столкновений внутри российского общества уже в феврале-марте 1917 г. наряду с полицейскими и жандармами стали офицеры «царской» армии. Именно им одними из первых пришлось ощутить на себе всю ненависть не только своих «вчерашних» подчиненных, с которыми они еще не так давно вместе шли в атаку и проливали кровь, но и масс гражданского населения, за которое они сражались и умирали на фронте. В советской исторической литературе факты расправ над офицерами приводились нередко, но фрагментарно (обычно речь шла о Петербурге, Москве, Кронштадте, Выборге, Гельсингфорсе). Широкий круг фактов о трагических судьбах российских офицеров в новейшей историографии представлен в работах С. В. Волкова, основанных главным образом на газетных и мемуарных источниках [14].

В лаборатории социальной истории ТГУ им. Г. Р. Державина архивных фондов МВД Временного правительства и НКВД Советского правительства создана электронная база данных более 600 погромных выступлений в городах в 1917–1918 гг. на территории современной РФ [19].

Наиболее насыщенными фактами о городских погромах на территории России в 1917–1918 гг. являются сводки органов внутренних дел, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (фонды Главного управления милиции МВД Временного правительства, Департамента общих дел МВД, советского народного комиссариата внутренних дел). Отметим, что помимо прочего в них представлены обзоры печати (выдержки из 70 с лишним столичных и провинциальных газет февраля 1917 – августа 1918 г. разной политической направленности, в которых сообщалось о чрезвычайных с точки зрения порядка в стране событиях, в т. ч. погромах в городах).

Включенные в базу данных факты извлечены также из 99 сборников документов, опубликованных в 1920–2010-х гг. В советской историографии стихийно-погромные выступления зачастую считались частью революционного движения, проявлениями справедливого гнева

трудящихся. Документы о них широко использовались издателями сборников материалов о революции 1917 г. и периоде «Триумфального шествия Советской власти».

Используя материалы этой базы данных, мы подготовили специальную таблицу о количестве фактов насилия над офицерами в рассматриваемый отрезок времени.

Таблица 1

**Количество упоминаний фактов насилия над офицерами
в городах России в феврале 1917 – феврале 1918 г.**

Годы, месяцы Формы насилия	1917												1918		Итого
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1	2		
Убийства офицеров	2	7	0	1	1	1	2	2	4	2	1	1	1	25	
Избиения офицеров	0	3	0		5	6	8	2	5	0	0	0	0	29	
Издевательства над офицерами	1	0	4	2	1	1	4	0	2	0	0	0	0	15	
Самовольные аресты, разоружение офицеров	4	17	1		2	4	3	5	1	0	0	0	0	37	
Всего	7	27	5	3	9	12	17	9	12	2	1	1	1	106	

Мы полагаем, что представленные в таблице факты упоминаний минимальны. В первую очередь это объясняется невозможностью в условиях революционного времени точных, тем более поименных подсчетов жертв погромных выступлений. В изученных записях о погромах было выявлено как минимум убитых офицеров 310 человек, избитых или переживших угрозу самосуда – 30 человек, подвергшихся издевательствам – 7 человек, арестованных и разоруженных – 38 человек.

Ясно, что в реальной жизни революционного времени число офицеров-жертв насилия, не учтенных в источниках, было больше в разы. С другой стороны, не нужно преувеличивать это число. Необходимо помнить, что большинство офицеров императорской армии в 1917 г. по-прежнему находились на фронте (географически за пределами современной России, исключая небольшой участок Северного фронта), а в 1918 г. – за пределами Советской России. Они не входили в наши подсчеты. К тому же, крупных вспышек насилия над офицерами кроме первых недель Февральской революции, нескольких фактов лета 1917 г. при отправке на фронт в тыловых гарнизонах не было.

С учетом всех оговорок мы предполагаем, что общее число жертв революционного насилия в городских гарнизонах на территории современной России измерялось порядком цифр в несколько тысяч человек.

В использованной нами базе данных о городских погромах 1917–1918 гг. зафиксировано 182 факта участия солдат в различных самосудах. Только половина случаев приходилась на насилие над офицерами. Такие случаи имели место в 56 городах. Наиболее частые проявления зафиксированы в Казани – 15, Петрограде – 11, Кирсанове Тамбовской губернии – 6, Москве – 5, Калуге – 4.

Убийства офицеров в Петрограде и его окрестностях начались уже 27 февраля 1917 г., когда в учебной команде Волынского полка было убито два командира. 28 февраля в столице зафиксировано убийство одного офицера толпой горожан и солдат. 1 марта суровые расправы матросов и солдат над офицерами, в ходе которых было убито более 30 человек, произошли в Кронштадте [1, с. 72; 2, с. 65; 3, с. 19, 23; 8, с. 26; 23, с. 26–28, 63; 36].

В начале марта жестокое обращение с офицерами перекинулось в провинцию. 4 марта пензенский гимназист Д. В. Фибих как свидетель подробно описал в дневнике самосуд и убийство солдатами начальника местного гарнизона генерала М. А. Бема. В тот же день в Гжатске Смоленской губернии случилось самочинное убийство гарнизонным патрулем прапорщика, ранившего солдата за неотдание чести. В Кирсанове Тамбовской губернии 5 марта произошло убийство подполковника 6-го драгунского Глуховского полка Зеленко. Через несколько дней в этом же городе в ходе стихийных волнений солдат имели место массовые расправы над «ненавистными» офицерами. В Карсуне Симбирской губернии в середине марта толпой горожан был убит командир полка полковник Столяров. Этот факт особенно примечателен тем, что убийство стало проявлением ненависти к офицерам со стороны горожан без видимого подстрекательства со стороны солдат [7, с. 265; 22, с. 61; 33, с. 379; 38, 37; 41, с. 622; 49, с. 37].

Расправы солдат и горожан над офицерами повсеместно продолжались и в последующие месяцы весны-осени 1917 г. Наиболее «резонансными» проявлениями этой формы погромов стали убийство в Ельце Орловской губернии в июле толпой солдат-«белобилетников»

генерала Семевского; сброс с моста солдатами в Выборге командира корпуса генерала Барановского, скрывшего приказ Временного правительства о присылке в Петроград войск для подавления корниловского мятежа, а также еще 9 сочувствовавших ему офицеров (по другим данным, с моста было сброшено около 20 офицеров) [11, с. 80; 12, с. 138; 17, д. 211, л. 149, 186; 18, д. 44, л. 66, д. 334, л. 19, 57, д. 425, л. 56; 31, с. 82; 43].

Убийственные самосуды солдат над офицерами и юнкерами происходили в процессе установления советской власти в столице и на местах. Наиболее известным фактом стал самосуд красногвардейцев и революционных солдат над арестованными участниками восстания юнкеров в Петрограде 29 октября 1917 г. В Казани 26 октября в ходе установления Советской власти имели место массовые самосуды солдат над офицерами. В Воронеже 30 октября состоялся самосуд солдат над полковником Языковым, руководившим контрреволюционным военным штабом [5, с. 197; 27; 30, с. 839; 44].

Стихийные самосуды солдат и матросов над офицерами продолжались весь период так называемого «Триумфального шествия Советской власти». Назовем наиболее крупные из них в разных частях Советской России: в ноябре в Петрограде самосуд революционных солдат над тремя юнкерами; в декабре в Севастополе массовые самосуды матросов над морскими офицерами; в январе 1918 г. в Мурманске расправа группы матросов над главным начальником Мурманского укрепрайона и Мурманского отряда судов Кетлинским (вероятно, как акт возмездия за расстрел их товарищей-участников волнений 1916 г.); в феврале в Севастополе самосуды матросов над «контрреволюционными» офицерами и «буржуазией» (убито около 250 человек) [6, с. 13; 13, с. 368; 31, с. 290; 42, с. 269; 50, с. 72].

Отмеченные в таблице десятки фактов арестов, избиений, издевательств и других проявлений самосудов над офицерами важны для понимания мотивов погромных действий солдат и горожан.

Особым было проявление недовольства офицерами, пытавшимися навести порядок в воинских частях. Так, 7 июня 1917 г. в Уфе во время самовольного обыска толпой солдат и горожан запасов кожи частного торговца произошло столкновение толпы с усмирявшей волнения воинской частью. При этом были избиты 2 офицера. В Астрахани в том же месяце в ходе длительных волнений солдат-отпускников при поддержке других солдат и горожан против возвращения в войска был избит офицер, пытавшийся успокоить «бунтовщиков». В том же месяце в Самаре солдатами были избиты командир полка и председатель полкового комитета, угрожавшие смертной казнью солдатам [4, с. 91–94, 413; 9, с. 344, 425; 17, д. 145, л. 77, 102, д. 247, л. 19–22; 18, д. 334, л. 23, д. 424, л. 58, 87, д. 425, л. 122; 47, с. 145].

Наиболее «броскими» были случаи, когда офицеры сами «нарывались» на неприятности, особенно рьяно пытались навести порядок в своих частях. Так, 4 марта 1917 г. в Москве произошел самочинный арест солдатами одной из рот прапорщика, который грозил оружием и ругался «площадными словами» на солдат, не выполнявших его приказы. 28 марта в городе Духовщина Смоленской губернии случился самочинный арест солдатами уездного воинского начальника за арест им делегата Московского съезда рабочих депутатов. 13 июля в Москве солдаты самочинно арестовали командира полка в ответ на аресты товарищей, не подчинившихся его приказам. В Сарапуле Вятской губернии 17–18 августа имел место самочинный арест солдатами командира полка и уездного комиссара Временного правительства в связи с направлением ими воинской команды для подавления крестьянского движения. В ходе очень крупных стихийных вооруженных волнений солдат в Иркутск, длившихся несколько дней в середине сентября с требованием освободить арестованных товарищей, был арестован даже командующий войсками военного округа. В Казани во время волнений 16–17 октября произошел самочинный арест солдатами командира дружины и его адъютанта за отказ подписать увольнительные на полевые работы [9, с. 571; 17, д. 233, л. 3; 21, с. 205; 24, с. 88; 26, с. 45; 32, с. 110–112; 39, с. 281; 46, с. 418; 48, с. 175].

С лета 1917 г. периодически в суровых формах проявлялось недовольство офицерами-контрреволюционерами. В конце июня в Кронштадте произошло избиение группой заключенных в тюрьму матросов помещенного к ним в камеру бывшего командира Кронштадтского форта адмирала Куроша. Произошло это во время спора по политическим вопросам. В июле в Казани имело место избиение солдатами офицера, пытавшегося арестовать оратора из солдат, призывавшего не подчиняться Временному правительству. Аналогичный инцидент произошел в августе в Омске, где толпой участников манифестации был избит прапорщик, выступавший против антивоенных лозунгов. В Москве в конце августа была пресечена попытка

самосуда толпы горожан над пьяным офицером, кричавшим: «Я – корниловец» [15; 18, оп. 6, д. 44, л. 15–16, д. 271, л. 149; д. 272, л. 39; д. 428, л. 85; 21, с. 134; 34; 46, с. 219–221].

Периодически под расправы попадали офицеры, которые должны были отправлять солдат тыловых запасных частей на фронт. В Симбирске 22–24 июня имели место стихийные волнения солдат в связи с отправкой на фронт. Помимо прочего, в ходе волнений состоялся самочинный арест командира одного из полков, вооруженные столкновения с офицерами, которые закончились ранением двух офицеров. Еще более мощными были антивоенные волнения солдат нескольких полков в Нижнем Новгороде в первых числах июля 1917 г. Во время погромных волнений «темной массой», как сообщали источники, были убиты 3 и ранены 4 юнкера Александровского училища, личный состав которого направили для подавления волнений. В Тамбове 13 июля антивоенные протесты солдат 60-го запасного пехотного полка дошли до самочинного ареста солдатами командира полка [9, с. 390; 17, д. 149, л. 127; 18, д. 424, л. 136; 35, с. 394–398; 40, с. 415].

В конце лета – осенью 1917 г. во время особого напряжения в городах России поводом для избиений офицеров становились самые «пустяковые» случаи. Так, в Петрограде 17 августа во время самочинного обыска солдатами частной квартиры в районе Стрельны в поисках тайного склада оружия подвергся избиению полковой адъютант, оказавший сопротивление при обыске. В Калуге в середине сентября солдаты избили двух военных врачей, якобы давших одному из солдат плохое лекарство. В начале октября в Белозерске Новгородской губернии произошел стихийный захват толпой горожан и окрестных крестьян судов с хлебом. «Попутно» был избит офицер сопровождавшего груз конвоя. А в Бузулуке Самарской губернии примерно в те же дни в ходе разгрома горожанами и солдатами городского продовольственного комитета был избит «подвернувшийся под руку» офицер [12, с. 65; 17, д. 226, л. 281; 18, д. 29а, л. 121, д. 45, л. 173, д. 273, л. 40, д. 294, л. 20; 20; 25; 37; 45].

Уже в первые дни Февральской революции получили широкое распространение различные формы издевательств солдат над офицерами. Наиболее распространенной публичной формой стало срывание погон, которое имело место в Феодосии и Керчи Таврической губернии, Кирсанове и Борисоглебске Тамбовской губернии, Казани и других городах [17, д. 149, л. 132; 18, д. 271, л. 118, д. 428, л. 37а, д. 439, л. 32; 22, с. 48–49, 63; 28; 50, с. 20].

Особо изощренными были издевательства на почве бытовых недоразумений. Так, в Уфе во второй половине мая в процессе стихийных волнений солдат, недовольных качеством питания, состоялся поход с тазами горячего супа на штаб части, «чтобы вылить горячий суп на голову командира». В Ачинске Енисейской губернии в середине июня имело место издевательство толпы солдат над поручиком, обвиненным в краже кожи. В качестве публичного наказания его водили по городу под барабанный бой, верхом на лошади и с кусками кожи на плечах и в зубах [18, д. 424, л. 84, д. 439, л. 32; 28].

В целом погромное движение в городах России продолжалось до конца лета 1918 г. и как массовое явление было остановлено «красным террором».

Мы установили, что окончание самосудов над офицерами старой армии пришлось на февраль 1918 г. Затем погромная энергия солдат и других слоев населения, ненавидевших «золотопогонников», перетекла в «организованную» Гражданскую войну. Многие стихийные погромщики стали бойцами Красной армии. С другой стороны, многочисленные факты расправ и издевательств становились мотивами, так сказать, естественной контрреволюционности офицеров, не столько идейной, сколько эмоциональной, направленной на самосохранение и выживание в чрезвычайных условиях.

Список литературы

1. 1917. К 90-летию Февральской и Октябрьской революции. М., 2007. 431 с.
2. *Авдеев Н.* Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. 1. М.; Пг., 1923. 222 с.
3. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. 437 с.
4. Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Ч. 1. Астрахань, 1958. 447 с.
5. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. Воронеж, 1957. 475 с.
6. Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 1. Симферополь, 1957. 320 с.
7. Борьба рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. Тамбов, 1957. 292 с.
8. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 1. М., 1957. 741 с.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 2. М., 1959. 687 с.
10. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 3. М., 1960. 590 с.

11. Великая русская революция глазами интеллектуалов : хрестоматия. М., 2015. 382 с.
12. *Владими́рова В.* Революция 1917. Т. IV. М. ; Пг., 1924. 422 с.
13. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.). Л., 1982. 406 с.
14. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. 317 с.
15. Газета-Копейка. 1917. 2 июля.
16. Газета-Копейка. 1917. 23 сентября.
17. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1791. Оп. 2.
18. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)). Ф. 1791. Оп. 6.
19. ГИС и база данных «Погромы в городах России в феврале 1917 – августе 1918 годов». URL: <http://ineternum.ru/bunt>.
20. Голос Калуги. 1917. 21 сентября.
21. *Грачев Е.* Казанский Октябрь. Хроника революции 1917 г. (период март-октябрь). Казань, 1926. 252 с.
22. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Тамбов, 2018. 528 с.
23. *Заславский Д. О., Конторович В. А.* Хроника февральской революции. Т. 1. Пг., 1924. 312 с.
24. За социалистическую революцию. Летопись важнейших революционных событий в Иркутской губернии с ноября 1895 г. по март 1920 г. Иркутск, 1968. 122 с.
25. Копейка. 1917. 23 сентября.
26. *Максаков В., Турунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). М. ; Л., 1926. 299 с.
27. Новая жизнь. 1917. 31 октября.
28. Новое время. 1917. 27 мая.
29. Октябрь в Сибири. Новосибирск, 1987. 319 с.
30. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. 723 с.
31. Октябрьский переворот. Факты и документы. Пг., 1918. 415 с.
32. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Ижевск, 1957. 395 с.
33. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918. Кн. 2. Прага, 2014. 596 с.
34. Петроградская газета. 1917. 2 июля.
35. «По обстоятельствам военного времени». Нижегородская губерния в 1914 – начале 1918 гг. : сборник документов : в 2-х т. Т. 2. Нижний Новгород, 2018. 632 с.
36. Правда. 1917. 11 марта.
37. Рабочая газета. 1917. 8 октября.
38. Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988. 486 с.
39. Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1959. 696 с.
40. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. 626 с.
41. Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. 857 с.
42. Революция в Крыму. Симферополь, 1957. № 1. 320 с.
43. Речь. 1917. 8 июля.
44. Русские ведомости. 1917. 18 ноября.
45. Русское слово. 1917. 22 сентября.
46. Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль-октябрь 1917 г.) : сб. документов и материалов. Казань, 1957. 510 с.
47. *Троцкий В.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Вып. 1. Самара, 1929. 320 с.
48. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Киров, 1957. 624 с.
49. Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии. Смоленск, 1957. 371 с.
50. Хроника революционных событий в Крыму. 1917–1920. Симферополь, 1969. 190 с.

Officers of the Russian Imperial army – victims of the urban pogroms of 1917 – early 1918

V. V. Kanishchev

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of international relations and political science,
Tambov State University n. a. G. R. Derzhavin. Russia, Tambov. E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Abstract. The relevance of the problem considered in this article is connected with a series of 100-year-old memorable events that left an ambiguous mark in our history. The work is devoted to one of the first tragic pages of the events of Russian history that unfolded in the Conditions of the February revolution of 1917, the crises of The provisional government, the October armed uprising in Petrograd, the "triumphal march of the

Soviet government" and the still ongoing First World War, until its end, and the beginning of the organized, or "Big", Civil war.

The subject of the study was lynching of officers of the "old" army during such widespread protest movements as urban pogroms that swept through Russian cities during the period under review. An important task of studying this phenomenon was to try to determine at least approximately the number of officers of the Russian Imperial army who became victims of these pogroms. As a result of the study, it was possible to determine the geography of the most active areas in which the pogrom movement was widespread. The forms of reprisals against officers were identified and, most importantly, the order of numbers of those killed and injured as a result of pogroms was determined.

The indicators of this study will help to form an adequate picture of the events of that time and understand the reasons for the manifestation of such forms of aggression. The established facts will allow us to continue further scientific research in this area. In addition, the research materials can be used in teaching in schools and higher educational institutions for this historical period, in which there are still many unknown pages.

Keywords: officers, violence, pogrom movement, revolution, soldiers.

References

1. 1917. *K 90-letiyu Fevral'skoj i Oktyabr'skoj revolyucii* – 1917. To the 90th anniversary of the February and October revolution. M. 2007. 431 p.
2. Avdeev N. *Revoljuciya 1917 g. (Hronika sobytij). T. 1* [Revolution of 1917 (Chronicle of events). Vol. 1]. M. ; Pg. 1923. 222 p.
3. *Baltijskie moryaki v podgotovke i provedenii Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii* – Baltic sailors in the preparation and conduct of the great October socialist revolution. M. ; L. 1957. 437 p.
4. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Astrahanskom krae. Ch. 1* – The struggle for the power of the Soviets in the Astrakhan region. Part 1. Astrakhan. 1958. 447 p.
5. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Voronezhskoj gubernii* – The struggle for Soviet power in the Voronezh province. Voronezh. 1957. 475 p.
6. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Krymu. T. 1* – Struggle for Soviet power in the Crimea, Vol. 1. Simferopol. 1957. 320 p.
7. *Bor'ba rabochih i krest'yan pod rukovodstvom Kommunisticheskoy partii za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Tambovskoj gubernii* – The struggle of workers and peasants under the leadership of the Communist party for the establishment and consolidation of Soviet power in the Tambov province. Tambov. 1957. 292 p.
8. *Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya. Hronika sobytij. T. 1* – The Great October Socialist Revolution. Chronicle of events. Vol. 1. M. 1957. 741 p.
9. *Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya. Hronika sobytij. T. 2* – The Great October Socialist Revolution. Chronicle of events. Vol. 2. M. 1959. 687 p.
10. *Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya. Hronika sobytij. T. 3* – The Great October Socialist Revolution. Chronicle of events. Vol. 3. M. 1960. 590 p.
11. *Velikaya russkaya revolyuciya glazami intellektualov : hrestomatiya* – The great Russian revolution through the eyes of intellectuals : textbook. M. 2015. 382 p.
12. *Vladimirova V. Revolyuciya 1917. T. IV* [Revolution of 1917. Vol. IV]. M. ; Pg. 1924. 422 p.
13. *Voennye moryaki v bor'be za vlast' Sovetov na Severe (1917–1920 gg.)* – Military seamen in the struggle for Soviet power in the North (1917–1920). L. 1982. 406 p.
14. *Volkov S. V. Tragediya russkogo oficerstva* [The tragedy of Russian officers]. M. 2001. 317 p.
15. *Gazeta-Kopeyka* – Newspaper-kopeck. 1917. July 2.
16. *Gazeta-Kopeyka* – Newspaper-kopeck. 1917. September 23.
17. SARF (State archive of the Russian Federation). F. 1791. Op. 2.
18. SARF (State archive of the Russian Federation (GARF)). F. 1791. Op. 6.
19. *GIS i baza dannyh "Pogromy v gorodah Rossii v fevrale 1917 – avguste 1918 godov"* – GIS and database "Pogroms in Russian cities in February 1917 – August 1918". Available at: <http://ineternum.ru/bunt>.
20. *Golos Kalugi* – The voice of Kaluga. 1917. September 21.
21. *Grachev E. Kazanskij Oktyabr'. Hronika revolyucii 1917 g. (period mart-oktyabr')* [Kazan October. Chronicle of the 1917 revolution (March–October period)]. Kazan. 1926. 252 p.
22. *Zhizn' tambovskoj provincii v epohu revolyucij (fevral' 1917 g. – fevral' 1918 g.)* – Life of the Tambov province in the era of revolutions (February 1917 – February 1918). Tambov. 2018. 528 p.
23. *Zaslavskij D. O., Kontorovich V. A. Hronika fevral'skoj revolyucii. T. 1* [Chronicle of the February revolution. Vol. 1]. Pg. 1924. 312 p.
24. *Za socialisticheskuyu revolyuciyu. Letopis' vazhnejshih revolyucionnyh sobytij v Irkutskoj gubernii s noyabrya 1895 g. po mart 1920 g.* – For the socialist revolution. Chronicle of the most important revolutionary events in the Irkutsk province from November 1895 to March 1920. Irkutsk. 1968. 122 p.
25. *Kopejka* – Kopeck. 1917. September 23.

26. Maksakov V., Turunov A. *Hronika grazhdanskoj vojny v Sibiri (1917–1918)* [Chronicle of the civil war in Siberia (1917–1918)]. M. ; L. 1926. 299 p.
27. *Novaya zhizn'* – New life. 1917. October 31.
28. *Novoe vremya* – New time. 1917. May 27.
29. *Oktyabr' v Sibiri* – October in Siberia. Novosibirsk. 1987. 319 p.
30. *Oktyabr'skoe vooruzhennoe vosstanie v Petrograde* – October armed uprising in Petrograd. M. 1957. 723 p.
31. *Oktyabr'skij perevorot. Fakty i dokumenty* – October revolution. Facts and documents. Pg. 1918. 415 p.
32. *Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya v Udmurtii* – October socialist revolution in Udmurtia. Izhevsk. 1957. 395 p.
33. *Penzenskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914 – mart 1918. Kn. 2* – Penza province during the First World War. 1914 – March 1918. Book 2. Prague. 2014. 596 p.
34. *Petrogradskaya Gazeta* – Petrograd Newspaper. 1917. July 2.
35. "Po obstoyatel'stvam voennogo vremeni". *Nizhegorodskaya guberniya v 1914 – nachale 1918 gg. : sbornik dokumentov : v 2-h t. T. 2* – "Due to wartime circumstances". Nizhny Novgorod province in 1914 – early 1918 : collection of documents : in 2 parts. Vol. 2. Nizhny Novgorod. 2018. 632 p.
36. *Pravda* – Truth. 1917. March 11.
37. *Rabochaya gazeta* – Working paper. 1917. October 8.
38. *Revolucionnoe dvizhenie v voennykh okrugah. Mart 1917 g. – mart 1918 g.* – The revolutionary movement in the military districts. March 1917 – March 1918. M. 1988. 486 p.
39. *Revolucionnoe dvizhenie v Rossii v avguste 1917 g.* – The revolutionary movement in Russia in August 1917. M. 1959. 696 p.
40. *Revolucionnoe dvizhenie v Rossii v iyule 1917 g. Iyul'skij krizis* – The revolutionary movement in Russia in July 1917. July crisis. M. 1959. 626 p.
41. *Revolucionnoe dvizhenie v Rossii posle sverzheniya samodержaviya* – Revolutionary movement in Russia after the overthrow of the autocracy. M. 1957. 857 p.
42. *Revoluciya v Krymu* – The revolution in the Crimea. Simferopol. 1957. No. 1. 320 p.
43. *Rech'* – Speech. 1917. July 8.
44. *Russkie vedomosti* – Russian News. 1917. November 18.
45. *Russkoe slovo* – Russian word. 1917. September 22.
46. *Tatariya v bor'be za pobedu proletarskoj revolyucii (fev-ral'-oktyabr' 1917 g.) : sb. dokumentov i materialov* – Tataria in the struggle for the victory of the proletarian revolution (February–October 1917) : collection of documents and materials. Kazan. 1957. 510 p.
47. *Trockij V. Revolyuciya 1917–1918 gg. v Samarskoj gubernii. Hronika sobytij. Vyp. 1* [Revolution of 1917–1918 in the Samara province. Chronicle of events. Is. 1]. Samara. 1929. 320 p.
48. *Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Vyatskoj gubernii* – Establishment and consolidation of Soviet power in the Vyatka province. Kirov. 1957. 624 p.
49. *Ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Smolenskoj gubernii* – Establishment and consolidation of Soviet power in the Smolensk province. Smolensk. 1957. 371 p.
50. *Hronika revolucionnykh sobytij v Krymu* – Chronicle of revolutionary events in the Crimea. 1917–1920. Simferopol. 1969. 190 p.

Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века*

С. Н. Копырина¹, А. В. Черноухов²

¹аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: sardana.kopyrina@urfu.ru

²доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: A.V.Chernoukhov@urfu.ru

Аннотация. В статье через анализ истории появления заводских госпиталей, нормативных, организационных и хозяйственно-финансовых аспектов их функционирования раскрываются основные вехи становления, совершенствования и развития медицинской инфраструктуры на казенных горных заводах Урала в первой трети XVIII в.

На основе архивных документов рассматриваются вопросы, связанные с наймом лекарей, медицинского персонала, их деятельностью по выписыванию лекарств из Москвы. Особое внимание уделено практической деятельности и организации учебной подготовки вспомогательного лечебного персонала и младших медицинских кадров. Для отражения всей специфики и сложности работы лекарьских служителей на уральских заводах в первой трети XVIII в. охарактеризованы заболевания, с которыми чаще всего им приходилось бороться, приведены примеры из медицинской практики того времени.

Авторы приходят к выводу, что, несмотря на недостатки системы государственного администрирования и зачаточного состояния врачебного образования Петровской эпохи, в первой трети XVIII в. на казенных заводах Урала удалось заложить основы медицинской инфраструктуры. Ее базой стали Екатеринбургский госпиталь и стационары на пермских заводах. Невзирая на нехватку квалифицированных медицинских кадров, они были снабжены медикаментами и были способны принимать больных по широкому профилю заболеваний. Стараниями уральских горных администраторов и первых врачей, прибывших в Уральский регион, удалось наладить материальное обеспечение госпитального хозяйства, организовать подготовку младшего медицинского персонала и создать систему врачебно-трудоустройственной экспертизы.

Ключевые слова: Урал, XVIII век, госпиталь, аптека, медицинский персонал, медикаменты, болезни, лекарь, штаты.

Проблема изучения состояния медицинского обслуживания на территории Урала раннего Нового времени не становилась предметом специального научного исследования. В литературе отмечалось, что развивающийся горнозаводской комплекс вызвал к жизни крупную экономическую инфраструктуру, в состав которой вошли казенные заводы, их топливно-сырьевая база, внутренние и внешние коммуникации, сельскохозяйственная база, внутренние локальные рынки [46, с. 23]. Однако роль медицины в организации этих процессов не рассматривалась. Работы, подробно отражающие учреждения здравоохранения Урала как элемент социальной инфраструктуры дореволюционной России, относятся только к периоду с начала XIX в.

Целью настоящей работы является реконструкция организации и принципов функционирования медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века. Термином «инфраструктура» принято считать совокупность условий, без которых невозможно развитие материального производства и удовлетворения потребностей населения [2]. В данной статье поставлена задача представить становление медицинской инфраструктуры в указанных поселениях во взаимосвязанных компонентах: оформление базовых помещений, оснащение их необходимым оборудованием, снабжение важнейшими медикаментами, комплектование штатов основных работников госпиталя и вспомогательного обслуживающего персонала.

Историография проблемы крайне ограничена. Краткую справку о начальном этапе становления медицины на Урале представила Т. Ю. Шестова [53]. Попытку расширить ее предпринял В. И. Старков [51]. Роли государственных органов в развитии здравоохранения посвящена статья М. О. Акишина [1, с. 23–28]. Упоминает о медиках и госпитале в Екатеринбурге

Н. С. Корепанов [42]. Две во многом спорные статьи об уральской медицине и роли В. Н. Татищева опубликовала А. М. Сафронова [47; 48].

Исходя из сказанного, следует отметить отсутствие системных сведений о становлении медицинской службы на Урале, формировании корпуса медицинских специалистов, в частности, о работе первого лекаря И. Спринцеля.

Главным препятствием для решения задач исследования стало отсутствие в архивах цельного комплекса документов об истории медицины XVIII в. Выявление источников потребовало полистного просмотра сотен дел. Это очень сложная работа – казенных заводов, которые необходимо было обслуживать медикам в первой трети века, было много. Их схематично можно объединить в два «куста», или района:

1. Екатеринбургский. В него в радиусе ста верст входили Полевской, Каменский, Сысертский, Верх-Исетский, Алапаевский, Синячихинский, Сусанский и Уктусские заводы. За пределами этого радиуса находился Лялинский завод, тоже «тянувший» к Екатеринбургу.

2. Пермский. Здесь функционировали Егошихинский, Висимский, Юговской и Пыскорские заводы.

Кроме этих заводов требовали медицинского обслуживания работники далекого от Урала, но подчинявшегося Екатеринбургу, казенного Нерчинского округа, курируемого казной Колывано-Воскресенского завода, направляемые на поиск руд экспедиции в районы Якутска, Красноярска, Иркутска.

Опубликованные источники позволяют сделать один важный вывод: законодательной базой, определявшей компетенции и функционирование госпиталей и аптек, служили главы Воинского Устава 1716 г. [45, т. 5, № 3006], Генерального Регламента 1720 г. [45, т. 6, № 3534], Регламента об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г. [45, т. 6, № 3937]. Позднее, 24 декабря 1735 г., был утвержден и особый Генеральный регламент о госпиталях [45, т. 9, № 6852], не содержавший, впрочем, больших новаций по сравнению с предыдущими нормативами.

Первоначальные меры по организации медицинской службы на Урале. Базовыми элементами любой медицинской инфраструктуры являются госпиталь (больница) и аптека. Во многих словарях о термине «госпиталь» нет разночтений [41, с. 341; 43, с. 222; 44, с. 481; 50, с. 189; 52, с. 541; 54, с. 36; 55, с. 386]. Напротив, много разногласий по понятию «аптека». Отмечают военные, полевые, походные, госпитальные, те аптеки, которые «часто находятся при больницах, являясь их частью». Но все справки легко объединить в четыре определения: учреждения, осуществляющие приготовление и отпуск лекарств; набор лекарств для оказания первой помощи; склад, кладовая, хранилище; подразделение больницы.

В изучаемый исторический период промышленного освоения Урала, становления здесь основ медицинской инфраструктуры, об аптеке как учреждении, где готовили и отпускали лекарства, речи не шло. Хотя бы потому, что она должна быть оснащена специальной лабораторией, рецептурной комнатой, кокторием, сушильной, ледником, специальной литературой. Для организации аптеки в таком смысле на Урале не было ни средств, ни оборудования, ни кадров.

Таким образом, на начальном этапе формирования горнозаводского комплекса Урала под аптекой надо понимать лишь набор лекарств, имеющихся в распоряжении должностных лиц, позднее – подразделение госпиталя, связанное с хранением и отпуском медикаментов. Такое понимание позволяет считать первой горнозаводской аптекой ту, которую привез на Урал капитан В. Н. Татищев в 1720 году. Личную аптеку вез, видимо, следовавший с В. Н. Татищевым, берг-мейстер И. Ф. Блиер, не отличавшийся хорошим здоровьем. Отправляясь в дальний путь, В. Н. Татищев просил командировать с ними, но не получил лекаря. На месте поиски лекаря также не увенчались успехом. Относительную квалификацию имели здесь только пленные шведы. Их было много, архивные документы позволяют утверждать, что на Алапаевском, Толмачевском, Федковских (Невьянских) заводах шведы успешно лечили больных [8, л. 184–185].

В марте 1721 г. на Урал в помощь В. Н. Татищеву приехал берг-рат (полковник) И. М. Михаэлис. Высокий ранг, возраст, а главное – слабое состояние здоровья, позволяли и вынуждали везти с собой медикаменты для лечения собственной персоны. Постоянно конфликтуя с другими руководящими чинами уральского горного управления, Михаэлис, по инициативе генерала В. И. Геннина [4, л. 466], 28 января 1726 г. отбыл с пермских Пыскорских заводов в столицу. Руководитель Пермского бергамта гиттенфервальтер И. Юдин сообщал в Екатеринбург, что после отъезда Михаэлиса «оставлена аптека в двух ящиках». Составив

каталог находившихся в ней медикаментов, офицер писал: «Ежели оной аптеке быть при Пыскорских заводах долгое время, а за тою аптекою презирать будет не кем, то она за неимением к тому искусного человека повредится может напрасно» [11, л. 259–268].

Через 15 дней последовало распоряжение В. И. Геннина: поскольку при Екатеринбурге имеется лекарь, «того ради оную из Пермского бергамта аптеку взять в Сибирский обербергамт». Аптека с Пыскора была перенаправлена сначала на Егошихинский завод, а летом прибыла в Екатеринбург. Перечень («спецификация») лекарств аптеки состоял из 425 наименований [11, л. 269]. Названия лекарственных средств указывались на немецком и русском языках. Она явилась большим подспорьем начального этапа работы госпиталя.

Сам генерал В. И. Геннин в 1722 г. на Урал приехал с личным врачом Иоганном Иосифом Спринцелем, полагая, что его пребывание в здешних краях будет недолгим. Но судьба распорядилась иначе, и генералу пришлось прожить здесь 12 лет. На него и на руководителей обербергамта выпали все тяготы работы с людьми, в том числе и по организации их медицинского обслуживания.

Деятельность И. И. Спринцеля на Урале началась со строительства Екатеринбурга, с борьбы со вспышкой «французской болезни», случившейся вследствие большого скопления строителей, неустроенности территории, приемом пищи солдатами из общих котлов [5, л. 33, 535, 552]. Уже в то время В. И. Геннин и И. И. Спринцель занялись возведением госпиталя.

Это оказалось невероятно трудной задачей. В 1724–1725 гг. И. И. Спринцель был единственным медиком на весь огромный горнозаводской край, выполнявшим, кроме прочего, обязанности личного лекаря генерала. В итоге И. И. Спринцель с В. И. Генниным уехали сначала на Пыскорский завод, а далее – в Москву. Работы остановились и госпиталь не достроили. К тому же у лекаря закончился контракт. Он остался в старой столице, рассчитывая на более выгодные условия дальнейшей службы в России. А тем временем в Санкт-Петербурге генерал «обивал пороги» в Сенате и иных инстанциях с просьбами и требованиями «не ради одной его персоны, но ради всех Сибирских заводов мастеровых людей и прочих служителей отправить с ним искусных лекарей». Ответ чиновников был прост: «лекарей ко отправлению не имеется» – поэтому В. И. Геннину советовали писать И. И. Спринцелю и просить его вновь ехать на Урал [14, л. 908–910].

По счастью для генерала и для Екатеринбурга И. И. Спринцель не получил лучших предложений и согласился. Но выставил условия: определить штаб-лекарем, жалования повысить до 180 руб. в год¹ [45, т. 5, № 2879], дать помощника в госпиталь, ученика из школьников, казенный фураж на три лошади, квартиру, дрова. Условия были приняты, и вместе с В. И. Генниным он вернулся в Екатеринбург в ноябре 1725 года.

В конце 1727 г. И. Спринцель принял решение продлить контракт, но поднял ставки. Прежде всего штаб-лекарь потребовал увеличить годовое жалование до 219 руб. и право лечить жен и детей служителей «за особливую плату собственными его лекарствами», а при отсутствии собственных – казенными, с внесением за них денег в казну. По сути, это было право вести частную врачебную практику. В. И. Геннин, зная, что «человек он вольной, а здесь при заводах для лечения болящих весьма нужен быть, он надобен и без него пробыть невозможно, ибо других лекарей никого не имеется», принял решение заключить новый контракт на условиях Спринцеля [14, л. 911–913].

После решения кадрового вопроса для В. И. Геннина наступила очередь улаживания финансовых проблем. Дело в том, что власти, поставив задачу становления государственного медицинского обслуживания, не пожелали вкладывать надлежащие деньги на ее решение. Большую часть ресурсов должны были доставлять сами болящие.

Поэтому в исследуемый хронологический период казенная горнозаводская медицина неизбежно следовала положению ст. 8 гл. 47 Адмиралтейского регламента: «У содержания в госпиталях больных удерживать половину денежного жалования, а хлебное все, за все то время, которое они будут в госпиталях, и употреблять деньги на содержание госпиталей. Другую половину отдавать им по выпуске их из госпиталя» [18, л. 177]. В. И. Геннин увидел и «дисциплинирующий» потенциал в этой статье и зафиксировал в 25-й главе Инструкции заводскому комиссару 1723 г.: «дабы мастера напрасно притворною болезнию не заскорбели и не ленство-

¹ По указу от 28 января 1715 г., установившего единые ставки окладного жалованья для ряда чинов местных администраций, денежный оклад дьяков составлял 120 руб. в год. Денежный оклад руководителей уездов (воевод, комендантов) в 1710–1720-е гг. мог колебаться от 100 до 300 руб.

вали». Позднее он внес в Табель заводских штатов 1726 г. доброе начинание: «ежели оных денег первой половины не достанет», дополнительно выделять на покупку медикаментов в год из доходов обер-бергамта 100 руб., а на содержание раненых и хворых – 50 руб. [21, л. 57].

Адмиралтейский регламент предусматривал еще одну меру для пополнения медицинского бюджета казенных учреждений. В соответствии со ст. 34 гл. 1 регламента устанавливалось взимание платы на госпиталь по копейке с рубля [36, л. 28].

На его основе указом от 4 февраля 1723 г., адресованном комиссару Т. Бурцеву, В. И. Геннин определил:

«Надлежит как с канцелярских со всех чинов служителей, так и с мастеровых людей и прочих, не обходя никого, которые получают Его императорского величества денежное жалование годовое, месячное и задельное, вычитать на медикаменты, то есть на лекарства для лечения по копейки с рубля и записывать те деньги в приход особно» и ежемесячно подавать ему о том рапорт. Деньги следовало собирать в том числе и с иностранцев. А если кто заболит или на работе повредится – «приходить к лекарю и требовать лекарства без платы», «только кроме тех, которые имеют французскую немощ² или в драке ушиблены будут» [7, л. 55].

Кроме основных доходных статей В. И. Геннин уже в первые годы «изыскивал» дополнительные источники – штрафы за игру на деньги в карты и кости. Примечателен в этом отношении документ от 5 марта 1724 г.: «ежели мастера как русские, так и иноземцы будут пьянствовать, отходя от своих работ в работные дни, тех брать за караул и вычесть за день месячное жалование, и класть оные деньги особо на школу и госпиталь, а когда по вычете пьянства не пресекут, то держать оных у работ, скованных» [19, л. 171].

В целом в 1723–1727 гг. на медицину и школы (она содержалась в эти годы на «медицинские» деньги) были издержаны следующие суммы (в руб.):

Таблица 1

Количество денежной суммы, издержанной на госпиталь и школы

[16, л. 460–465об.]

Год	Госпиталь	Школы	Год	Госпиталь	Школы
1723	265	54	1726	367	186
1724	24	79	1727	128	85
1725	372	87	Всего	1156 ³	491

Представить качественный анализ цифр сложно. Все познается в сравнении. Например, в эти же годы на отправку караванов с продукцией было издержано более 21,5 тыс. руб. А большая часть денег по статье медицинских расходов в 1723, 1725, 1726 годах была израсходована на оплату лекаря и присылаемых лекарств. Снижение суммы в 1727 г. объясняется двумя причинами. Первая – данные в источнике представлены лишь до сентября. Вторая, главная – В. И. Геннин испытывал жесточайший денежный кризис. Жалование всем работникам и служащим, кроме иностранцев, на время он вынужден был выдавать лишь половинное.

Выход из положения он нашел своеобразный, но противоречащий законодательству. Используя право, предоставленное Берг-коллегией в 1725 г., решать некоторые дела лично, в оперативном порядке (во избежание длительной переписки), он указом 28 августа 1727 г. приказал временно собирать на медицину по две копейки с рубля. А временное в России зачастую становится постоянным. В итоге в 1728–1734 гг., вплоть до отъезда генерал-лейтенанта и кавалера с Урала, такие сборы и осуществлялись. Это подтверждается документами по всем заводам.

Таблица 2

Сводка сбора денег управителя Полевского завода маркшейдера Михаила Кутузова

[34, л. 364–380]

Год	Сумма (руб.)	Год	Сумма (руб.)
1728	59,23	1732	74,05
1729	81,36	1733	74,05
1730	87,42	1734	70,53
1731	82,82	1735	40,05 («по копейки с рубля»)

² Сифилис.

³ В источнике итоговая цифра на госпиталь подсчитана неверно.

В. Н. Татищев восстановил законность и справедливость; на основании решения Канцелярии главного заводов правления (как стал именоваться Сибирский обер-бергamt после возвращения Татищева на Урал) от 8 февраля 1735 г. вернулись к прежней системе: одна копейка с рубля [36, л. 28]. Она действовала на протяжении всего XVIII века.

В первые годы В. И. Геннин одновременно с решением текущих дел настойчиво добивался от Берг-коллегии помощи в налаживании медицинского обслуживания своего ведомства. Только в 1723 г. было подано 3 прошения на этот счет: от 23 апреля, 29 июля, 28 ноября. На последнее послание Берг-коллегия, понимая, что без лекарей «при тех заводах пробыть невозможно», просила Медицинскую канцелярию «приискать одного штаб-лекаря да лекаря из иноземцев добрых искусных людей, которые могли б то дело снести». Предполагалось платить жалованье штаб-лекарю в 180, а лекарю – в 120 руб.; при медиках следовало содержать «по два человека учеников из русских». Коллежское мнение было послано на рассмотрение в Сенат, о чем сообщили В. И. Геннину, предложив подать вторичное прошение непосредственно сенаторам, «чтоб быстрее указ учинить» [6, л. 100об.–101об.].

24 марта 1724 г. В. И. Геннин вновь озабоченно писал в столицу:

«Великая имеется нужда в лекарях как Екатеринбургских заводах, так и у Соли Камской. И опасно, чтоб мастеровым людям напрасно без лекаря не потребить и от того остановки в заводских и горных делах не учинить. Для того, когда мастер занеможет, а без лекаря пособить его болезни некому и от той болезни безвременно умрет, то другого на его место из Саксонии достать будет трудно и не безубыточно. Дело его мастерства остановится, русские ученики его мастерство и искусство свое еще до конца не приняли и без мастера потеряют» [6, л. 100об.].

Торопил он и утверждение штатов работников в медицинской сфере, которые были разработаны в 1723 году. При этом необходимо отметить, что это был не особый штат, а лишь малая часть сводного штата «Сибирского обер-бергамта... что ко оным надобно членов и служителей». Его повез в столицу В. Н. Татищев, покидавший Екатеринбург. Об этом документе исследователи пишут, но дальнейшую судьбу не разбирают. А она такова: 11 апреля 1724 г. штат был рассмотрен и серьезно откорректирован по многим позициям в Берг-коллегии. Ровно через 2 месяца, 11 июня, он прошел утверждение в Сенате, 28 июня отправлен на Урал, а 30 июля получен В. И. Генниным. В сопроводительном письме предлагалось, чтобы генерал приобщил ко мнению Берг-коллегии еще и свое мнение и прислал в коллегию. И хотя решение по аптекарю и ученикам В. И. Геннина не устраивало, генерал дипломатично ответил: разницу в цифрах и по жалованию служащих «предаю в волю государственной Берг-коллегии, а прочие дела определены хорошо и нечего переделывать». Он понял: стараться дополнительно что-то просить пока рано. Сравним данные документов, что предлагал В. И. Геннин, что изменили в Берг-коллегии и утвердили в Сенате:

Таблица 3

Табель о количестве медицинского персонала и оплате их труда

[6, л. 175об., 204]

Мнение В. И. Геннина				Мнение Берг-коллегии, утвержденное Сенатом	
Должность	Количество людей	Жалованье одному	Жалованье всем	Количество людей	Жалованье всем
Доктор медицины	1	240	240	1 (Штаб-лекарь)	180
Лекарь	1	120	120	1	120
Учеников	2	18	36	4	72
Аптекарь	1	100	100	Аптекаря оставить, а лекарство брать из Москвы	
Учеников	2	18	36		

Нормативные, организационные и хозяйственно-финансовые аспекты функционирования госпиталя в Екатеринбурге. Можно утверждать, что в 1726 г. окончательно завершилось строительство и благоустройство хозяйства «госпитального двора». Он состоял из бревенчатых «трех светлиц» и вместительного погреба для хранения продуктов; началось строительство бани, особой поварни для приготовления пива, закуплено большое количество предметов для оборудования кухни и столовой.

Именно в этом году случилось событие, которое потребовало от властей форсировать, насколько возможно, введение в строй и оптимальное функционирование госпиталя. Несколько ранее, в феврале 1725 г., для работ на заводах было прислано 20 отставных унтер-офицеров и среди них капрал И. Погорельский. Его определили в целовальники, но был он «от полученных ранее ран» серьезно болен и «надлежало ему быть за болезнями в госпитале». Власти же на основании «свидетельств товарищей» и «понеже госпиталя не имеется», а лекарь находился вместе с В. И. Генниным в отъезде, отправили его на прежнее место службы.

Столичные чиновники рассудили по-иному и 11 мая 1726 г. в указе написали: поскольку в обер-бергамте «имеется лекарь, и того Погорельского болезнь надлежало ему освидетельствовать, а на объявление товарищей его не утверждаться. И впредь таких, кои покажут за собою болезнь, без свидетельства лекаря отнюдь отрешать и отпускать не надлежит. А генерал-мазору о том ведать и чинить по Ея Императорскому Величеству указу» [15, л. 187–187об.].

После получения такого указа решение местных руководителей было естественным: «Ежели кто покажет за собою болезнь, таковых без подписки лекаря ни от каких служб никого отнюдь впредь не отставливать». А управителям заводов вменялось в обязанность «больных отсылать прямо в госпиталь при письменном известии». Лекарю же было вменено написание обязательного заключения по каждому больному. Вариантов было три: «подлинно ли он не годен для работы», может работать на другой (более легкой) работе, «болезнь притворная». Выполнение этих процедур, разумеется, требовало функционирования госпиталя.

Любопытно при этом отметить, что наличие медицинского заключения не ставило точку в судьбе работника: окончательное решение принималось в обер-бергамте. В конечном итоге сложилась и будет действовать сложная, а часто парадоксальная ситуация: лекарь оформлял заключение на больного, но окончательное решение оставалось в руках других людей, не имеющих отношения к медицине.

И только тогда, когда лекарь и власти были единодушны, что «скорбь вылечить невозможно», а работник «изработался» окончательно, следовало, по выбору последнего, одно из трех решений: отправить в богадельню; на свое пропитание по месту прежнего жительства; на содержание детей. С середины 1730-х годов предлагался еще один вариант – переселение в необжитые края между реками Волгой и Яиком, выделение ссуды и наделение там землей.

Отставленный от работ давал обязательную подписку о том, что не будет бродяжничать и продолжит платить подушный налог. Ему выдавался документ, который после смерти отставника родственники обязаны были вернуть в заводскую контору.

Выполнение берг-коллежского указа о проведении обязательных осмотров работников и служителей и выдаче заключения о их трудоспособности, по сути означало организацию чего-то вроде нынешней врачебно-трудоустройственной комиссии, или медико-социальной экспертизы (как это стало называться в России с недавних пор). Такая ответственная процедура требовала материальных затрат на содержание госпиталя. Из обширного письма штаб-лекаря И. Спринцеля начальнику Екатеринбургской заводской конторы от 9 февраля 1727 г. можно понять, что обеспечение единственного медицинского стационара на Урале было крайне неудовлетворительным: не хватало средств на элементарные вещи: закупку продуктов, дров, свечей, даже на уборку госпитального двора. Решение этих вопросов разбивалось о межведомственные барьеры: Екатеринбургская заводская контора не имела полномочий на содержание госпиталя! «Точного повелительного указа не имеет... также лекаря и гошпиталя содержать в ведении заводской канторы повеления заводская кантора не имеет», – писали чиновники в Сибирский обер-бергамт, поскольку всеми вопросами материального снабжения ведала не заводская, а казенная припасная контора обер-бергамта [13, л. 206].

На решение всех организационных вопросов ушло два месяца. В первую очередь в обер-бергамте решили разобраться с законодательной основой дела. Как отмечалось выше, медицинская инфраструктура при заводах нормативно ориентировалась на положения Адмиралтейского регламента. Правда, существовал еще также упоминавшийся Наказ (или инструкция) заводскому комиссару от 15 октября 1723 г., данный еще В. Н. Татищевым комиссару Ф. Неклюдову. В этом объемистом, 60-страничном документе, главным образом основанном на выдержках из различных регламентов, имелась глава (13-я), посвященная медицине и написанная собственно Татищевым. Правда, нельзя не согласиться с А. М. Сафроновой в том, что положения этой главы, при всей их привлекательности, являлись скорее благими намерениями и не учитывали реальной действительности. Вскоре после составления Наказа

В. Н. Татищев уехал с Урала, нормы о медицинской службе, зафиксированные в документе, «остались на бумаге», «ни доктор, ни аптекарь в Екатеринбурге так и не появились» [47, л. 59; 48, л. 57]. Поэтому в обер-бергамте приняли решение: при обеспечении функционирования госпиталя следовать Адмиралтейскому регламенту [13, л. 213об.]. Приговор за подписями генерала-майора В. И. Геннина и лейтенанта флота кн. Р. Ф. Горчакова от 13 апреля 1727 г. определил все основные вопросы, связанные с организацией и работой госпиталя [12, л. 183–188; 13, л. 206–215]: госпиталь передавали в ведение Екатеринбургской заводской конторы, на которую возлагали «о всех болящих при казенных заводах к их пользе иметь доброе призрение и попечение». Административное управление госпиталем поручалось надзирателю, которого следовало ежегодно избирать из числа «обывателей екатеринбургских лучших людей». Помимо общей заботы об обеспечении потребностей больных, надзиратель должен был вести учет поступающих больных «в особливой книге», отмечая дату поступления в стационар, имя и место проживания больного. В этой же книге лекарь делал отметки о выздоровевших (имя и дата выписки) с немедленным докладом о том надзирателю. Надзиратель оповещал о выписке Екатеринбургскую заводскую контору, а комиссар последней письменно уведомлял власти того завода, с которого поступал больной, «дабы всегда знать было можно, кто сколько пробудет в болезни, чтоб в даче жалования конфузии не было».

Приговор включал в госпитальный штат сторожа «с бабою» из числа бобылей, написанных в подушный оклад с женами. На этих людей ложилась вся хозяйственная работа: уборка госпитального двора и помещений, топка печей, приготовление пищи, стирка белья, мытье посуды и ответственность за сохранность казенного госпитального имущества. Сторожу полагался годовой оклад в 18 руб.

Финансирование госпиталя осуществлялось за счет больных. На время пребывания в стационаре с них полностью удерживали хлебный оклад и половину денежного, из которого не только производились закупки продовольствия, белья и посуды, но и уплачивалось жалование медицинскому и вспомогательному персоналу.

Медицинский персонал и опыт расширения медицинской инфраструктуры. Надо заметить, что до публикации Аптекарского устава 1789 г. официально крайне редко употреблялись термины «врач», «фармацевт», «провизор». В обиходе использовались следующие должности: доктор медицины, штаб-лекарь, лекарь, аптекарь, гезель, подлекарь, лекарский (аптекарский) ученик [45, т. 9, № 6852]. Рассмотрим их статусные характеристики и должностные обязанности.

Доктор – высшее медицинское звание в Западной Европе. В России их в первой половине XVIII в. было мало, а на Урале – всего один. Доктора, единственные из медиков, давали подписку-обязательство: во всем «быть послушны» архиатерам⁴ [35, л. 224]. По приезде в Россию подвергались экзамену. Многие его не выдерживали, но, прельщенные высокими окладами, оставались здесь на лекарских должностях. Об этом свидетельствовал Сенатский указ 1715 г.: доктора, занимающие лекарские должности, обязаны именоваться не по степени, а по должности – лекарями. На службе, в том числе в горнозаводском ведомстве, их функции определялись вышеперечисленными Уставами и Регламентами.

Доктор при госпитале, имея в подчинении лекарей, подлекарей, аптекаря с гезелем, лекарских и аптекарских учеников, осуществлял общее руководство госпиталем и контроль за подчиненными. В начале века сложился в некотором роде афоризм по иерархии: «дохтур, обтекарь и лекарь, потому что дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому не искусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а обтекарь у этих обоих повар» [49, с. 35].

Должность штаб-лекаря определялась для руководителей полковых лазаретов. Но, руководствуясь Воинским уставом 1716 г., горнозаводские власти на Урале, с разрешения выше, вводили ее в штаты.

Лекарь в медицинской иерархии относился к высококвалифицированному персоналу среднего звена. При отсутствии в госпитале доктора выполнял все его функциональные обязанности, в том числе обучение практической медицине подлекарей и лекарских учеников.

Аптекарь, как другие медики, входил в штат Медицинской коллегии и руководил казенными аптеками. А в 1722 г. была введена должность аптекаря при госпитале.

Гезель являлся помощником доктора или аптекаря. Это звание давалось выпускникам учебных заведений Европы, имевшим недостаточную успеваемость для получения более вы-

⁴ Архиатером в России XVIII в. назывался первый лейб-медик монарха. В его ведении находилось курирование всей медицинской сферы страны.

сокого медицинского звания. Поэтому среди докторов и лекарей, приехавших в Россию, было немало гезелей. При госпитале они осуществляли выполнение процедур по предписанию, в аптеке – изготовление препаратов, выдачу лекарств.

Подлекарем именовался лекарский ученик, успешно сдавший экзамен комиссии или рекомендованный доктором (лекарем) на получение аттестата в Медицинской канцелярии.

Лекарские (аптекарьские) ученики – выбранные доктором (лекарем) наиболее способные школьники из немецкой или латинской школы для подготовки в подлекари.

На первых порах такого разветвленного штата на Урале, конечно, не было. Весь непосильный груз профессиональных забот о больных лег на плечи И. И. Спринцеля. Главные руководители уральских заводов в начале 1725 г. впервые строго предписали подчиненным командам:

«Ежели кто из заводских и горных служителей и мастеровых, работных людей заскорбит какою ни есть болезнию, то таких немедленно объявлять Спринцелю для свидетельства и лечения их болезней, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не помирали» [9, л. 331].

В. И. Геннин тем временем продолжал добиваться улучшения медицинской инфраструктуры на Урале, просил и требовал лекарей. В сентябре 1728 г., будучи в Москве, с согласия Берг-коллегии и Медицинской канцелярии, на основании того, что по Табели 1726 г. при Пыскорских заводах положен «для лечения больных мастеровых людей и служителей особый лекарь, он заключил контракт с И. Г. Репкеном (Рыбкиным). Срок контрактования определялся так: на два года, или «дабы ему жить здесь доколе он, генерал-лейтенант, при здешних делах пробудет».

Контракт был для иностранца вполне приемлем – 10 рублей в месяц жалования (120 руб. годовых), «да за его инструменты на каждый год по десяти рублей, ему же особливую квартиру и дрова, також одного денщика и ученика» [20, л. 1–2]. С Уралом Репкен был знаком – ранее работал на главном заводе Демидовых, таких условий там не было.

В Москве же были закуплены все необходимые лекарства на солидную, почти в 140 руб., сумму. По приезде на Пыскор с Д. Одинцовым, руководителем Пермского бергамта, подыскали они место и построили «особливую квартиру для лечения больных» у Григоровой горы. С Егошихи привезли для нее всю необходимую обстановку. Для «призрения и варения пищи» выделили «доброего человека с женою», сторожа. В помощники определили из школьников (не из шляхетства) ученика Алексея Завьялова. Госпиталь успешно функционировал. Лекарь во время разъездов Геннина всегда был при генерале, по его просьбе ездил даже в Хлынов лечить местных администраторов. По инициативе Иоганна Репкена в апреле 1729 г. В. И. Геннин организовал значительную закупку медикаментов в Москве для пополнения Пыскорской аптеки [23, л. 263].

В марте 1730 г., отправляясь в Москву для представления доклада императрице «о нынешних горных и заводских делах», В. И. Геннин был уверен, что уезжает с Урала окончательно. Поэтому взял с собой и лекаря, хотя контракт его не закончился. Он даже аптеку не успел сдать, поручив сделать это ученику [23, л. 239, 263]. История госпиталя на Пыскоре вскоре закончилась и больше не возобновлялась.

Судьба третьего по счету лекаря на казенных заводах Урала – Иоганна Христиана Гриненберга – сложилась иначе. Родом он был из Саксонии, возраст ко времени заключения контракта – 35 лет, был солидным, как и опыт работы лекарем. В. И. Геннин нашел его в Москве; там же, в июне 1732 г., в Медицинской канцелярии с ним заключили официальное соглашение. Условия контракта были типовыми: срок службы – три года, или до тех пор, пока генерал будет на Урале; жалованье – 12 руб. в месяц (144 руб. годовых), казенная квартира и дрова на ее отопление. Как и его предшественники, новый лекарь обязался «лечить генерала и обретающихся при нем офицеров, около болящих поступать и пользу им подавать» [25, л. 9].

Ко времени отъезда В. И. Геннина в 1734 г. с Урала И. Х. Гриненберг должен был решить, ехать ли ему в Москву или продолжить работать. Он выбрал Урал, выразив готовность работать в Екатеринбург, на Пыскоре или Егошихе, но поставил два условия. Во-первых, не посылать его в Якутск, Томск, Красноярск, Нерчинск, а во-вторых, увеличить жалованье, «понеже прежним жалованием едва питался». Эти условия были удовлетворены. Помимо казенной квартиры и дров лекарю определили оклад в 15 руб. в месяц (180 руб. годовых) и прикрепили денщика для личных услуг.

В свою очередь медик должен был сопровождать генерала до Москвы, поскольку, как заметил сам В. И. Геннин, «за болезнями моими без него здесь, а особливо в пути, никак

пробыть не могу». Однако уже в Казани он отпустил лекаря. В феврале 1735 г. лекарь вернулся в Екатеринбург. В команду лекарей, набранных В. Н. Татищевым, И. К. Гриненберг, видимо, не вписывался. Да и много их стало в городе. Поэтому 4 марта 1735 г. последовало распоряжение Канцелярии главного заводов правления: отправить И. К. Гриненберга в Пермское горное начальство, выдав ему «надлежащее число лекарств» для организации госпиталя в Егошихинском заводе [25, л. 8–14; 28, л. 19; 30, л. 32–34, 52–58; 32, л. 290–300; 40, л. 108].

Это было целенаправленное назначение. Долгое время управители Пермских заводов «докучали» сообщениями: деньги со всех категорий работников вычитаются, а госпиталей нет. «Куст» Пермских заводов находился в 380 верстах от Екатеринбурга, там нужен был стационар, а госпиталь на Пыскоре после отъезда И. Репкена прекратил свое существование. Новый госпиталь построили на Егошихе, в специальном помещении при нем хранили лекарства. Госпиталь будет успешно функционировать долгие годы, а И. К. Гриненберг всю оставшуюся жизнь свяжет с Уралом.

Что касается ветерана уральской медицины И. Спринцеля, то к сентябрю 1734 г. он «был одержим тяжкою болезнию» и «должность отправлял с великою трудностью». Просил увольнения от службы, отъезда в Москву. В. И. Геннин несмотря на то, что новый лекарь на его место не прибыл, а медикаменты не сданы, принял решение: «Штаб-лекаря Спринцеля за старостью, дряхлостью, слабостью, многия болезни и за малозрением отпустить» [32, л. 92–93].

Однако к ноябрю он «с помощью Всевышнего от той болезни облегчение возымел» и попросил заключения нового контракта. Уже два генерала – сдающий дела В. И. Геннин и принимающий их В. Н. Татищев – должны были решить его судьбу. Учитывая заслуги штаб-лекаря за 12 лет, трудности службы на Урале, которые, естественно, сказались на здоровье, контракт 10 января 1735 г. был заключен на прежних условиях. Правда, по непонятным причинам в нем появился пункт: «кроме дачи из казны дров». Этот год оказался последним в жизни врача. В 1736 г. И. И. Спринцель «Божием соизволением с сего света в вечное отошел». Похоронили его в Екатеринбурге, а жена с детьми на четырех подводках уехала в Москву [42, с. 44].

Вспомогательный персонал и подготовка младших медицинских кадров. Становление и совершенствование вспомогательной структуры госпитальной службы с 1727 г. можно подробно проследить по архивным документам. Первым надзирателем был определен Конон Булдаков, верхотурский сын боярский. Он ранее служил мостовым и подчиненным комиссаром в Камышловском дистрикте, провиантмейстером в Екатеринбурге и на Уктусе. Но в госпитале Конон пробыл не долго, будучи привлечен к судебным разбирательствам, а его место 25 сентября 1727 г. занял лейб-гвардии солдат Семен Кладов, уволенный в отставку по выслуге.

В 1732 г. надзирателем госпиталя назначили бывшего солдата лейб-гвардии Семеновского полка Михаила Севергина. Он был «во многих баталиях и штурмах, принимал неоднократно и раны». На Урале с 1727 г. служил надзирателем на заводах. По доносу доктора Грифа в июле 1735 г. «в издержке излишно казенного пива и прочих припасов» попал под следствие, «вины его не объявилось», но чтобы не было далее конфликтов, его перевели в местную роту сержантом. Временно должность надзирателя стал исполнять госпитальный ученик Егор Томилов [33, л. 102–103].

У надзирателя было много хлопот. Переписка с конторами о приеме и отправке обратно из больницы, ведение учетной документации, расчетов по вычетам и оплате за время нахождения в госпитале и многое иное [12, л. 183–186, 446]. По прошению лекаря И. Спринцеля в 1728 г. «в помощь для письма» надзирателю определили подьячего. Эту должность занял Иван Санников, отец горнозаводских специалистов Федора и Якова. И. Санников пробыл на службе до конца исследуемого периода. Но в марте 1735 г. В. Н. Татищев, по просьбе доктора Грифа, отставил его «от дел», а другого подьячего не назначил. Надзиратель М. Севергин в мае справедливо писал: «Подьячего не определено и поныне опасно, чтоб без записок прихода и расхода денежной казны и прочих госпитальных нужд чего не утратилось и на мне бы взыскано не было». В ответ Севергин получил отставку и определение Канцелярии: «Подьячему при госпитале не быть, ибо оно и в штате не положено. А определить к тому делу, выбрав из роты, сержанта грамотного» [31, л. 341–342].

Первыми должность сторожа «с бабою» заняла семья Улановых. Очень скоро стало очевидным, что одному сторожу «с бабою» управиться с госпитальным хозяйством невозможно. В 1729 г. В. И. Геннин дополнит штат сторожей до двух человек. Так случилось, что к отцу был определен сын Пантелей Уланов с женою, они трудились в госпитале очень долго, до января

1734 г. [21, л. 4; 23, л. 531; 37, л. 398–405; 39, л. 29–31], когда глава получил по «старости и дряхлости» отставку. Их место занял «из рекрут» Пантелей Холкин с женою. Трудился Пантелей до апреля 1742 г., когда «волею Божию умре». Сменил его вновь рекрут – Яков Печенкин с женой Улитой.

В последнем штате, который составил В. И. Геннин всем служащим в мае 1734 г., фигурировали штаб-лекарь И. Спринцель, старший гезель Василий Сизиков с окладом в 30 руб. в год, ученик Андрей Рудаков с 12-рублевым годовым окладом, надзиратель госпиталя Михайло Севергин «с прежним жалованием», подьячий Иван Санников (15 руб. в год) и два сто-рожа «с бабами» (каждой семье по 18 руб.) [26, л. 29].

Так как в госпитальном штате фигурировали ученики, самое время написать о них и в целом о зарождавшейся системе ученичества. В специальных статьях эта тема затрагивается вскользь, на уровне фиксации самого факта существования лекарских учеников. Но проблема заслуживает более глубокого изучения. Можно утверждать, что ученики первое время определялись в будущие медики совершенно произвольно. В 1725–1734 гг. у лекаря И. Спринцеля числились следующие ученики (по хронологии): Василий Сизиков, Антип Иванов, Андрей Рудаков, Сергей Ярцов, Яков Кочкин.

Первым учеником был Василий Сизиков. Выходец из драгунских детей, он родился в 1704 г., в 1721 г. солдатом прибыл на Урал, стал «фелшером» в армейской службе. Его и взял первым в помощники и обслугу И. Спринцель. Но база у ученика была крайне слабая, постичь требовалось многие науки, поэтому время ученичества растянулось на многие годы. Кроме того, у Сизикова, как и у многих будущих лекарских и аптекарских учеников, был относительно легкий доступ к спиртному, что провоцировало склонность к пьянству. Эта тема сама по себе примечательна для отдельного исследования истории медицины, поскольку пристрастие к выпивке сгубила многих перспективных медиков. Что же касается В. Сизикова, то он только в конце 1742 г., в 37 лет, добился должности подлекаря и стал получать 48-рублевое жалование [40, л. 9].

Вторым лекарским учеником при Екатеринбургском госпитале стал Антип (Антипа) Иванов. Он попал «для обучения лечению» из Московской артиллерийской школы. Дали ему жалования по 50 коп. в месяц, плюс солдатский провиант в размере 1 руб. 36 копеек. Естественно, он стремился к делу, которому учили, а не к медицинской карьере, и добился своего: в мае 1727 г. его определили в якорную фабрику завода. А от И. Спринцеля ученик получил следующий нелестный отзыв: «По усмотрению моему оной школьник Иванов явился негоден, понеже чрез многое время науки не принял и привеликой ленивец» [12, л. 194].

Лекарю 1 июня 1727 г. прислали нового ученика, сына угольного мастера с Алапаевских заводов Андрея Рудакова. Через полгода он слезно писал в Канцелярию: питаться на 6 руб. в год нечем и даже солдатского «кормового жалования не определено». Чиновники, не бравшие в расчет то, что медицинские премудрости даются не всякому, особенно при существовавшей системе обучения, назидательно посоветовали Рудакову учиться «со всем усердным радением», посулив в случае успеха награждение «немалым жалованьем». В итоге после шести лет мучений И. Спринцель вновь писал в Канцелярию о Рудакове: «Лекарской науки за непонятием своим чрез многое время и поныне еще понять не может, да и впредь той науки за непонятием своим принять не уповает» [12, л. 199]. И отправили непонятливого ученика домой, в Алапаевск, к заводской работе [27, л. 301–303].

В 1728 г. И. Спринцель выбрал еще одного ученика, Сергея Ярцова. О нем В. И. Геннин справедливо отметил – «человек умной». Действительно, он сделал хорошую карьеру, прошел многие ступени иерархических должностей, но на ином поприще. В том же 1728 году именно генерал убрал Ярцова с медицинской работы, увидев, что это не его призвание.

Не состоялась медицинская карьера и у Якова Кочкина, определенного «для научения лекарского искусства» в 1734 г., последним во времена В. И. Геннина. Как и А. Рудаков, сын угольного мастера учился Я. Кочкин, видимо, вполне успешно, так как с отъездом В. Н. Татищева в Самару, оказался в команде «при докторе Грифе». Последний послал его в 1738 г. при В. Н. Татищеве в Санкт-Петербург «для случающихся в пути от болезней пользы». По прибытии Кочкин был передан генерал-лейтенанту кн. В. А. Урусову, сменившему В. Н. Татищева в должности главного командира Оренбургской комиссии; с князем прибыл вновь в Самару, где прослужил год лекарским учеником при тамошнем госпитале. Но, «не хотя быть в оных учениках и по желанию своему», подал прошение об увольнении в канцелярию Оренбургской комиссии. В январе 1740 г. решением канцелярии его определили в драгунский полк капраном. Несостоявшийся медик отправился служить в Исетскую провинцию [38, л. 28–34].

Характер заболеваний. «Букет» болезней, с которыми приходилось сталкиваться на заводах, был обширен. В основном они носили производственный характер: ожоги и раны при работе на фабриках (в заводских цехах), чахотка – на рудниках, «грудные, ножные, нутряные, очные, в спине великий лом», всевозможные переломы рук, ног. Известна была и раковая болезнь, ее лечили более «полуторых лет». Болезнь, по уверению мастерового, была «напущена на него на свадьбе». Как было записано в регистрационной книге, больной долго «чах-нет, работы делать не может». Но случилось чудо: применение ртутных препаратов привело к выздоровлению. На это штаб-лекарь Спринцель многозначительно заключил: «Бывает много случаев, что меркуриальное (содержащее ртуть. – *Авт.*) лекарство в короткое время не показывает свое действие, а после с помощью Божию действует» [10, л. 314; 17, л. 109–110]. Периодически случались и «горячки, гноеение гортани и неба, ушей, поносы, желуницы, студены лихорадки» [29, л. 87–90]. Случалось страшное – колодник вне города конвоиру «горло от уха до уха порезал»; И. Спринцель срочно выслал лекарства и подробнейшее описание лечения [22, л. 80–81].

Встречались и «самоохотные» болезни. Так, два ученика, «чтоб отбыть от школьного учения», растравили сулемой ноги «и притворяли болезнь напрасно». Один, постарше, в наказание был бит «кнутом нещадно» и отправлен вместо школы в работу на пять лет. Младшего, избив батогами, вернули в школу. При этом наказали и отца, который «ведаль» о поступках сына – старшего школьника. Он «вместо кнута бит батожем в публичном месте нещадно при многих людях» [11, л. 9–12].

У многих работников, чтобы избежать горнозаводского труда и вернуться «во крестьянство», «выявилась падучая болезнь». О ее «лечении» в обер-бергамте 3 июля 1729 г. разработали даже специальный указ:

«Ежели падучую болезнь примет и падет на землю, в то время розжечь железо и тем горячим железом приложить к пяте. И ежели не услышит, то подлинно падучую болезнь имеет». Указ зачитали людям на всех заводах и рудниках, после чего, наверное, только самые смелые продолжили «падать» [24, л. 180–182].

К сожалению, с появлением крупных казенных заводов среди населения распространились венерические заболевания. Показательно в этом отношении дело плотинного мастера Ивана Мелентьева. Он был послан весной 1724 г. на Пыскор, но четверть года практически не работал, болел. Об этом узнал В. И. Геннин и предписал лекарю Спринцелю немедленно представить сведения, «какою болезнью одержим был, и отчего, и намного ль по цене лекарства ему издержано». Лекарь констатировал: «Явился одержим французской болезнью от блудодеяния, о том он блудодеянии и сам рассказывает, а лекарства на него издержано пять рублей семь копеек, водки четыре рубли».

Получив справку, В. И. Геннин устроил допрос и мастеру, и его сожительнице. Они признались в содеянном. Не имея опыта наказаний за «блудное дело», генерал запросил справку у воеводы Соликамской провинции. В ответе была прислана выписка статьи 25 из 22-ой главы Соборного уложения: «...им за тое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание бити кнутом». Это и зафиксировано в окончательном решении: «Бить его, Мелентьева, на площади кнутом нещадно... также и женку за блудодеяния бить кнутом на козле нещадно и со здешних Пыскорских заводов выслать». Приказание было исполнено. О дальнейшей судьбе сожительницы сведений не имеется. А И. Мелентьеву урок явно пошел впрок – он на многие годы будет фигурировать в документах как отличный мастер своего дела [3, л. 32, 99, 112–113, 404–410].

Но в целом пресечь распространение венерической инфекции не удалось, в архивных делах много документов подобных этому: работник «весьма офранцузил и при заводе держать нельзя, дабы от него и другим такая болезнь не пристала» [9, л. 470–472].

Насколько вообще лечение оказывалось эффективным? В архиве сохранились месячные отчеты управителей госпиталя о динамике больных и выздоровевших. Они пока окончательно не обработаны авторами, а отдельные данные не могут дать верного результата. Предварительно можно лишь заметить, что в основной массе больные «излечивались». Но не редко лекарь писал иные заключения – «болезнь застарела и вылечить невозможно». Впрочем, пропускная способность екатеринбургского госпиталя была не велика, ежемесячно он мог принять не более 30 человек. Поэтому многих больных И. Спринцель «пользовал» дома, а здесь отчетность крайне противоречива.

Со множеством издержек и препятствий, обусловленных недостатками всей системы администрирования и зачаточного состояния общего и специального образования эпохи, в первой трети XVIII в. на казенных заводах Урала все-таки удалось заложить основы медицинской инфраструктуры. Ее «хребтом» стал госпиталь в Екатеринбурге и более скромные, но работавшие стационары на Пермских заводах (сперва на Пыскорских, позже – на Егошихинском). При минимальной обеспеченности квалифицированными кадрами, они все-таки оказались снабжены медикаментами и были способны оказывать врачебную помощь больным по самому широкому профилю заболеваний. Стараниями В. И. Геннина, его ближайших помощников Н. Клеопина, К. Гордеева, Ф. Неклюдова, С. Неелова, А. Томилова, самоотверженной службой первых врачей оказалось возможным наладить стабильную работу по приему больных, материальное обеспечение госпитального хозяйства, осуществить попытку организации подготовки младшего персонала и создать систему врачебно-трудовой экспертизы.

Список литературы

1. Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, 22–23 апреля 2004 г. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. С. 23–28.
2. Большая Российская энциклопедия / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 11. М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. 767 с.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37.
7. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73.
8. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77.
9. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 79.
10. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 88.
11. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 92.
12. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122.
13. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 123.
14. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126.
15. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 135.
16. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 142.
17. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148.
18. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 157.
19. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 160.
20. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 188.
21. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 243.
22. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 245.
23. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 278.
24. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 280.
25. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376.
26. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 433.
27. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 489.
28. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 530.
29. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 532а.
30. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 546.
31. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 562.
32. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 568.
33. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 589.
34. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 616.
35. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 673.
36. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691.
37. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 894.
38. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 936.
39. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 940.
40. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1071.
41. Даль Д. В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. 686 с.
42. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 273 с.

43. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
44. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 3423 с.
45. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (ПСЗРИ-1). СПб., 1830.
46. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.
47. Сафронова А. М. В. Н. Татищев – организатор медицинской службы в Екатеринбурге // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 51–70.
48. Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. Вып. 19. С. 56–79.
49. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. Ленинград : Практическая медицина, 1926. 262 с.
50. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Ленинград : Наука, 1989. 257 с.
51. Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 150 с.
52. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005. 4824 с.
53. Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 282 с.
54. Энциклопедический лексикон. СПб. : Типография А. Плюшара, 1838. 463 с.
55. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / гл. ред. К. К. Арсеньев, Ф. Ф. Петрушевский. СПб. : Типография И. А. Ефрона, 1893. 496 с.

Formation of medical infrastructure at state-owned factories in the Urals in the first third of the XVIII century

S. N. Kopyrina¹, A. V. Chernouhov²

¹postgraduate student, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: sardana.kopyrina@urfu.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of documentation, archives and history
of public administration, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: A.V.Chernoukhov@urfu.ru

Abstract. The article analyzes the history of factory hospitals, regulatory, organizational, economic and financial aspects of their functioning and reveals the main milestones in the formation, improvement and development of medical infrastructure at state-owned mining plants in the Urals in the first third of the XVIII century.

On the basis of archival documents, issues related to the hiring of doctors, medical personnel, and their activities in prescribing medicines from Moscow are considered. Special attention is paid to practical activities and organization of training of auxiliary medical personnel and junior medical personnel. To reflect all the specifics and complexity of the work of medical servants in the Ural factories in the first third of the XVIII century the diseases that they most often had to deal with are described, and examples from the medical practice of that time are given.

The authors come to the conclusion that, despite the shortcomings of the state administration system and the rudimentary state of medical education in the Petrine era, in the first third of the XVIII century, the state-owned factories of the Urals managed to lay the foundations of medical infrastructure. Its base was the Yekaterinburg hospital and hospitals in Perm factories. Despite the lack of qualified medical personnel, they were provided with medicines and were able to receive patients for a wide range of diseases. Thanks to the efforts of the Ural mountain administrators and the first doctors who arrived in the Ural region, it was possible to establish material support for the hospital economy, organize training of junior medical personnel and create a system of medical and labor expertise.

Keywords: Ural, XVIII century, hospital, pharmacy, medical personnel, medicines, diseases, healer, staff.

References

1. Akishin M. O. *Gosudarstvo i stanovlenie professional'noj mediciny v Sibiri XVIII veka* [State and formation of professional medicine in Siberia of the XVIII century] // *Pyatye Tatishchevskie chteniya. Duhovnost' i npravstvennost' na Urale v proshlom i nastoyashchem : tezisy dokladov i soobshchenij, 22–23 aprelya 2004 g.* – Fifth Tatishchev readings. Spirituality and morality in the Urals in the past and present : abstracts of speeches and reports, April 22–23, 2004. Yekaterinburg. Institute of History and Archaeology of Ural Department of RAS. 2004. Pp. 23–28.

2. *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya* – Big Russian Encyclopedia / ed. S. L. Kravets. Vol. 11. M. Big Russian Encyclopedia. 2008. 767 p.
3. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 17.
4. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 23.
5. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 26.
6. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 37.
7. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 73.
8. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 77.
9. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 79.
10. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 88.
11. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 92.
12. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 122.
13. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 123.
14. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 126.
15. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 135.
16. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 142.
17. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 148.
18. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 157.
19. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 160.
20. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 188.
21. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 243.
22. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 245.
23. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 278.
24. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 280.
25. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 376.
26. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 433.
27. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 489.
28. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 530.
29. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 532a.
30. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 546.
31. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 562.
32. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 568.
33. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 589.
34. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 616.
35. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 673.
36. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 691.
37. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 894.
38. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 936.
39. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 940.
40. State archives of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1071.
41. *Dal' D. V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. M. Publishing house of society of lovers of Russian literature. 1863. 686 p.
42. *Korepanov N. S. Pervyj vek Ekaterinburga* [The first century of Yekaterinburg]. Yekaterinburg. Bank of cultural information. 2005. 273 p.
43. *Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. SPb. Norint. 2000. 1536 p.
44. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. Azbukovnik. 1997. 3423 p.
45. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1-e (PSZRI-1)* – Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1st. (PSZRI-1). SPb. 1830.
46. *Redin D. A. Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epohu petrovskih reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative structures and bureaucracy of the Urals in the era of Peter's reforms (Western uyezds of the Siberian province in 1711–1727)]. Yekaterinburg. Volot. 2007. 608 p.
47. *Safronova A. M. V. N. Tatishchev – organizator medicinskoj sluzhby v Ekaterinburge* [V. N. Tatischev – the organizer of the medical service in Yekaterinburg] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr.* – Document. Archive. History. Modernity : collection of scientific works. Yekaterinburg. Ural University. 2017. Is. 17. Pp. 51–70.
48. *Safronova A. M. Pervaya apteka Ekaterinburga i ee rol' v medicinskom obsluzhivanii naseleniya kazennyh zavodov Urala i Sibiri (1734–1750-e gg.)* [The first pharmacy of Yekaterinburg and its role in medical care of the population of state-owned factories in the Urals and Siberia (1734–1750-ies)] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr.* – Document. Archive. History. Modernity : collection of scientific works. Yekaterinburg. Ural University. 2019. Is. 19. Pp. 56–79.
49. *Skorohodov L. Ya. Kratkij ocherk istorii russkoj mediciny* [Brief outline of the history of Russian medicine]. Leningrad. Practical medicine. 1926. 262 p.

50. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* – Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Leningrad. Nauka. 1989. 257 p.
51. *Starkov V. I. Istoricheskij opyt razvitiya sistemy zdavoohraneniya na gornozavodskom Urale v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Historical experience of the development of the health care system in the Gornozavodsky Urals in the XVIII – first half of the XIX century]. Yekaterinburg. Bank of cultural information. 2007. 150 p.
52. *Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. Alta-Print. 2005. 4824 p.
53. *Shestova T. Yu. Istoriya zdavoohraneniya Permskoj i Orenburgskoj gubernij v doreformennyj period* [History of public health services of Perm and Orenburg provinces in pre-reform period]. Perm. Perm University. 2000. 282 p.
54. *Enciklopedicheskij leksikon* – Encyclopedic lexicon. SPb. A. Plushar's printing house. 1838. 463 p.
55. *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* – Encyclopedia of F. A. Brockhaus and I. A. Efron / ch. ed. K. K. Arsenyev, F. F. Petrushevsky. SPb. Printing house of I. A. Efron. 1893. 496 p.

УДК 07"1929/1939"(091)+929Сталин

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.017

Газета «Правда» в 1929–1939 гг. и формирование культа личности Сталина

Д. И. Лобанов¹, В. А. Бердинских²

¹магистрант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-8073-962X. E-mail: lobanovdenis96@gmail.com

²доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-3058-1574. E-mail: bva.prof@mail.ru

Аннотация. В начале XX века во всем мире увеличилось количество грамотных и образованных людей, соответственно, вырос спрос на недорогую периодику. Идеологи в разных странах, в том числе в СССР, поняли, что с помощью газет можно сформировать общественное мнение, поэтому начали применять ресурсы крупных изданий в пропагандистских целях.

Главным периодическим изданием Советского Союза была газета «Правда». Кроме того, что газета выпускалась большими тиражами и была печатным органом партии, «Правда» имела историко-политическое значение: основана лидером большевиков, тайно перевозилась через границу в Россию, а в июле 1917 г. вовсе была разгромлена.

К концу 1920-х годов в СССР увеличилось число людей, владеющих грамотой. Советские пропагандисты увидели возможность продвижения идеологических концепций с помощью периодических изданий. Именно тогда начинается тотальное внедрение в массовое сознание образа Сталина как великого руководителя, полководца, борца с врагами.

Статья посвящена актуальной на данный момент теме – советской пропаганде эпохи правления И. В. Сталина. Общественные деятели еще в начале XXI века заметили сходства методов советской пропаганды, разработанных до Великой Отечественной войны, и способов агитации, которые применяют современные политтехнологи и журналисты. Используя методы анализа, сравнения, формализации, автор поставил цель установить роль газеты «Правда» в формировании культа личности И. В. Сталина в 1929–1939 гг. Автором был проведен анализ текстов и иллюстраций газеты «Правда» за период с 1929 по 1939 гг., содержащих информацию о Сталине. Представленный материал раскрывает особенности технологий, которые использовали редакторы газеты. Проблемой исследовательской работы было выяснение достоверности причастности газеты «Правда» в распространении среди своих читателей идеи о культе личности Сталина в 1929–1939 годах.

В ходе исследования выявлена причастность газеты «Правда» в формировании культа личности Сталина в 1929–1939 годах. Одним из главных средств массовой информации в 1930-е годы стали периодические издания. Ресурсы ежедневной газеты позволяли доносить информацию до миллионов советских граждан. Советское правительство выбрало газету «Правда» в качестве рупора пропагандистской кампании по установлению культа личности И. В. Сталина в довоенное время. Выбранная тактика подачи новостей способствовала тому, что руководитель СССР был выгодно представлен читателям в качестве борца за права людей, другом всех советских народов и героев эпохи. Кроме перечисления достижений вождя, газета так же часто публиковала фотографии со Сталиным, где он находился рядом со своими товарищами или представителями социальных групп Советского Союза. Количество упоминаний Сталина в каждом номере газеты достигало немалых масштабов. Данный способ агитации сыграл одну из главных ролей в установлении культа личности Сталина.

Полученные результаты могут быть использованы в написании научной работы по советской пропаганде в 1936–1938 годах.

Ключевые слова: периодика, агитация, культ личности.

В Советском Союзе культ личности сложился вокруг его первого руководителя В. И. Ленина еще при жизни. Особенно торжественно проходило празднование 50-летнего юбилея «национального лидера русского народа»: в большом количестве публиковались стихотворения и статьи, прославлявшие его заслуги.

После смерти Ленина его соратники мифологизировали фигуру главного организатора Октябрьской революции при помощи повсеместных переименований топонимов, установок памятников, публикаций романтизированных биографий.

Вполне вероятно, что следующий глава государства, И. В. Сталин, еще во время правления своего предшественника заметил, что одним из способов изменить шаткое положение своей власти является пропаганда в массах былинного образа лидера.

Однако В. И. Ленин и И. В. Сталин находились в разных положениях будучи руководителями страны: если первый пользовался популярностью у моряков, крестьян и рабочих еще до прихода к власти, то последний уже несколько лет после занятия должности Генерального секретаря ЦК ВКП(б) в глазах общественности оставался всего лишь одним из последователей дела своего предшественника.

Только после разгрома внутрипартийной оппозиции Сталин смог выстроить «вертикаль власти», в иерархии которой он становился полновластным правителем, как Ленин. Один из ведущих историков сталинизма утверждает, что «в предвоенные десять лет возникла партийно-государственная машина, которая в преобладающей степени замыкалась на вождя, зависела от его решений и действий» [23, с. 450].

Сталин считал, что выдающаяся роль личности в истории вполне возможна в парадигме марксизма. В 1932 г. в интервью немецкому биографу Э. Людвигу он отмечал, что «марксизм вообще не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю» [22, с. 106].

После упомянутых событий и речей установление культа личности Сталина было делом времени.

Несомненно, что уже имеющийся опыт организации культа Ленина был использован при создании культа его преемника. Вместе с тем нужны были новые способы, чтобы в короткое время создать ажиотаж вокруг персоны руководителя.

Из существовавших на то время видов агитации – печать, радио, художественная литература, изобразительные искусства, театр, кино – наиболее доступными для граждан СССР средствами получения информации были периодические издания (газеты и журналы), прежде всего, из-за их низкой цены. Так, стоимость газеты «Известия» в 1936 г. составляла 10 копеек, при этом средняя зарплата рабочих и служащих по стране равнялась 207 рублям [25, с. 295].

К 1929 г. наиболее популярным и важнейшим периодическим изданием СССР являлась газета «Правда». Во-первых, она являлась Органом Центрального Комитета и МК ВКП(б); во-вторых, данное издание выпускалось большими партиями: к началу 1930-х годов в Советском Союзе «Правда» была первой со времен Октябрьской революции газетой, тираж которой достигал 1 000 000 экземпляров [26, с. 16–17]; в-третьих, 5 мая, день выпуска первого номера данной газеты, был объявлен в СССР Днем печати.

Ресурсы газеты «Правда» советские идеологи решают использовать в качестве одного из способов пропаганды заслуг партии и ее руководителя.

Празднование 50-летнего юбилея И. В. Сталина в 1929 г. было первым шагом в кампании по формированию культа личности Сталина [7, с. 55]. Это мероприятие хотя и проходило по схожему сценарию с празднованием такой же даты В. И. Ленина, но было преподнесено по-другому, более тиражированно.

В газете «Правда», которая в свое время была создана как массовая рабочая большевистская ежедневная газета, в выпуске от 21 декабря 1929 г. новости занимают незначительную часть. Большинство статей посвящено успехам Сталина и фрагментам его биографии. Соратники по партии и руководители коммунистических партий за границей восхваляли Генерального секретаря ЦК ВКП(б), называя его «верным продолжателем дела Маркса и Ленина» [8, с. 1], «организатором и руководителем социалистической индустриализации и коллективизации Советской страны» [8, с. 1], «боевым товарищем и соратником» [8, с. 3], «оруженосцем Ильича» [8, с. 5]. Там же было опубликовано поздравительное стихотворение одного из главных писателей той эпохи Д. Бедного.

2 марта 1930 г. в «Правде» опубликована передовая статья под авторством И. Сталина «Головокружение от успехов», в которой вину за негативные последствия сплошной коллективизации он возлагает на местных работников [9, с. 1]. Публикация имела огромное значение для увеличения авторитета Сталина в глазах советских граждан, в превращении его в Вождя [2, с. 254].

В том же году главным редактором газеты «Правда» назначен бывший личный секретарь Сталина Л. В. Мехлис.

Однако из-за проводившихся коллективизации и индустриализации, которые вызывали негативную реакцию в обществе, в течение нескольких последующих лет торжественный тон по отношению к Сталину из газеты «Правда» практически исчез.

Отставание от соседних стран в социально-экономическом и институциональном плане в сочетании с угрозой войны, особенно после 1933 г., вызвали необходимость продолжить кампанию по организации культа личности [1, с. 59].

В 1933 г. прослеживается изменение в подходе названия партии. Если ранее партию именовали ВКП(б) или партия Ленина, то теперь ее называют «партия Ленина и Сталина» [10, с. 3]. Спустя год в печати ее будут именовать «партия Ленина-Сталина» [12, с. 1]; данная версия названия сохранится и в последующем.

В январе 1934 г. проходит XVII съезд ВКП(б), который назвали «съездом победителей» [24, с. 184]. На съезде подведены итоги индустриализации, сообщается о завершении коллективизации, принят второй пятилетний план. За последние годы страна изменилась, в этом прослеживается заслуга ее руководителя. Результаты съезда могли бы использоваться в качестве пропаганды заслуг вождя, его величия. Однако еще за четыре дня до открытия XVII съезда ВКП(б) первая страница «Правды» открывается крупным заголовком, в котором Сталин провозглашается «великим мастером стратегии и тактики классовых боев», благодаря которому произошел «триумф ленинизма» [11, с. 1].

Важным моментом в формировании культа личности было повсеместное упоминание Сталина, его непосредственной роли в успехах советских граждан.

20 июня 1934 г. выходит номер газеты «Правда», часть которого посвящена торжественной встрече челюскинцев. В статье «Блестящая историческая проверка» опубликованы благодарности за подвиги полярникам, дрейфовавшим на льдине, участникам спасательных групп и летчикам, вывезшим челюскинцев на материк. Статья содержит фрагмент письма пилотов с торжественным посланием Сталину. Вместе с тем на первой странице газеты размещены две фотографии с вождем, в то время как челюскинцы изображены только на одной [13, с. 1].

В том же году была открыта новая типография, которая получила название «Объединенная типография издательства ЦК ВКП(б) “Правда” имени тов. Сталина».

Данные события указывают на то, что в 1934 г. советские идеологи стали осознавать значение газеты как средства агитации.

Стоит отметить, что Сталин был в курсе о собственном культе, навязываемом пропагандой: в Постановлении Политбюро от 4 июня 1934 г. о распределении обязанностей между секретарями ЦК указано, что Сталин занимается наблюдением за работой «Культпропа», а в решении Постановления Политбюро от 10 марта 1935 г. сообщается о поручении наблюдения за Отделом пропаганды и агитации товарищу Сталину [3, с. 15–16].

Ежедневная новостная газета была вынуждена издавать последние известия. В таком случае появлялась сложность с публикацией материалов со Сталиным, когда тот находился в отпуске. Однако редакция газеты находила решение проблемы.

Руководитель Советского Союза был на отдыхе в августе и сентябре 1935 г. В это время на первых страницах газеты печатаются фотографии и новости, связанные с Ворошиловым, Молотовым, Калининским, но читателям не дают забыть лик Сталина. В некоторых номерах газеты публикуются изображения с вождем даже в период его отпуска: в одном из августовских номеров напечатана архивная фотография [15, с. 1], а в сентябрьском большое пространство на первой странице отдано новому портрету Сталина [16, с. 1].

Роль газеты «Правда» как одного из механизмов пропагандистской машины признают и туристы из капиталистических стран. Летом 1936 г. Советский Союз посещает французский писатель Андре Жид, который в своих воспоминаниях о поездке отметил, что газета «Правда» публикует только «что следует знать, о чем думать и чему верить», поэтому в Советском Союзе по любому вопросу у жителей может быть только одно мнение [4, с. 362].

Начиная со второй половины 1930-х годов на плакатах Сталин (или Сталин и Ворошилов) изображен в несколько раз больше остальной патриотической «массовки» [5, с. 282]. Выпуск газеты «Правда» от 1 января 1937 г. начинается с рисунка, на котором изображены главные элементы эпохи: Красная площадь, танки, пролетающие самолеты, толпа рабочих с лозунгами и портретом Ленина, а за всем этим наблюдает гигантских размеров Сталин [19, с. 1].

В те же годы достигает немислимых масштабов восхваление Сталина. Происходит изменение подхода технологии пропаганды руководителя Советского Союза: отныне формируется образ «Отца народов» и «Учителя».

Все представители социальных групп, которые не отвергались партией, в 1936–1939 годах самозабвенно благодарили вождя через газету «Правда»: дети, депутаты, женщины, интеллигенция, представители национальных республик, даже герои тех лет.

В статье «Торжественное заседание, посвященное пуску метрополитена им. Л. М. Кагановича» опубликована стенограмма речи Сталина, сказанная им в Колонном зале Дома Союзов в присутствии строителей московского метрополитена. Расшифрованный текст стенографический записи содержит и ошеломляющую реакцию зала на выступление вождя: «бурные аплодисменты», «шумные овации», «смех» [14, с. 1].

В одном из выпусков «Правды» А. Стаханов признается, что поставить рекорд добычи угля его сподвигла речь товарища Сталина на выпуске военных академиков [17, с. 1].

Чкалов в своей речи после приземления в аэродроме после беспосадочного перелета Москва – остров Удд называет пройденное расстояние «сталинским маршрутом» [18, с. 1].

В опубликованном «Письме работников советской полярной станции на дрейфующей льдине» участники экспедиции, так называемые «папанинцы», просят советское правительство присвоить название станции имя товарища Сталина [20, с. 1].

Советская пропаганда умело использовала достижения выдающихся ученых и инженеров, приписывая полученные результаты партии и ее руководителю.

По аналогии с коллективизацией, проходившие в стране репрессии повлияли на сокращение появления фотографий Сталина в газете из-за возможных негативных ассоциаций, поэтому иллюстрации с руководителем страны в 1937 г. публиковали не часто.

Статьи и письма с благодарностями граждан все же продолжали поступать. Наиболее известной следует считать передовую статью под названием «Счастливые дети сталинской эпохи» в выпуске от 23 сентября 1937 г. Публикация содержала слова «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!» [21, с. 1], ставшие позже политическим клише.

Уже в следующем году торжественность тона заслуг Генерального секретаря ВКП(б) возвращается на прежний уровень. Триумфальный пыл вокруг Сталина сбивают события в Европе: многие выпуски газеты 1939 г. посвящены международной ситуации.

Нельзя не обратить внимание на номер от 21 декабря 1939 г. Выпуск главной новостной газеты страны, как и десять лет назад, практически полностью посвящен юбилею И. В. Сталина. Если номер о праздновании 50-летия Генерального секретаря ВКП(б) содержал 8 страниц, то данный состоял уже из 12 страниц.

По приоритетности были расставлены поздравления: первую страницу занимают статьи от ЦК ВКП(б), вторую – от СНК СССР, Исполкома Коминтерна, Президиума Верховного Совета СССР, далее – от ближайших соратников: Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Калинина.

На всеобщем фоне поздравлений от однопартийцев выделяется статья «Сталин – это Ленин сегодня» под авторством А. И. Микояна. Живучесть и популярность в пропаганде этой фразы после публикации поздравления не вызывает сомнений, что за минувшее десятилетие Сталин, позиционировавшийся ранее в качестве последователя дела Ленина, стал его реинкарнацией.

Задуманная изначально в качестве новостной рабочей газеты, «Правда» становится орудием в руках советских идеологов, которые используют ресурсы периодического издания в целях пропаганды.

Апофеозом культа личности Сталина в «Правде» можно считать середину 1930-х годов. Именно в этот период в газете публикуется наибольшее количество фотографий и торжественных статей с упоминанием заслуг вождя.

К концу десятилетия значение периодической печати официально подтверждается: в Постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды...» от 14 ноября 1938 г. указано, что «в пропаганде марксизма-ленинизма решающим оружием должна являться печать» [6, с. 177].

В течение десяти лет небольшая по объему ежедневная газета сообщала о новостях, открыто или сквозь строки превознося руководителя страны, что дало результат. В конечном счете план по установлению культа личности Сталина сработал, а «Правда» сыграла в этом не последнюю роль.

Список литературы

1. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
2. Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995 : в 4 т. Т. 1. Кн. 1. М. : МИК, 1996. 500 с.
3. Есаков В. Д. Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. М. : РОССПЭН, 2000. 591 с.

4. Жид А. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 7. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 480 с.
5. Никонова О. Ю. Советский патриотизм на плакате: визуализация любви к Родине в 1930-е годы // Вестник Пермского университета. 2012. № 1. С. 278–288.
6. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Решения партии о печати, сост. Т. И. Антропов. М. : Политиздат, 1941. 236 с.
7. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 496 с.
8. Правда. 1929. № 301.
9. Правда. 1930. № 60.
10. Правда. 1933. № 208.
11. Правда. 1934. № 22.
12. Правда. 1934. № 121.
13. Правда. 1934. № 168.
14. Правда. 1935. № 132.
15. Правда. 1935. № 227.
16. Правда. 1935. № 250.
17. Правда. 1935. № 315.
18. Правда. 1936. № 220.
19. Правда. 1937. № 1.
20. Правда. 1937. № 140.
21. Правда. 1937. № 263.
22. Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 13. М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. 424 с.
23. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М. : АСТ: Corpus, 2015. 464 с.
24. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010. 479 с.
25. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). М. : ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР – В/О СОЮЗОРГУЧЕТ, 1936. 313 с.
26. Lenoë M. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2004. 315 p.

"Pravda" newspaper in 1929–1939 and the formation of the cult of Stalin's personality

D. I. Lobanov¹, V. A. Berdinskikh²

¹master student of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-8073-962X. E-mail: lobanovdenis96@gmail.com

²Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-3058-1574. E-mail: bva.prof@mail.ru

Abstract. At the beginning of the XX century, the number of literate and educated people around the world increased, and the demand for inexpensive periodicals increased accordingly. Ideologues in various countries, including the USSR, realized that Newspapers can form public opinion, so they began to use the resources of major publications for propaganda purposes.

The main periodical of the Soviet Union was the Pravda newspaper. In addition, the newspaper was produced in large print runs and were printed on the party, "Pravda" had historical and political significance: founded by the leader of the Bolsheviks were secretly transported across the border to Russia, and in July 1917 was defeated.

By the end of the 1920s, the number of literate people in the USSR had increased. Soviet propagandists saw an opportunity to promote ideological concepts through periodicals. It is then that the total introduction of the image of Stalin as a great leader, commander, and fighter against enemies begins in the mass consciousness.

The article is devoted to the current topic – Soviet propaganda during the reign of I. V. Stalin. Public figures at the beginning of the XXI century noticed similarities between the methods of Soviet propaganda developed before the great Patriotic war and the methods of agitation used by modern political strategists and journalists. Using methods of analysis, comparison, and formalization, the author set out to establish the role of the Pravda newspaper in the formation of the personality cult of I. V. Stalin in 1929–1939. The author analyzed the texts and illustrations of the newspaper Pravda for the period from 1929 to 1939, containing information about Stalin. The presented material reveals the features of the technologies used by the newspaper's editors. The problem of the research work was to find out the authenticity of the involvement of the newspaper Pravda in spreading the idea of the cult of Stalin's personality among its readers in 1929–1939.

The study revealed the involvement of the newspaper Pravda in the formation of the cult of Stalin's personality in 1929–1939. Periodicals became one of the main media outlets in the 1930s. The resources of the

daily newspaper made it possible to convey information to millions of Soviet citizens. The Soviet government chose the newspaper Pravda as the mouthpiece of a propaganda campaign to establish the cult of Stalin's personality in the pre-war period. The chosen tactic of presenting news contributed to the fact that the head of the USSR was favorably presented to readers as a fighter for the rights of people, a friend of all Soviet peoples and heroes of the era. In addition to listing the leader's achievements, the newspaper also often published photos with Stalin, where he was next to his comrades or representatives of social groups of the Soviet Union. The number of references to Stalin in each issue of the newspaper reached unimaginable proportions. This method of agitation played a major role in establishing the cult of Stalin's personality.

The results obtained can be used in writing a research paper on Soviet propaganda in 1936–1938.

Keywords: periodicals, propaganda, cult of personality.

References

1. Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [The crisis of Stalin's agitprop: Propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941]. M. Political encyclopedia. 2017. 367 p.
2. Geller M., Nekrich A. *Istoriya Rossii 1917–1995 : v 4 t. T. 1. Kn. 1* [History of Russia 1917–1995 : in 4 vols. Vol. 1. Book 1]. M. MIK. 1996. 500 p.
3. Esakov V. D. *Dokumenty Politbyuro CK kak istochnik po istorii Akademii nauk* [Documents of the Politburo of the Central Committee as a source on the history of the Academy of Sciences] // *Akademiya nauk v resheniyah Politbyuro CK RKP(b)–VKP(b)–KPSS – Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)–VKP(b)–CPSU*. M. ROSSPEN. 2000. 591 p.
4. Zhid A. *Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 7* [Collected works : in 7 vols. Vol. 7]. M. TERRA–Book club. 2002. 480 p.
5. Nikonova O. Yu. *Sovetskij patriotizm na plakate: vizualizaciya lyubvi k Rodine v 1930-e gody* [Soviet patriotism on a poster: visualization of love for the Motherland in the 1930s] // *Vestnik Permskogo universiteta – Herald of Perm University*. 2012. No. 1. Pp. 278–288.
6. *O postanovke partijnoj propagandy v svyazi s vypuskom "Kratkogo kursa istorii VKP(b)" – On the formulation of party propaganda in connection with the release of the "Short course of the history of the CPSU(b)"* // *Resheniya partii o pechati, sost. T. I. Antropov – Decisions of the party on the press, comp. T. I. Antropov*. M. Politizdat. 1941. 236 p.
7. Plumper Ya. *Alhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of power. The cult of Stalin in fine art]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New literary review). 2010. 496 p.
8. *Pravda – Truth*. 1929. No. 301.
9. *Pravda – Truth*. 1930. No. 60.
10. *Pravda – Truth*. 1933. No. 208.
11. *Pravda – Truth*. 1934. No. 22.
12. *Pravda – Truth*. 1934. No. 121.
13. *Pravda – Truth*. 1934. No. 168.
14. *Pravda – Truth*. 1935. No. 132.
15. *Pravda – Truth*. 1935. No. 227.
16. *Pravda – Truth*. 1935. No. 250.
17. *Pravda – Truth*. 1935. No. 315.
18. *Pravda – Truth*. 1936. No. 220.
19. *Pravda – Truth*. 1937. No. 1.
20. *Pravda – Truth*. 1937. No. 140.
21. *Pravda – Truth*. 1937. No. 263.
22. Stalin I. V. *Sochineniya : v 13 t. T. 13* [Essays : in 13 vols. Vol. 13]. M. State publishing house of political literature. 1951. 424 p.
23. Hlevnyuk O. V. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The life of one leader]. M. AST : Corpus. 2015. 464 p.
24. Hlevnyuk O. V. *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Host. Stalin and the assertion of the Stalinist dictatorship]. M. ROSSPEN. 2010. 479 p.
25. *Chislennost' i zarabotnaya plata rabochih i sluzhashchih v SSSR (Itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g.) – Number and salary of workers and employees in the USSR (Results of one – time accounting for March 1936)*. M. Central Department of National Economic Accounting of GOSPLAN of the USSR – All-Union Association SOYUZORGUCHET. 1936. 313 p.
26. Lenoë M. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2004. 315 p.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(635)"1995/1998"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.018

Истоки возникновения пограничных конфликтов на примере Ханишского конфликта между Эритреей и Йеменом (1995–1998)

А. В. Макутчев

кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин,
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.
Россия, г. Тула. E-mail: mackutcheve@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена событиям Ханишского кризиса, возникшего между Эритреей и Йеменом в 1995–1998 гг. и приведшего к краткосрочному вооруженному противостоянию, практически неизвестному в отечественной историографии. Поводом для конфликта стал спор о принадлежности Ханишских островов в Красном море, равноудаленных от берегов обоих государств и, на первый взгляд, не представляющих какой-либо существенной ценности. Этот кризис не имел значимых последствий и был в итоге разрешен дипломатическим путем, но при этом представляет собой образец пограничного конфликта с неочевидными и на первый взгляд неясными предпосылками. На основе данных историографии автор анализирует возникновение, ход конфликта и процесс его дипломатического урегулирования с целью выявления универсальных факторов, создающих почву для локальных конфликтов. В результате исследования выявлены три основных фактора, повлиявших на начало Ханишского кризиса, в частности: выделены исторические предпосылки конфликта, сложившиеся еще в период колониализма и не позволяющие однозначно подтвердить или опровергнуть претензии как Эритреи, так и Йемена на острова; обобщены теории внешнего воздействия на развитие спора со стороны региональных держав (Саудовской Аравии и Израиля), а также США; охарактеризована роль фактора природных ресурсов в формировании кризиса, в частности, значение факта наличия в районе архипелага нефтяных месторождений и объектов рыболовства, а также перспективная доходность туристических ресурсов островов. Результаты исследования могут быть полезны в теоретическом обобщении причин межгосударственных конфликтов и поиске способов их предотвращения.

Ключевые слова: Ханишский конфликт, Эритрея, Йемен, геополитика, пограничный спор, локальный конфликт.

В 1995 г. между Эритреей и Йеменом, расположенными на противоположных берегах Красного моря, произошел краткосрочный пограничный конфликт, связанный с претензиями обоих государств на Ханишский архипелаг. В ночь на 15 декабря 1995 г. эритрейские войска высадились на спорных островах Большой Ханиш и Зукар и заставили капитулировать йеменский гарнизон. В отечественной историографии этот пограничный конфликт практически неизвестен, во многом ввиду отсутствия у него значимых последствий и локального характера. Западная историография была к нему более внимательна, в первую очередь в контексте выявления роли региональных держав в складывании конфликта и роли международного сообщества в его урегулировании. При этом среди исследователей сложились представления о Ханишском конфликте как о «странной войне», не имеющей однозначных причин и предпосылок, как о некоторой случайности, так как отношения между Йеменом и Эритреей после обретения ими независимости долгое время оставались дружественными [13, с. 76]. В этом контексте изучение Ханишского конфликта позволяет выделить важные факторы возникновения пограничных споров, которые способны превратить такой спор в проблемы регионального порядка, а также дать оценку геополитическим аспектам, провоцирующим конфликты между дружественными соседними государствами.

Скрытый негативный потенциал Ханишского конфликта во многом был обусловлен стратегическим местоположением спорных территорий и был сформирован задолго до 1990-х гг. Ханишские острова расположены в Красном море в 60 км к северу от пролива Баб аль-Мандеб, на одном из важнейших маршрутов мировой торговли через Суэцкий канал. Общая площадь архипелага составляет примерно 190 кв. км. Острова расположены примерно на равном расстоянии от Йемена и Эритреи, при этом район никогда не подвергался демаркации границ, поскольку до середины XX в. был практически необитаем и экономически бесполезен. С учетом этого обнаружение нефтяных месторождений в регионе неизбежно сделало вопрос принадлежности Ханишских островов Йемену или Эритрее принципиальным [5, с. 16].

Вопрос природных ресурсов следует считать определяющим фактором возникновения Ханишского конфликта. Южный бассейн Красного моря обладает значительным потенциалом в сфере добычи природных ресурсов, в частности, не разведаны, но прогнозируются значительные запасы природного газа и нефти. Этот фактор стал главным «триггером» конфликта, так как экономика и Эритреи, и Йемена к началу 1990-х гг. испытывала отчаянную потребность в источнике дохода. Кроме того, регион богат рыбными ресурсами, местные воды активно эксплуатируются рыболовецкими флотами разных стран, а для Эритреи, обретшей в 1993 г. независимость после долгой войны с Эфиопией, рыбные ресурсы Красного моря всегда являлись важным источником продовольствия [13, с. 78]. Наконец, регион обладает значительным потенциалом в развитии туризма за счет большого количества коралловых рифов, окружающих Ханишские острова.

В 1987 г. Йемен ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву (UNCLOS), которая относит острова на расстоянии более 22 км от берега к исключительной экономической зоне прибрежных государств [16, с. 43]. На этом основании Йемен сделал заявление, в котором подтвердил свой суверенитет над Ханишскими островами, поскольку они находятся на расстоянии 30 км от его берегов, а также по причине того, что ими управляла турецкая администрация до обретения Йеменом независимости. Однако Ханишские острова оказались одновременно и в исключительной экономической категории Эфиопии (45 км от ее берегов). Эфиопия не ратифицировала указанную конвенцию, но ответила: заявление Йемена никоим образом не может повлиять на суверенитет Эфиопии на все острова в Красном море, которые являются частью ее национальной территории [5, с. 16]. Эритрея после выхода из состава Эфиопии стала правопреемницей этих претензий на Ханишский архипелаг, поэтому фактически этот обмен заявлениями можно считать началом спора за Ханишский архипелаг, вылившегося в вооруженное противостояние в середине 1990-х гг.

Анализ обоснованности претензий сторон на Ханишские острова требует понимания исторических предпосылок конфликта.

Острова южного бассейна Красного моря были объектом стратегического интереса еще до того, как в XVI в. были завоеваны османами, а в 1799 г., во время наполеоновского вторжения в Египет, были оккупированы англичанами. При этом португальцы и французы еще в XV–XVIII вв. знали об экономической и стратегической ценности Красного моря [4, с. 104].

До начала османского господства в регионе северная часть Красного моря контролировалась султанами Египта, а южная – йеменскими эмирами династии Тахиридов. В 1517 г. турки-османы захватили Йемен и побережье Эритреи [9, с. 177]. Таким образом, все острова в этой части Красного моря перешли под контроль Стамбула, и этот факт можно рассматривать как отправную точку в анализе исторической принадлежности Ханишских островов. Эритрейская сторона утверждает, что южное Красное море и конкретно Ханишский архипелаг в период османского господства управлялся из порта Митсива (Массауа) на эритрейском берегу [13, с. 76].

Европейское влияние в регионе оставалось минимальным до межвоенного периода XX в., когда французская компания получила от турецкого правительства концессию на строительство и содержание маяков [5, с. 17]. Участие европейцев в организации местного судоходства по мере роста значимости торговых путей через Красное море и ослабления Османской империи открыло период европейского соперничества за господство в регионе. Британцы, пытаясь защитить свои интересы в регионе, стремились занять острова Ханиш и Зукар, чтобы обеспечить безопасную торговлю и снизить влияние итальянцев, которые с 1889 г. контролировали Эритрею. Лондон был готов проводить политику скрытой аннексии, состоявшей в том, чтобы номинально передать острова под власть местных арабских правителей, а затем заключить с ними договор об их защите [13, с. 79]. Однако эти планы были сорваны Лозаннским догово-

ром 1923 г., который закрепил распад Османской империи [15, с. 2313], но оставил статус ряда территорий, в том числе Ханишских островов, неопределенным. Италии было запрещено на них претендовать, при этом британцы по-прежнему контролировали цепь местных маяков [5, с. 17]. В 1938 г. Италия и Великобритания подписали договор о разделе сфер влияния в Красном море, по которому стороны обязались сохранить статус-кво на островах Красного моря и не устанавливать свой суверенитет над островами Ханиш-Зукар [1, с. 80; 6, с. 179]. Характерно, что статья 4 договора свидетельствует о том, что Италия и Великобритания не считали Ханишские острова частью Йемена или другого государства. Тем не менее соглашение разрешило итальянским чиновникам защищать эритрейских рыбаков, приходивших на своих судах к Ханишским островам, что подчеркивает экономические связи данной территории с эритрейским берегом [5, с. 17].

После поражения Италии во Второй мировой войне ее влияние в регионе снизилось, и по мирному договору 1947 г. Эритрея перешла под временную юрисдикцию Великобритании. Британцы также продолжали контролировать маяки Красного моря, ссылаясь на Конвенцию о маяках Красного моря 1962 г., которая передавала право контроля над маяками странам, чьи суда проходили через Суэцкий канал, а не прибрежным государствам [6, с. 990]. Наконец, в 1989 г. британцы без каких-либо переговоров с Эфиопией или согласования позиций Йемена и Эфиопии по вопросу Ханишских островов передали функции управления маяками в южной части Красного моря Йемену [4, с. 107]. Йемен унаследовал и владение Ханишскими островами, являвшимися важным звеном в цепи маяков. Тем не менее этот факт не дает однозначного перевеса Йемену в споре за острова: во-первых, альтернатив Йемену на тот момент не было, так как до 1993 г. Эритрея не существовало как самостоятельного государства; во-вторых, Йемен исторически имел тесные связи с британцами, поэтому их решение о судьбе островов нельзя считать объективным.

Следует упомянуть еще два факта, повлиявших на складывание конфликта вокруг Ханишских островов. Во-первых, в 1973 г. во время Войны Судного дня египетские войска оперативно заняли Ханишский архипелаг и закрыли Красное море для израильского судоходства. Этот факт дал почву для мнений о негласной вовлеченности Израиля в Ханишский конфликт 1995 г. [10, с. 104]. Во-вторых, на протяжении длительной борьбы за независимость от Эфиопии эритрейские повстанцы использовали Ханишские острова как базы для своих рейдов [13, с. 75]. Йемен не требовал от эритрейских повстанцев покинуть острова, что можно было трактовать либо как проявление поддержки Йеменом повстанцев, либо как негласный отказ Йемена от претензий на Ханиш.

Таким образом, статус Ханишских островов осложнен тем, что ни одна из сторон спора не имела законных прав на владение ими со времен падения Османской империи. Молодой возраст независимой Эритреи также создает трудности, так как Эритрея не имеет истории управления островами. Кроме того, все международные соглашения, касающиеся островов, не установили суверенитета какого-либо государства над Ханишскими островами. Исторический экскурс в историю конфликта не дает ответа на вопрос о большей обоснованности претензий какой-либо из сторон на юрисдикцию над островами. Так, самым сильным аргументом Эритреи является ссылка на англо-итальянское соглашение 1938 г., упоминающее присутствие эритрейских рыбаков на островах Ханиш и Джабал-Зукар. Однако этот аргумент не представляется достаточно весомым [5, с. 19]. В свою очередь Йемен ссылался на факт контроля над островами со стороны йеменских эмиров еще до османского завоевания, однако с тех пор статус островов неоднократно менялся.

Для объяснения причин конфликта было выдвинуто множество теорий, которые условно можно объединить в две: региональную и глобальную.

1. Региональная теория представляет Ханишский конфликт как геополитический спор регионального уровня между Эритреей и Йеменом за экономические преимущества.

За точку отсчета сторонники этой теории берут договор, который заключил Йемен с инвестором о строительстве туристического комплекса на острове Большой Ханиш. Эритрейцы посчитали, что этот комплекс создаст прямую конкуренцию их проектам туристического развития расположенных севернее островов Дахлак. Доходы со сдачи в аренду земли под казино должны были приносить восстанавливавшейся после войны экономике Эритреи до 40 % ВВП [13, с. 84]. Тем не менее крайне маловероятно, чтобы Эритрея бросила на захват Ханишских островов 2 000 солдат и подвергла себя международному осуждению ради устранения конкурентов в сфере туризма. Попытки выявить «американский след» (компания-инвестор

на островах Дахлак принадлежала США) в этой ситуации также представляются несостоятельными: Ближний Восток является обширным инвестиционным рынком, и туристическая привлекательность островов Красного моря не столь велика, чтобы ради этого провоцировать войну [5, с. 18].

Более значимыми в этом контексте видятся ссылки на нефтяной потенциал региона. Геологоразведка акватории Красного моря в 1960-е гг., проведенная компаниями Gulf Oil, Mobil и Esso, указала на возможные месторождения углеводородов [12, с. 201]. Правительство Эритреи после обретения независимости предоставило американской корпорации Anadarko Petroleum концессию, Йемен также заключил договоренности с французской компанией Total. Коммерческие интересы крупных нефтяных компаний, в силу своей весомости в сравнении с турбизнесом, могли спровоцировать конфликт: контроль над южным бассейном Красного моря обещал огромные прибыли и компаниям, и правительствам стран региона [5, с. 18]. Факт того, что конфликт вокруг Ханишских островов не случился раньше 1995 г., также указывает на значимость «нефтяного фактора»: стратегическая ценность архипелага вышла на первый план только после заключения указанных концессионных соглашений. Из-за расположения примерно на равном расстоянии от берегов Йемена и Эритреи архипелаг существенно увеличил бы для контролирующего его государства площадь, доступную для нефтедобычи. Усиление йеменской активности на острове Ханиш в этом контексте было воспринято Эритреей как претензия Йемена на суверенитет над островами, что и вызвало активизацию дипломатических маневров, а затем и военный конфликт [10, с. 105].

2. Глобальная теория рассматривает Ханишский конфликт как часть мировой геополитической борьбы за влияние в регионе с участием Израиля, Саудовской Аравии и США.

Арабские источники акцентируют внимание на участии Израиля в складывании конфликта, указывая на стремления Тель-Авива не допустить повторения событий 1973 г., временно закрывших для израильских судов Красное море [13, с. 78]. В подтверждение этой гипотезы йеменские источники указали, что эритрейскую атаку на Ханиш якобы координировал некий израильский офицер, а по радиосвязи были перехвачены переговоры на иврите. Среди объяснений мотивов Эритреи указывались стремление Израиля создать военную базу на Ханишских островах, дестабилизировать ситуацию в Йемене, который относился к лагерю арабских стран-противников Израиля, а также желание Тель-Авива руками эритрейцев наказать йеменское правительство за неоплаченную военную помощь в период гражданской войны [13, с. 79].

Несмотря на конспирологический характер данной теории, связи между Эритреей и Израилем действительно установились еще в период борьбы Фронта освобождения Эритреи на независимость от Эфиопии [13, с. 75]. Некоторые исследователи указывают, что до 1958 г. Израиль поддерживал Эфиопию, рассчитывая создать альянс союзников из неарабских стран [8, с. 67]. Так, после закрытия Красного моря для израильского судоходства в 1973 г. Эфиопия предоставила израильским военным кораблям право запрашивать топливо на эфиопских островах в обмен на военные поставки [13, с. 76]. С переориентацией Эфиопии на СССР в 1977 г. США и Израиль перешли к поддержке эритрейских повстанцев [11, с. 17]. При этом Эритрея во многом унаследовала опыт эфиопско-израильского сотрудничества: после обретения Эритреей независимости Эфиопия утратила выход к морю, а ее военно-морские объекты в Красном море перешли к Эритрее.

Тем не менее указанные гипотезы о прямой заинтересованности Израиля в Ханишском конфликте не согласуются с политической ситуацией на Ближнем Востоке в середине 1990-х гг. Во-первых, положение Израиля в регионе Красного моря было стабильным и создание военной базы только вызвало бы рост напряженности со стороны его арабских соседей. Кроме того, внешняя политика Израиля в указанный период характеризовалась попытками примирения с арабским миром. Во-вторых, Израиль активно участвовал в примирении сторон Ханишского конфликта и стремился к нормализации отношений с Йеменом [13, с. 79].

Возможное участие Саудовской Аравии в развязывании Ханишского конфликта традиционно связывают с недружественными отношениями между Эр-Риядом и Йеменом, сформировавшимися с тех пор, как Йемен поддержал Ирак во время войны в Персидском заливе в 1991 г. [5, с. 19]. В этом контексте Саудовская Аравия, подтолкнув Эритрею к агрессии, якобы могла рассчитывать на дестабилизацию ситуации в Йемене и благоприятное для себя решение пограничных споров путем открытия «второго фронта». В декабре 1995 г. западные дипломаты в Санае сообщали о столкновениях на йеменско-саудовской границе, а за четыре дня

до начала Ханишского конфликта йеменские источники писали о боях в районе Аль-Харахира [5, с. 19].

Изъяны гипотезы о провоцировании Ханишского конфликта Саудовской Аравией также очевидны. Во-первых, эритрейцы по собственной инициативе могли воспользоваться йеменско-саудовскими пограничными спорами, зная, что силы правительства Йемена переброшены на границу с северным соседом [5, с. 20]. Это может объяснить, почему Йемен не предпринял контрнаступления после захвата Эритреей Большого Ханиша. Во-вторых, при урегулировании ситуации вокруг Ханишских островов Саудовская Аравия выступила с критикой Эритреи и поддержала Йемен, традиционно указывая на «израильский след» в конфликте [5, с. 19].

Наконец, гипотеза об участии США в складывании Ханишского конфликта также не находит весомых доказательств. В регионе присутствуют стратегические интересы США – обеспечение безопасной добычи и транспортировки нефти и прозападной ориентации стран-производителей нефти, а также защита интересов своих ближневосточных союзников, в частности, Израиля и Саудовской Аравии. Арабские источники указывали, что США якобы спровоцировали Ханишский конфликт, чтобы участвовать в его разрешении в качестве международного посредника, добиться интернационализации островов и разместить на них свои миротворческие силы [13, с. 77]. Однако эта версия не находит подтверждения и основывается на геополитических принципах «холодной войны» и традиционной ненависти арабского мира к Израилю и его союзникам. Кроме того, и без контроля над островами Красного моря США к 1995 г. создали мощную военную инфраструктуру в регионе Красного моря для защиты своих интересов.

Таким образом, ни одна из приведенных теорий не дает исчерпывающих данных о целях и мотивах действий Эритреи, которая в итоге не добилась каких-либо выгод от своих действий. Однако, если использовать их положения при рассмотрении хронологии Ханишского кризиса, можно сформировать своего рода компромиссную теорию, способную объяснить предпосылки «странной войны» между Эритреей и Йеменом.

Обсуждение статуса Ханишских островов, вызванное упомянутыми экономическими стимулами в виде развития нефтедобычи и туризма, началось между Эритреей и Йеменом в середине 1995 г. С этого времени дипломатические контакты носили все более агрессивный характер ввиду отсутствия компромисса между сторонами. В октябре 1995 г. встреча министров внутренних дел двух стран по вопросу безопасности и рыболовства в Красном море не принесла ясности в вопрос о Ханишских островах, вскоре стороны обвинили друг друга в высадке воинских контингентов на остров Большой Ханиш [13, с. 77]. Для охраны строительных работ на острове йеменцы направили 200 солдат, что было воспринято Эритреей как односторонние действия, игнорирующие дальнейший ход переговоров [5, с. 19]. 15 ноября 1995 г. Эритрея послала Йемену ультиматум с требованием вывести войска. Параллельно на встрече в Сане министры иностранных дел обеих сторон не достигли компромисса, а намеченные на декабрь повторные переговоры не состоялись ввиду начала эритрейского вторжения [7, с. 131]. При этом Лига арабских государств выразила свою поддержку Йемену, а Эритрея получила аналогичную поддержку от Организации африканского единства (ОАЕ), что, по-видимому, и сформировало в Эритрее представление о том, что она сможет не только захватить Ханишские острова силой, но и добиться признания своего суверенитета над ними в процессе мирного урегулирования.

По истечении срока ультиматума Эритрея начала операцию по захвату Большого Ханиша силой. В ходе боя эритрейцы потеряли 12 солдат убитыми, йеменцы – 15 убитыми, 196 пленными [14, с. 87]. Однако, добившись успеха в военной акции, Эритрея оказалась несостоятельна в последовавшей дипломатической борьбе.

17 декабря между президентом Эритреи И. Афеворки и лидером Йемена А. А. Салехом было достигнуто соглашение о прекращении огня [2, с. 298]. Попытки международных участников выступить в качестве посредников в переговорах изначально не увенчались успехом. Эфиопия предложила план урегулирования, включавший обмен военнопленными, обоюдный вывод войск из зоны конфликта и передачу спора в Международный суд ООН. Обмен пленными состоялся, но Йемен не принял положения о выводе войск [7, с. 133].

Далее свои услуги в переговорах предложил Египет, наметивший трехсторонний саммит для мирного урегулирования, но к тому времени Йемен предпочел в качестве посредника Фр. Гутмана, личного посланника президента Франции Ж. Ширака [4, с. 214].

После дипломатических усилий Гутмана обе стороны 21 мая 1996 г. подписали «Соглашение о принципах» в Париже. Однако переговоры шли крайне медленно. Эритрейские под-

разделения, как сообщалось, 10 августа нарушили соглашение, оккупировав остров Малый Ханиш и перемещая военную технику в ожидании провала французского посредничества [5, с. 19]. Укрепившись на островах, эритрейцы могли не опасаться контратак йеменцев в случае возобновления боев, поэтому провал переговоров был им выгоден [13, с. 79]. Однако, когда Йемен пригрозил силой изгнать эритрейцев с островов, выявился главный недостаток их стратегии – отсутствие реальной поддержки от кого-либо из региональных держав. Как упоминалось, Саудовская Аравия, несмотря на напряженные отношения с Йеменом, осудила эритрейскую агрессию, что, возможно, стало неожиданностью для Эритреи. Организация Африканского Единства, изначально обещавшая Эритрее поддержку, в итоге не решилась развязывать арабо-африканский региональный конфликт. Израиль также не поддержал эритрейских действий. В результате под давлением Совета Безопасности ООН 27 августа 1996 г. Асмэра эвакуировала свои войска с Ханишских островов [2, с. 370].

Поскольку двусторонние переговоры не дали результата, определение статуса архипелага было передано на рассмотрение Постоянной палаты третейского суда в Гааге. 9 октября 1998 г. группа из пяти судей опубликовала свое решение, присудив суверенитет над Ханишскими островами Йемену. Эритрея получила более мелкие острова к юго-западу от Ханиша. При этом права эритрейских рыбаков на доступ к рыбным ресурсам архипелага были подтверждены наравне с правами рыбаков Йемена [2, с. 276]. 1 ноября 1998 г. йеменский гарнизон вернулся на остров Большой Ханиш [2, с. 371].

Таким образом, несмотря на внешнюю авантюристичность (со стороны Эритреи) и репутацию бессмысленного, «странного» конфликта, возникновение спора за Ханишский архипелаг можно связать с несколькими конкретными факторами.

Во-первых, в основе Ханишского конфликта, как и большинства подобных конфликтов, лежал спор за ресурсы. Молодое эритрейское государство стремилось закрепить за собой действующие и потенциальные источники пополнения бюджета. Неслучайно в 1993–1998 гг. Эритрея имела пограничные конфликты не только с Йеменом, но и еще тремя своими соседями – Джибути, Эфиопией и Суданом [11, с. 15]. В этом контексте контроль над Ханишским архипелагом обещал прибыль от нефтедобычи, рыболовства и туризма, что для нуждавшейся в стабильных средствах пополнения казны после войны за независимость Эритреи оказалось весомым поводом для военной авантюры. Известный парадокс: межгосударственные и межэтнические отношения обычно являются более напряженными именно в регионах, богатых природными ресурсами, в сравнении с регионами со скудной сырьевой базой, в которых странам-соседям нечего делить.

Во-вторых, значимую роль в создании конфликта сыграла историческая неопределенность статуса Ханишских островов: невозможно достоверно определить, кто из участников конфликта – Эритрея или Йемен – имеет больше прав на архипелаг. В колониальный период вопрос принадлежности островов Красного моря не имел принципиального значения, однако с обретением независимости Йеменом и Эритреей и проявлением вышеуказанного фактора – ростом значимости природных ресурсов региона – такая неопределенность неизбежно привела к конфликту. Данный фактор невозможно устранить, во многих случаях он является наследием эпохи колониализма. Примеров конфликтов, рожденных в схожих условиях, множество, например, конфликт между Великобританией и Аргентиной по поводу Фолклендских островов.

В-третьих, Ханишский спор стал частью региональной геополитической борьбы, которая во многом его и спровоцировала. Расчет на поддержку региональных держав, в первую очередь Саудовской Аравии, который в итоге не оправдался, очевидно, дал толчок действиям Эритреи по захвату островов, которые по результатам можно признать авантюрой, так как никаких выгод агрессору не принесли. Этот фактор повышает значимость и геополитическую ответственность региональных держав, способных препятствовать агрессивным действиям со стороны малых государств, однако на Ближнем Востоке рассчитывать на подобное вряд ли приходится. Более того, несмотря на достигнутые в 1998 г. соглашения, спор о статусе Ханишского архипелага может быть возрожден после окончания гражданской войны в Йемене, так как с 2015 г. острова заняты войсками Саудовской Аравии.

Список литературы

1. Anglo-Italian Agreement regarding Certain Areas in the Middle East // League of Nations Treaty Series. 1939. Vol. 82. Pp. 77–93.
2. Antunes N. S. M. The Eritrea-Yemen Arbitration: First Stage – The Law of Title to Territory Re-Averred // International & Comparative Law Quarterly. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. Vol. 48-2. Pp. 362–386.

3. Arbitrage Erithrée-Yemen Sentences. 1998 et 1999 : Permanent Court of Arbitration Award Series. Gravenhage : T. M. C. Asser Press, 2005. Vol. 1. 555 p.
4. Conflict Prevention in Practice / ed. by J. S. Sutterlin, B. G. Ramcharan. Leiden : Brill, 2005. 289 p.
5. Dzurek D. J. *Eritrea-Yemen Dispute Over the Hanish Islands // Boundary and Security Bulletin*. Durham : Working Paper, 1996. Pp. 16–20.
6. International Agreement Regarding the Maintenance of Certain Lights in the Red Sea // United States Treaties and Other International Agreements. 1968. Vol. 17. Pp. 988–994.
7. International Law Reports / ed. by E. Lauterpacht, C. J. Greenwood. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. Vol. 114. 714 p.
8. Fielden D. G. *The Political Geography of the Red Sea Region*. Durham : University of Durham, 1978. 91 p.
9. *Maritime Security in the Indian Ocean and Western Pacific: Heritage and Contemporary Challenges / ed. by H. M. Hensel, A. Gupta*. London : Routledge, 2017. 274 p.
10. Mekonnen D. R. *Transitional Justice: Framing a Model for Eritrea*. Riga : AV Akademikerverlag GmbH & Company KG, 2009. 340 p.
11. Murphy S. D., Kidane W., Snider T. R. *Litigating War: Mass Civil Injury and the Eritrea-Ethiopia Claims Commission*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 640 p.
12. Rongxing G. *Territorial Disputes and Resource Management: A Global Handbook*. New York : Nova Publishers, 2006. 299 p.
13. Stansfield G. R. V. *The 1995–96 Yemen-Eritrea conflict over the Islands of Hanish and Jabal Zuqar: a geopolitical analysis*. Durham : Working Paper, 2001. 122 p.
14. Tesfagiorgis G. M. *Eritrea*. Oxford : ABC-CLIO, 2010. 424 p.
15. *Treaty of Lausanne, 24 July 1923 // Major Peace Treaties of Modern History: 1648–1967*. New York : Chelsea House, 1967. Vol. 4. Pp. 2310–2378.
16. *United Nations Convention on the Law of the Sea 1982 // Law of the Sea Bulletin*. 1994. № 25. 65 p.

Origins of border conflicts on the example of the Hanish Conflict between Eritrea and Yemen (1995–1998)

A. V. Makutchev

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of legal disciplines,
Tula State Pedagogical University n. a. L. N. Tolstoy. Russia, Tula. E-mail: mackutcheve@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the events of the Hanish crisis that occurred between Eritrea and Yemen in 1995–1998 and led to a short-term armed confrontation that is practically unknown in Russian historiography. The reason for the conflict was a dispute over the ownership of the Hanish Islands in the Red sea, which are equidistant from the coasts of both states and, at first glance, do not represent any significant value. This crisis had no significant consequences and was eventually resolved through diplomatic means, but it is an example of a border conflict with non-obvious and at first glance unclear prerequisites. Based on the data of historiography, the author analyzes the emergence, course of the conflict and the process of its diplomatic settlement in order to identify universal factors that create the ground for local conflicts. The study identifies three main factors that influenced the beginning of the Hanish Crisis, in particular: the historical background of the conflict that developed during the period of colonialism and do not allow us to unequivocally confirm or refute the claims of both Eritrea and Yemen to the Islands; the theories of external influence on the development of the dispute by regional powers (Saudi Arabia and Israel), as well as the United States are generalized; the role of natural resource in shaping the crisis, in particular, the value of the fact of the presence in the archipelago's oil fields, and close to fishing and future profitability of the tourism resources of the Islands. The results of the study can be useful in the theoretical generalization of the causes of inter-state conflicts and the search for ways to prevent them.

Keywords: Hanish conflict, Eritrea, Yemen, geopolitics, border dispute, local conflict.

References

1. Anglo-Italian Agreement regarding Certain Areas in the Middle East // League of Nations Treaty Series. 1939. Vol. 82. Pp. 77–93.
2. Antunes N. S. M. *The Eritrea-Yemen Arbitration: First Stage – The Law of Title to Territory Re-Averred // International & Comparative Law Quarterly*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. Vol. 48-2. Pp. 362–386.
3. Arbitrage Erithrée-Yemen Sentences. 1998 et 1999 : Permanent Court of Arbitration Award Series. Gravenhage : T. M. C. Asser Press, 2005. Vol. 1. 555 p.
4. Conflict Prevention in Practice / ed. by J. S. Sutterlin, B. G. Ramcharan. Leiden : Brill, 2005. 289 p.
5. Dzurek D. J. *Eritrea-Yemen Dispute Over the Hanish Islands // Boundary and Security Bulletin*. Durham : Working Paper, 1996. Pp. 16–20.

6. International Agreement Regarding the Maintenance of Certain Lights in the Red Sea // United States Treaties and Other International Agreements. 1968. Vol. 17. Pp. 988–994.
7. International Law Reports / ed. by E. Lauterpacht, C. J. Greenwood. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. Vol. 114. 714 p.
8. *Fielden D. G.* The Political Geography of the Red Sea Region. Durham : University of Durham, 1978. 91 p.
9. Maritime Security in the Indian Ocean and Western Pacific: Heritage and Contemporary Challenges / ed. by H. M. Hensel, A. Gupta. London : Routledge, 2017. 274 p.
10. *Mekonnen D. R.* Transitional Justice: Framing a Model for Eritrea. Riga : AV Akademikerverlag GmbH & Company KG, 2009. 340 p.
11. *Murphy S. D., Kidane W., Snider T. R.* Litigating War: Mass Civil Injury and the Eritrea-Ethiopia Claims Commission. Oxford : Oxford University Press, 2013. 640 p.
12. *Rongxing G.* Territorial Disputes and Resource Management: A Global Handbook. New York : Nova Publishers, 2006. 299 p.
13. *Stansfield G. R. V.* The 1995–96 Yemen-Eritrea conflict over the Islands of Hanish and Jabal Zuqar: a geopolitical analysis. Durham : Working Paper, 2001. 122 p.
14. *Tesfagiorgis G. M.* Eritrea. Oxford : ABC-CLIO, 2010. 424 p.
15. Treaty of Lausanne, 24 July 1923 // Major Peace Treaties of Modern History: 1648–1967. New York : Chelsea House, 1967. Vol. 4. Pp. 2310–2378.
16. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982 // Law of the Sea Bulletin. 1994. No. 25. 65 p.

Деятельность немецких спецслужб в Иране. 1941–1944 гг.

В. В. Марковчин¹, В. М. Магомедханов²

¹кандидат исторических наук, доцент, профессор, Юго-Западный государственный университет, старший научный сотрудник научно-исследовательского института военной истории, Военная академия Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Россия, г. Москва. E-mail: markovchin@yandex.ru

²кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центральный музей войск национальной гвардии. Россия, г. Москва. E-mail: magvik1972@mail.ru

Аннотация. Предметом, которому посвящена данная статья, являются отдельные аспекты межгосударственных отношений, сложившихся в период с 1933 по 1945 год между Германией и Персией (Ираном). Они развивались в достаточно позитивном ключе, несмотря на довольно большие расстояния, разделяющие оба государства.

Цель, определенная для данной публикации, – показать сложную палитру этого взаимодействия, а также двойную игру, которую вела гитлеровская Германия в конкретном случае со своим ближневосточным партнером. В публикации использованы многочисленные документальные источники по данной теме, выявленные в государственных архивах Российской Федерации, часть которых в таком сочетании публикуется впервые.

Помимо традиционных финансовых, промышленных и иных контактов, несомненно выгодных для обеих стран, немцы использовали территорию своего союзника для осуществления широкомащтабной подрывной деятельности, в первую очередь против Советского Союза и Великобритании. И предвоенный период германскими спецслужбами использовался прежде всего для создания на территории Ирана разветвленной и действенной агентурной сети, в которой были заняты как профессионалы нелегальной разведки, так и специалисты, работающие в стране с открытых, легальных позиций.

Если для Ирана Третий рейх был образцом планомерного и быстрого экономического развития, то для Германии ближневосточный партнер был интересен в первую очередь как источник крупных запасов нефти, в которой Германия испытывала постоянную нехватку. Помимо природных богатств, Иран был государством, занимающим исключительно выгодное (с геополитической точки зрения) стратегическое положение, которое могло быть успешно использовано немцами для завоевания государств Азии, и прежде всего Индии, где хозяйничали англичане.

С оккупацией Ирана советско-британскими войсками все немецкие граждане, находящиеся на его территории, были интернированы в специальные лагеря; часть сотрудников германских спецслужб перешла на нелегальное положение. В зависимости от положения на основных фронтах мировой войны, спецслужбы Германии начинают проводить на территории Ирана целый ряд специальных операций различной направленности – от организации восстания населения до проведения общегосударственных выборов под собственным контролем. Однако эти попытки не увенчались успехом – совместные усилия советских и британских спецслужб окончились их уверенной победой в этом противостоянии.

Ключевые слова: Германия, Иран, деятельность спецслужб, разведка, контрразведка, немецкие спецоперации, НКВД СССР, МИ-5.

Попытки ускоренного сближения позиций обоих государств начались практически сразу после прихода к власти А. Гитлера. В немалой степени под влиянием идеологов «Третьего рейха» в 1935 г. Реза-шах принял решение об изменении официального названия страны, которая с тех пор стала именоваться Иран (страна ариев) [7]. 22 марта 1935 г. вступило в действие постановление о переименовании государства Персия в Иран, а жителей страны персов – в иранцев («ириани») [14]. По мнению иранских властей, это указывало на величие нации и цивилизации древнего Ирана [18].

В свою очередь нацистами в 1936 г. был принят декрет, который признал иранцев чистокровными арийцами, а зороастрийский символ в виде свастики стал использоваться для пропаганды общих интересов Германии и Ирана. Не останавливаясь только на этом, немцы широко распространяли слухи, что А. Гитлер – по происхождению лур¹, о чем свидетельствовало якобы окончание его фамилии, тем самым внушая иранцам мысль об общем арийском происхождении [12].

В ноябре 1936 г. Иран с официальным визитом посетил рейхсминистр экономики и председатель Рейхсбанка Я. Шахт², который в одной из своих речей отметил желание Германии в дальнейшем работать над «экономическим возрождением Ирана» [3]. Во время празднования 60-летия со дня рождения шаха Реза Пехлеви одна из крупнейших германских газет «Дойче Альгемайне Цайтунг»³ в своем номере от 16 марта 1938 г. поместила на передовой большую статью, посвященную подвигам иранского правителя, и его портрет. В данной статье в самом лучшем свете были представлены достижения Ирана в политическом, общественном и экономическом направлениях. В заключении говорилось, что новая Германия, поддерживающая добрые взаимоотношения с историческим Ираном, надеется, что Иран с каждым днем будет идти вперед к прогрессу и развитию [2].

Весной 1938 г. в Иране вышла книга «Гитлер» в переводе Вахида Мазендаранского, которая изобиловала цитатами из «Майн кампф», представляла фюрера как самого великого и могущественного правителя, которого может заменить только бог [15]. В ноябре 1938 г. британская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» поместила сообщение своего берлинского корреспондента, в котором говорилось о том, что А. Гитлер пригласил иранского шаха посетить Германию весной будущего года и что шах принял это приглашение, но еще не установил окончательную дату своего приезда [3].

Эти настроения в обоих государствах тщательно поддерживались – например, в 1939 году фюрер подарил в день рождения иранскому крон-принцу⁴ сразу две легковых автомашины. О близости отношений между странами говорит и такой факт, что именно в Иране создавались персидские ковры, которыми потом украсили рейхсканцелярию Адольфа Гитлера. Причем создавались эти произведения искусства руками малолетних иранских детей.

Несмотря на весьма доверительные и практически родственные отношения между иранцами и немцами, последние не преминули развернуть в дружеской стране широкую разведывательно-контрразведывательную сеть. Их оперативно-розыскная деятельность велась сразу по нескольким направлениям: через оперативные возможности СД⁵, СС⁶, абвера⁷, заграничного отдела НСДАП⁸ и германского МИДа.

После событий гражданской войны 1917–1922 годов на территории Ирана оказалась довольно большая колония бывших российских подданных, регулярно поддерживавших отношения с бывшей родиной: с советским Азербайджаном, Грузией, Арменией. Вполне естественно, что часть эмигрантов использовалась немецкими спецслужбами для подрывной деятельности против советской России и поэтому вполне обоснованно оказывалась в поле зрения органов НКВД/НКГБ СССР.

Так, исходя из разведанных, полученных разведкой погранвойск НКВД Бакинского военного округа, довольно большое количество немцев внедрялось в учреждения и предприятия военного ведомства, где они поступали на должности инструкторов иранской армии. 23 июня 1940 г. междлис утвердил договор с Германией, по условиям которого немцам были предоставлены следующие должности в центральном управлении железных дорог Ирана: Вильгельму Сапову – пост главного инженера всего железнодорожного строительства, Густаву Бора – инженера по расчетам и т. д.

НКВД СССР информировал, что на севере Ирана организатором германского шпионажа являлся немец Вольф – представитель иранской транспортной конторы «Иранэкспресс» в Пехлеви. Этот «специалист по транспорту» хорошо знал русский и персидский языки, много лет жил в Иране, создав на побережье Каспийского моря разветвленную сеть шпионажа. На юге

² Ялмар Хорас Грили Шахт (1877–1970) – один из организаторов экономики фашистской Германии. В ходе Нюрнбергского трибунала для военных преступников был оправдан.

³ Издавалась в Берлине в период с 1861 по 1945 год.

⁴ Мохаммед Реза Пехлеви (1919–1980) – 35-й и последний шах Ирана (1941–1979).

⁵ Служба безопасности, или VI управление Главного управления имперской безопасности (РСХА). Осуществляла контрразведывательные функции на территории рейха, а также занималась шпионажем за его пределами.

⁶ Охранные отряды НСДАП. Занимались вопросами безопасности высших должностных лиц фашистской Германии, охраняли лагеря смерти. Наряду с несением охранной службы привлекались к участию в боевых действиях. Отдельные структуры внутри СС осуществляли также разведывательно-подрывную деятельность.

⁷ Военная разведка и контрразведка Германии в период с 1919 по 1944 год.

⁸ Национал-социалистическая рабочая партия Германии. Основана в 1920 году, правящая партия Германии с 1933 по 1945 год.

Ирана те же функции выполнял немец Шунеман, формально сотрудник фирмы «Юнкерс», а на самом деле представлявший «фирму Гиммлера». Шунеман являлся матерым шпионом и провокатором, поставлявшим еще в годы Первой мировой войны оружие бахтиарам для борьбы против Англии и России [15].

Под давлением немецких представителей в конце августа 1941 года иранская армия вступила в бой с вошедшими на территорию страны англо-советскими войсками. Примечательный факт произошел 30 и 31 августа 1941 г., когда молодые иранские летчики, подстрекаемые германскими агентами и несогласные с решением правительства о прекращении сопротивления, подняли свои самолеты в воздух и произвели бомбардировку Тегерана. Данное событие было представлено немецкими информационными агентствами так, что якобы иранскую столицу бомбили советские самолеты [10]. И это несмотря на то, что действия иранской стороны грубо противоречили ст. 6 Договора между СССР и Ираном 1921 г.⁹ Данная статья предусматривала следующее положение: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных преступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности, Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» [5].

Одновременно с этим в одном из иранских портов было взорвано несколько немецких пароходов, находившихся здесь ввиду организованной в данном регионе еще в 1939 году английской морской блокады, чтобы суда не достались последним в качестве трофеев.

Уже после вступления союзных войск в Иран в газете «Русское обозрение», издававшейся русской эмигрантской диаспорой в г. Чикаго (США), появилась заметка «Гитлер нарядился в чалму», в которой говорилось: «При занятии советскими войсками персидского города конфисковано у персов несколько портретов Гитлера, заснятого в чалме и застывшего в молитвенной позе в мусульманской мечети» [16]. Это в очередной раз свидетельствовало об особой роли ислама в нацистской политике как на Ближнем, так и на Среднем Востоке, особенно в Иране.

С момента вторжения и на период двух ближайших лет немцы не предпринимали каких-либо особо активных действий на иранском направлении – страна была полностью оккупирована советско-английскими войсками. Между тем оперативная работа органов НКВД СССР на территории Ирана шла успешно, и в апреле 1942 г. в Тегеране была раскрыта фашистская организация, деятельность которой была направлена против конституционного строя. Газета «Мардом» называла в числе участников этой организации доктора Зуль-Фегари, работника военно-санитарного управления Гаффари, Даругера и Дорудияна [2].

Но уже весной 1943 года положение кардинально изменилось. Немцам понадобился новый фронт против англичан в Иране, который бы помог разрешить проблемы в танковой армии «Африка» под командованием фельдмаршала Роммеля¹⁰, испытывавшего большие неудачи в Ливийской пустыне. И даже после краха «Лиса пустыни» в Северной Африке мечты о реванше у гитлеровского командования не проходили.

Лучше всего данное обстоятельство иллюстрирует письмо руководителя Главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбруннера¹¹, направленное в адрес руководителя германского МИДа Риббентропа¹² 28 июня 1943 года:

⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1217. Л. 132.

¹⁰ Роммель Эрвин Ойген Йоханнес (1891–1944) – генерал-фельдмаршал вермахта, известный своей африканской кампанией во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством из-за подозрений в заговоре 20 июля.

¹¹ Кальтенбруннер Эрнст (1903–1946) – начальник РСХА и статс-секретарь имперского министерства внутренних дел Германии. Обергруппенфюрер СС и генерал полиции, генерал войск СС. Казнен в Нюрнберге как военный преступник (через повешение).

¹² Риббентроп Фридрих Вилли Иоахим, фон (1893–1946) – министр иностранных дел Германии (1938–1945), советник Адольфа Гитлера по внешней политике. Казнен в Нюрнберге как военный преступник (через повешение).

«Мы непосредственно связались с Ираном и получили следующее сообщение о возможности немецкого влияния на ход выборов в иранский парламент:

Приблизительно через два месяца эти выборы должны состояться. Так как их исход может иметь очень большое политическое значение, союзники стараются друг перед другом воздействовать на выборы.

Шансы англичан невелики, но зато влияние большевиков все увеличивается. Рост влияния большевиков будет существенным образом зависеть от нашего, т. е. немецкого участия. Мы имеем большие шансы на успех, так как настроение народа в нашу пользу. Но для того, чтобы оказать решающее влияние на выборы, нужен подкуп¹³. Для Тегерана необходимы 400 000 туманов¹⁴, а для всего остального Ирана по крайней мере 600 000 туманов. Эта сумма является пустяком по сравнению с суммами, израсходованными нашими врагами. Следует заметить, что националистически настроенные иранские круги ожидают вмешательства Германии.

Прошу Вас сообщить мне, возможно ли получение одного миллиона туманов от министерства иностранных дел. Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми нами туда самолетом» [4].

При этом немного ранее, в начале апреля 1943 года, в район озера Дерьячейе-Немек¹⁵ была выброшена десантная группа «Франц», состоявшая из 5 диверсантов полка особого назначения «Бранденбург-800», с задачами по установлению связи с немецкой агентурой, ранее оставленной на оседание, а также организации большого восстания против оккупационных войск. Для реализации этих планов группа была снабжена радиостанцией, пятьюдесятью килограммами золота, крупными суммами иранской, английской и советской валюты. На определенном этапе работу группы курировал лично рейхсфюрер СС Гиммлер¹⁶, что весьма показательно. Поставленных задач группа так и не достигла.

Следующая немецкая спецоперация под условным наименованием «Лутфулах» была осуществлена в первой половине июля 1943 года. Группа в составе 7 человек, возглавляемых офицерами абвера Блюме и Кентгеном, была выброшена в главном нефтяном районе Ирана, северо-восточнее города Керманшах¹⁷. В ее задачах была организация восстания с последующим захватом нефтеносных районов. Как потом оказалось, сопровождавший группу проводник Лутфулах¹⁸ оказался британским агентом, и вся группа вскоре была полностью ликвидирована.

В третий раз аналогичная операция под условным наименованием «Мартин» была осуществлена уже после ликвидации предыдущей группы, в начале октября 1943 года. Ее возглавлял Мартин Курмис, сотрудник СД, гауптштурмфюрер СС. После высадки группы из 5 диверсантов состоялся сеанс связи, в ходе которого Курмис сообщил о высадке и поломке радиостанции. На самом деле диверсанты «Мартина» сразу после приземления были задержаны иранцами, а затем переданы англичанам. Командир группы, чьим именем она называлась, покончил жизнь самоубийством в тюрьме города Фируз-Абад¹⁹.

Потерпев сразу несколько неудач, к которым прибавился еще и арест немецкого резидента Майера [13], а также массовый арест членов прогерманской организации «Миллион-Иран», созданной при активном участии немецкой резидентуры, Главное управление им-

¹³ Практика подкупа должностных лиц из средств, отпущенных на содержание Имперского министерства иностранных дел, была чрезвычайно распространена. Так, например, во второй половине 1942 года по распоряжению главы МИД Риббентропа немецкому послу в Анкаре фон Папену были отпущены средства в 5 млн золотых марок – для подкупа должностных лиц Турецкой Республики.

¹⁴ Туман, томан – официальная денежная единица Персии с XVII века до 1932 года. Один туман равнялся 10 тысячам динаров.

¹⁵ Соленое озеро в центральной части Ирана.

¹⁶ Гиммлер Генрих (1900–1945) – государственный деятель в фашистской Германии. Рейхсфюрер СС, рейхсминистр внутренних дел, рейхслайтер, руководитель РСХА и т. д. Находясь в тюрьме, покончил жизнь самоубийством.

¹⁷ Город на западе Ирана, административный центр провинции Керманшах.

¹⁸ По его имени и была названа сама операция.

¹⁹ Город на юге Ирана, в провинции Фарс. Эту операцию стоит считать подготовительной, т. к. ее продолжением должна была стать спецоперация «Длинный прыжок», направленная на уничтожение глав трех стран, которые в ноябре 1943 года собрались в Тегеране на конференцию. Но неудача спецоперации «Мартин» положила конец этим планам немецких спецслужб.

перской безопасности издало специальный приказ за подписью Генриха Гиммлера, который предусматривал усиление германской деятельности по Ирану. Среди предложенных мер предусматривалось:

- создание из числа иранских эмигрантов активной организации фашистского толка с последующим формированием на ее основе правительства в изгнании²⁰;
- формирование из числа этнических иранцев военных формирований для борьбы против Советского Союза и его западных союзников;
- усиление профашистской пропаганды на иранском направлении;
- привлечение иранских финансовых средств для работы немецких спецслужб.

Столь активная работа немцев на данном направлении была обусловлена предполагаемым открытием в 1944 году второго фронта в Европе, в противовес которому предполагалось создать очередной новый фронт на территории Ирана.

Во исполнение данного приказа VI управление РСХА начало подготовку новой спецоперации под условным наименованием «Норма». Ее проведение планировалось осуществить в апреле 1944 года, в состав группы было включено 13 человек. Среди них было 6 радистов, 4 подрывника-диверсанта из числа боевиков Отто Скорцени²¹, по одному пропагандисту и врачу. Возглавить группу должен был гауптштурмфюрер СС Роман Гамота²² [8], имевший богатый практический опыт разведывательной работы в Иране в период с 1940 по 1942 год. И опять название спецоперации – это перефразированное имя назначенного руководителя группы.

Для оснащения группы было выделено большое количество оружия (в том числе – иностранного производства: английского и американского), золотых изделий, специальной техники, английской, американской, иранской, турецкой и советской валюты, месячный запас продовольствия и даже ящик немецких орденов для возможного награждения отличившихся диверсантов. Подготовка группы велась по плану, утвержденному начальником VI управления РСХА Вальтером Шелленбергом²³.

По различным причинам переброска «Нормы» в Иран не состоялось, так как, помимо возникших проблем в организации спецоперации, ее руководитель был обвинен в заговоре 20 июля и удален от службы. Позднее Роману Гамоте удастся скрыться в родной Вене, где он и будет позднее арестован советскими властями. Спустя семь лет бывший «специалист» по Ирану будет расстрелян в Москве. Это произойдет 9 мая 1952 года, и на это были особые причины.

В августе 1944 г. тегеранская газета «Барг» выпустила листовку под заглавием «Тайные планы германского переворота в Иране». В материале рассказывалось о подрывной деятельности Майера и других немецких шпионов в Иране при участии иранца, офицера войск СС Ха-сама Вазири. Листовка утверждала, что в период, когда вермахт стремился к Баку и Ирану, немецкие агенты разработали план высадки в Тегеране десятитысячного парашютного десанта, в задачу которого входило: произвести государственный переворот, создать в Иране нацистское правительство и воспрепятствовать возможному отступлению Красной Армии через Иран. К тому же заговорщики имели список антифашистов по Тегерану, которые во время переворота должны были быть уничтожены [17].

Подводя итоги этого противостояния, необходимо отметить, что спецслужбы Великобритании и США активно сотрудничали с советскими разведывательными и контрразведывательными органами на иранской территории. Советник посланника Соединенного королевства в Тегеране Р. Буллард отмечал, что в Иране, несмотря на некоторые разногласия в политической сфере, установилось тесное взаимодействие между спецслужбами, среди которых особое

²⁰ «Комитет освобождения народов Ирана» предполагалось создать летом 1944 года в Париже, чтобы затем сформировать из его состава правительство в изгнании.

²¹ Скорцени Отто (1908–1975) – известный немецкий диверсант, руководитель частей особого назначения СС. Оберштурмбанфюрер СС. Известен как успешный исполнитель целого ряда специальных операций. По совершенно случайному совпадению служебный кабинет Скорцени находился по соседству с кабинетом Гамоты.

²² Гамота Роман (1917–1952) – сотрудник VI управления РСХА, гауптштурмфюрер СС. Занимался разведывательной деятельностью против Великобритании и СССР с легальных позиций на территории Ирана и Ирака. После ареста органами советской контрразведки в 1945 году дал развернутые показания о деятельности немецкой разведки в Иране, Ираке, Афганистане.

²³ Шелленберг Вальтер Фридрих (1910–1952) – начальник внешней разведки СД, бригаденфюрер СС. После окончания Второй мировой войны осужден к тюремному сроку.

место занимали органы НКВД. Британские разведчики считали достижения советских коллег достойными, чтобы перенимать их опыт работы, особенно их оперативные методы [19]. Тесное взаимодействие органов безопасности Советского Союза с коллегами стран-союзников послужило действенной мерой в борьбе с германскими спецслужбами не только в Иране, но и на Ближнем, и на Среднем Востоке в целом.

Список литературы

1. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 34щ. П. 85. Д. 2.
2. АВП РФ. Ф. 94. Оп. 22а. П. 123. Д. 2.
3. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 34щ. П. 87. Д. 36.
4. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 140.
5. Исторический журнал. № 10-11. Декабрь 1941. 158 с.
6. Магомедханов В. М. Иранский Курдистан в политике СССР во второй половине 1930–1940-х гг. : дис. ... канд. ист. н. Елец, 2017.
7. Мамедова Н. М., Дунаева Е. В., Оришев А. Б. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / под ред. В. В. Наумкина // Советский Союз и Иран (1933–1945). М. : ИВ РАН, 2010. 460 с.
8. Марковчин В. В. Правнуки Барбароссы. Курск : Изд-во ЮЗГУ, 2016. 252 с.
9. Марковчин В. В. Между миром и войной. Курск : Изд-во ЮЗГУ, 2019. 272 с.
10. На страже Родины. 1941. 4 сентября.
11. Орлов Е. А. Россия и Иран в XX веке (основные этапы взаимоотношений) / под ред. Н. М. Мамедовой, М. Санаи. Иран: ислам и власть. М. : ИВ РАН ; Крафт+, 2002. 280 с.
12. Орлов Е. А. Иран: ислам и власть // Россия и Иран в XX веке (основные этапы взаимоотношений). М. : ИВ РАН ; Крафт+, 2002. С. 198.
13. «Победит тот, кто будет владеть Востоком». Из дневника немецкого разведчика Ф. Майера. Иран. 1941–1942 гг. // Отечественные архивы. № 3. 2003. (Вступ. статья, комментарии и подготовка текста к публикации А. Б. Оришева).
14. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 347.
15. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 932. Л. 97–100.
16. Русское обозрение. Чикаго. 1941. 6 сентября.
17. ЦАМО. Ф. 389. Оп. 4690. Д. 508.
18. *Firoozeh Kashani-Sabet*. Frontier Fictions. Shaping the Iranian Nation. 1804–1946. Princeton, New Jersey : Princeton univ. press, 1999. 304 p.
19. *O'Sullivan A.* Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran). The Success of the Allied Secret Services, 1941–45. London ; New York : Palgrave Macmillan, 2015. 293 p.

Activities of German intelligence services in Iran. 1941–1944

V. V. Markovchin¹, V. M. Magomedhanov²

¹PhD of Historical Sciences, associate professor, South-Western State University, senior researcher at the research Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of The armed Forces of the Russian Federation. Russia, Moscow. E-mail: markovchin@yandex.ru

²PhD of Historical Sciences, senior researcher, Central Museum of national guard troops. Russia, Moscow. E-mail: magvik1972@mail.ru

Abstract. The subject of this article is some aspects of interstate relations that developed in the period from 1933 to 1945 between Germany and Persia (Iran). They have developed in a fairly positive way, despite the rather long distances separating the two states.

The goal defined for this publication is to show the complex palette of this interaction, as well as the double game played by Hitler's Germany in a particular case with its Middle Eastern partner. The publication uses numerous documentary sources on this topic identified in the state archives of the Russian Federation, some of which are published in this combination for the first time.

In addition to traditional financial, industrial, and other contacts that were undoubtedly beneficial to both countries, the Germans used the territory of their ally to carry out large-scale subversive activities, primarily against the Soviet Union and Great Britain. And the pre-war period was used by the German special services primarily to create an extensive and effective agent network on the territory of Iran, which employed both illegal intelligence professionals and specialists working in the country from open, legal positions.

If for Iran the Third Reich was a model of planned and rapid economic development, for Germany the Middle East partner was interesting primarily as a source of large oil reserves, in which Germany was constantly in short supply. In addition to its natural resources, Iran was a state that occupied an exceptionally advantageous (from a geopolitical point of view) strategic position, which could be successfully used by the Germans to conquer the states of Asia, and above all India, where the British ruled.

With the occupation of Iran by Soviet-British troops, all German citizens on its territory were interned in special camps; some of the employees of the German special services moved to an illegal position. Depending on the situation on the main fronts of the world war, the German special services begin to conduct a number of special operations on the territory of Iran in various directions – from organizing a population uprising to holding national elections under their own control. However, these attempts were not crowned with success – the joint efforts of the Soviet and British special services ended in their confident victory in this confrontation.

Keywords: Germany, Iran, special services, intelligence, counterintelligence, German special operations, NKVD of the USSR, MI-5.

References

1. Archive of Internal Affairs of RF. F. 566. Inv. 34ш. P. 85. File 2.
2. Archive of Internal Affairs of RF. F. 94. Inv. 22A. P. 123. File 2.
3. Archive of Internal Affairs of RF. F. 566. Inv. 34ш. P. 87. File 36.
4. State Archive of RF. F. P-9401. Inv. 2. File 140.
5. *Istoricheskij zhurnal* – Historical journal. No. 10-11. December 1941. 158 p.
6. *Magomedhanov V. M. Iranskij Kurdistan v politike SSSR vo vtoroj polovine 1930–1940-h gg. : dis. ... kand. ist. n.* [Iranian Kurdistan in the policy of the USSR in the second half of the 1930s and 1940s : dis. ... PhD of Hist. Sciences.] Elec. 2017.
7. *Mamedova N. M., Dunaeva E. V., Orishev A. B. SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny* [The USSR and the countries of the East before and during the Second World War] / ed. by V. V. Naumkin // The Soviet Union and Iran (1933–1945). M. IV RAS. 2010. 460 p.
8. *Markovchin V. V. Pravnuki Barbarossy* [Great-grandchildren of Barbarossa]. Kursk. SWSU. 2016. 252 p.
9. *Markovchin V. V. Mezhdumirovye i vojni* [Between peace and war]. Kursk. SWSU. 2019. 272 p.
10. *Na strazhe Rodiny* – On guard of the Motherland. 1941. September 4.
11. *Orlov E. A. Rossiya i Iran v XX veke (osnovnye etapy vzaimootnoshenij)* [Russia and Iran in the XX century (main stages of relations)] / ed. by N. M. Mamedova, M. Sanai. Iran: Islam and power. M. Institute of Oriental studies of RAS ; Kraft+. 2002. 280 p.
12. *Orlov E. A. Iran: islam i vlast'* [Iran: Islam and power] // *Rossiya i Iran v XX veke (osnovnye etapy vzaimootnoshenij)* – Russia and Iran in the XX century (the main stages of relations). M. Institute of Oriental studies of RAS ; Kraft+. 2002. P. 198.
13. *"Pobedit tot, kto budet vladet' Vostokom". Iz dnevnika nemeckogo razvedchika F. Majera. Iran. 1941–1942 gg.* – "The winner is the one who will own the East". From the diary of the German intelligence officer F. Meyer. Iran. 1941–1942 // *Otechestvennye arhivy* – Domestic archives. No. 3. 2003. (Introductory article, comments and preparation of the text for publication by A. B. Orishev).
14. Russian State Archive of Social and Political History. F. 532. Inv. 4. File 347.
15. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. File 932. Sh. 97–100.
16. *Russkoe obozrenie* – Russian review. Chicago. 1941. September 6.
17. Central Archive of Moscow region. F. 389. Inv. 4690. File 508.
18. *Firoozeh Kashani-Sabet. Frontier Fictions. Shaping the Iranian Nation. 1804–1946.* Princeton, New Jersey : Princeton univ. press, 1999. 304 p.
19. *O'Sullivan A. Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran). The Success of the Allied Secret Services, 1941–45.* London ; New York : Palgrave Macmillan, 2015. 293 p.

Советская Россия как жертва: формирование образов в периодической печати США*

Я. А. Левин¹, К. В. Беляева²

¹кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

²магистрант кафедры всеобщей истории, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: katiagrayson@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена такой проблеме, как формирование образа Советской России в американской прессе. Проанализированы несколько основных образов, использованных журналистами того времени для выстраивания в умах американских читателей определенных представлений о России. Рубежным моментом в формировании представлений о России стал пик голода, когда вместе с уже сформировавшимися образами начал активно выстраиваться новый образ – образ жертвы. Изучено, на каком материале развивается и закрепляется новый образ. На примере тяжелой ситуации в Советской России американская пресса завуалированно показывает достоинства американского образа жизни и политической системы, вместе с тем, подробно рассказывая о помощи США далекой стране, сообщает, что в этот период укрепляется положительное представление американцев о самих себе, то есть закрепляется роль России как конституирующего «Другого». Вместе с тем развивается представление, ставшее в итоге традиционным для США, связанное с разграничением государства и граждан. Советское государство не способствует положительному отношению американской прессы, во многом именно оно в её представлениях и виновато в ситуации голода. Однако советские граждане представляются невинной жертвой сложившихся обстоятельств, поэтому, описывая случаи зверств и каннибализма, продиктованные голодом, пресса вместе с тем отмечает и доблесть советских людей перед сложной ситуацией. Таким образом, складывается крайне двойственный образ Советской России и ее граждан. Для американцев это полудикое общество, населенное тем не менее преимущественно достойными людьми, оказавшимися заложниками политики преступного государства.

Ключевые слова: пресса США, общественное мнение, гражданская война в России, голод, АРА.

В американской периодической печати после революции 1917 года шло формирование сразу нескольких вариантов образа России: демонического, жертвенного, нейтрального. Изучение данного феномена актуально по нескольким причинам. Во-первых, оно необходимо как дополнение к существующим исследованиям, связанным с американскими средствами массовой информации указанного исторического периода. Во-вторых, оно может быть полезно для понимания того, на каких исторических основах формировались и продолжают формироваться российско-американские отношения.

Каждый из вышеупомянутых образов можно толковать с разных точек зрения, так как с их помощью не только помогали преподнести внутривнутриполитическую российскую ситуацию для американских читателей, но и актуализировали для них такую идейную категорию, как «большевистская опасность». В данном контексте понятие «демонический образ» включает в себя комментирование прессой тех или иных событий в России через жестокость и тиранию большевиков: именно они превратили некогда великую Российскую Империю в страну, погруженную в голод, гражданской войне и разрухе.

Жертвенный образ Советской России в прессе Соединенных Штатов Америки превалировал в 1921–1922 гг. – во время пика голода в России. По сообщениям прессы, у людей не было сил на ругань или жалобы, так как их «жизнь подобна смерти <...> – не жизнь, а одно мучение» [8]. Данный образ строился на трех основных пунктах.

В первый пункт входят, во-первых, сообщения прессы о том, что от голода страдают не только крестьяне в деревнях, но и другие слои населения. Газеты пишут: «врачи умирают с пациентами» [9]. В одной из статей «The Telegraph-Herald» рассказывается о том, как «еле жи-

вые [русские] рабочие мешают оказанию помощи» [20]. Во-вторых, газеты уделяли большое внимание цифрам – это давало возможность показать читателям, каковы масштабы трагедии. Пресса постоянно указывала количество пострадавших от голода людей: в заголовках и статьях встречаются цифры 25 миллионов [1; 6; 25] по отношению к общему количеству пострадавших людей, 45 тысяч беженцев [5] и 9 миллионов детей [16; 22]. Были и более конкретные цифры. Например, сообщалось о 8210 случаях холеры на территории РСФСР, куда вошли 48 в Симбирске и 900 в Астрахани [2]. На территории Украины – 300 [2]. Смертность в случае заболевания холерой в Воронеже достигла 50 %. В железнодорожных поездах было установлено 624 случая смерти из-за данного заболевания [2].

Второй пункт фокусировался на статистике по заболеваниям, характерным для голода. Большое количество статей рассказывает о распространении тифа, бубонной чумы, малярии (чье распространение «связанно с миграцией [населения]» [13], как и другие заболевания) и холеры. Статьи пестрят следующими заголовками: «Холера распространяется по России» [13], «У русских беженцев холера» [24], «Русская столица под ударом тифа» [23], «Тиф угрожает российскому народу» [21], «Холера, тиф, бубонная чума от Казани и Самары до Астрахани» [7].

В третьем пункте освещается проблема миграции и эмиграции, которую можно отнести к недовольству людей их нынешними жизненными обстоятельствами, связанными с действиями советского правительства. «Большой поток миграции» [13] плохо сказывался как на санитарной обстановке, так и на количестве провизии в точках основного ее потока. Со ссылкой на газету «Известия», «New York Times» рассказывала о «трех группах по 15 человек» из Сызрани, которые «горели огромным желанием эмигрировать» (к сожалению, предпочтительная страна для эмиграции не уточнялась) несмотря на то, что «городишко был в порядке и на улицах не видно трупов» [7].

Подобный подход к подаче информации поддерживал «человеческое лицо» России и ее голодающего народа, страдающего из-за бездействия своего правительства, но получавшего незамедлительную помощь от стран Запада. Это позволяло простому американскому гражданину поставить себя на место простого российского гражданина и увидеть тот самый «жертвенный» образ, целью раскрытия которого в прессе было указание на плачевное состояние России и процветание Запада и его ценностей.

В связи с ужасающими условиями жизни в России, по сообщениям американских СМИ, распространялись заболевания не только физические, но и психологические – «от голода впадают в безрассудство» [8]. По словам Хаскеля, посетившего Поволжье в 1921 году, «душевное состояние в Самаре оставляет желать лучшего» [11].

Одним из самых шокирующих и видных «отклонений», о котором писали как общенациональные, так и местные газеты, был каннибализм (и трупоедство). По сообщению «New York Times» [12], первые сообщения о каннибализме на официальном уровне появились от представителя Самарской области В. А. Овсеенко. Он же сообщал, что в одном из поселений области – в Ramikovesky – «люди едят свои усопших» [12], и туда необходимо отправить какую-то охрану, так как «хоронить вблизи таких людей опасно» [12], и охраняться тела усопших должны до тех пор, «пока они полностью не разложились» [12]. Стоит добавить, что мы пришли к выводу о том, что «Ramikovesky», скорее всего, является опечаткой в газете, так как поселения с подобным названием – Рамиковеский – не существует и не существовало. Это название может быть отнесено к нескольким разным населенным пунктам в относительной близости от Самары: а) Роцинский, или Черноречье – около Стерлитамака; б) Разинский; в) Рамено; г) Рождествено; д) Рысайкино; е) Рассвет (Ставропольский край); ж) Рязанский (Ставропольский край).

По другим источникам, газеты сообщают, что матери убивали своих детей (чтобы прокормить себя и других детей), а в некоторых семьях «решают, кого съесть первым». В одном из случаев «бабушка съела внучку», а другие говорили о том, что «заманили человека в дом, [убили] и съели» [14]. На перекрестном допросе санитарка из АРА рассказала о том, как в какой-то деревеньке зашла в дом и «обнаружила за столом пятерых, сидящих вокруг кастрюли с вареной человечинной» [Там же]. Выяснилось, что они ели маленькую девочку. В другом случае мужчина убил сначала своего 10-летнего племянника, а потом и отца, после чего съел их [Там же]. Докладывалось, что «голодные русские откапывают мертвых <...>, проникают в больницы и морги за трупами» [15]. Сообщалось о торговле человеческим мясом, а также о подаче его в ресторанах [14]. При этом, писала «New York Times», «чекисты собрали много фотографий [каннибалов]» [14], которые были выставлены в Кремле. Также официальные

доклады Кремля информировали о том, что больше всего каннибализму подвержены женщины; с точки зрения национальной принадлежности каннибализмом, в большинстве случаев, «страдали» татары, чувашаи и киргизы [14].

Следующим в списке стоит факт отказа родителей от детей в голодные годы. Редко когда в семье было меньше одного ребенка, и, естественно, детей нужно было каким-то образом обеспечивать питанием. Сообщалось об отчаянных родителях, которые «подбрасывали» своих детей к детским домам или в пункты нахождения сотрудников АРА («островки безопасности») [19], так как точно знали – в этих местах их дети точно не пропадут [10]. Однако такие случаи – счастливые. В деревнях, где не было прямого доступа к сотрудникам АРА или детским домам, детей (особенно грудных) относили в леса или степи на погибель [12].

Нельзя с уверенностью утверждать, что каннибализм и отказ от детей американские газеты пытались выставить как нестабильное психическое состояние всей страны (по этой причине слово «отклонения» мы используем в кавычках). Однако акцент на этих двух «отклонениях» от нормы делался неспроста. К тому же, со ссылкой на Нансена, газета «Prescott Evening Courier» сообщала, что «[в районе Волги] каннибализм <...> ведет к психическим расстройством» [17]; про голодное время в Армении сообщалось, что «матери, сходящие с ума от вида [их] умирающих детей, бросают их в надежде на американских работников» [18]. Американскому читателю в очередной раз показывали ужасную картину Советской России и указывали на угрозу, исходящую от нее, ее народа и особенно от людей у власти. Так, например, на Гаагской конференции 1922 года о Советском правительстве было сказано следующее: «Не те людоеды, кто ест трупы из-за голода, а те, кто не отдает голодающим излишки» [14]. Это являлось отсылкой к политике военного коммунизма.

После ознакомления с российской действительностью через средства массовой информации у среднестатистического американца мог логично возникнуть следующий вопрос: если со своим населением большевики поступают таким образом, то что они могут сделать с чужим? Очевидно, что-то еще более ужасное. Это закрепляло очертания «красной угрозы» в сознании американцев.

Воздействие на формирование образа России в 1918–1922 гг. в США оказывал и религиозный фактор. Американское общество достаточно сильно зависело от религии, доказательством чему может быть, например, принятие «сухого закона» в 1919 году, в том числе под давлением протестантских организаций. Таким образом, религия рассматривалась средствами массовой информации как еще одна сфера жизни американского общества, с помощью которой можно создать имагологическую связку «свой-чужой». Ради этого СМИ могли отбросить в сторону любые противоречия между разными религиозными направлениями – католицизмом, православием, протестантизмом, лютеранством и т. д., – ведь они все являются интерпретациями христианства. К тому же, образ жертвы и жертвенность в целом являются одними из основополагающих черт христианства, что, естественно, играло на руку при создании образа жертвы России в представлении американцев.

Первое, на что стоит указать в прессе того периода, – сообщения об изъятии большевиками церковного имущества в пользу решения различных насущных проблем (в том числе и для помощи людям в условиях голода) и о негодовании по этому поводу Синода и Патриарха Московского и всея Руси Тихона, который обращался с призывами о помощи к американским и английским церквям [4].

Во-вторых, газеты сообщали, что «церковь не теряет актуальности» [3], что якобы являлось катастрофой для большевиков и «предвещает [их] ослабление, так как они – атеисты» [3]. В то время когда советское правительство предлагает изымать церковное имущество и приступает к действиям, из голодных регионов массово уходят люди в связи «со страхом голода и <...> страхом божьего воздаяния Святой Руси за грехи и неверу в бога нынешних правителей» [4].

В-третьих, стоит обратить внимание на публикацию «New York Times» статьи от 1 сентября 1921 года, в которой описывается непростая жизнь одной женщины из села Мордовская Борковка (к сожалению, ее имя в статье указано не было). На вопрос о местонахождении ее мужа она ответила следующее: «Умер три недели назад... Он сильно похудел, затем началась рвота. Доктор запретил к нему прикасаться. <...> [Когда он умер,] Я его омыла, и мы – я и дети – похоронили его. <...> Мы скоро последуем за ним» [9]. Из статьи видно, что средства массовой информации хотели указать на факт того, что семья погибшего была вынуждена сама и ухаживать за ним после смерти, и хоронить его. Это действительно могло вызвать жа-

лость у американского читателя, ведь уже в первой половине XX века в Соединенных Штатах Америки начинает укреплять свои позиции и процветать похоронная индустрия, которая сводила «общение» семьи с покойником до минимума. Это рассматривалось и пропагандировалось как некий прогресс в данной сфере, тесно связанной с религией.

Итак, после анализа и интерпретирования материалов американских средств массовой информации 1918–1922 гг. в качестве исторических источников мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, основной массив информации о России в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений можно разделить на три основных образа – демонический, жертвенный и нейтральный. Они, в свою очередь, поддерживали и балансировали на себе зарождающуюся концепцию «красной угрозы».

Во-вторых, все три образа формировались постепенно, начиная с 1918 года и раньше.

В-третьих, больше внимания пресса уделяла демоническому и жертвенному образам, так как они базировались на событиях в России, связанных с разрушением прежнего устройства страны, Гражданской войной и голодом в 1921–1922 гг. Нейтральный образ имеет лишь «сопровождающий» характер, который никак прямо не влиял на укоренение концепции «красной угрозы» в умах американских читателей.

В-четвертых, пик активности всех трех образов Советской России, большевиков и русский народ приходится на 1921–1922 гг. С одной стороны, в это время Советское государство потряс голод, который сильнее всего сказался на Поволжье и южных частях государства. С другой, в этот же промежуток времени проводится Вашингтонская конференция, целью которой было морское разоружение и решение Дальневосточных проблем, но в которой Советское государство не принимало участия, и экономическая конференция в Генуе, которую советские представители все же посетили. При этом стоит отметить, что демонический образ в основном формируется и ангажируется в 1921 году, тогда как жертвенный и нейтральный образы преобладают в публикациях 1922 года.

Список литературы

1. The New York Times. June 25, 1921. P. 1.
2. The New York Times. July 10, 1921. P. 3.
3. The New York Times. July 17, 1921. P. 1.
4. The New York Times. July 20, 1921. P. 2.
5. The New York Times. July 21, 1921. P. 2.
6. The New York Times. August 2, 1921. P. 1.
7. The New York Times. August 16, 1921. P. 2.
8. The New York Times. August 27, 1921. P. 2.
9. The New York Times. September 1, 1921. Pp. 2–3.
10. The New York Times. October 5, 1921. P. 7.
11. The New York Times. November 12, 1921. P. 6.
12. The New York Times. December 29, 1921. P. 1.
13. The New York Times. April 26, 1922. P. 2.
14. The New York Times. May 29, 1922. P. 2.
15. The New York Times. June 9, 1922. P. 1.
16. Prescott Evening Courier. February 16, 1922. P. 2.
17. Prescott Evening Courier. February 20, 1922. P. 1.
18. Prescott Evening Courier. April 7, 1922. P. 1.
19. The Telegraph-Herald. July 31, 1921. P. 1.
20. The Telegraph-Herald. August 13, 1921. P. 1.
21. The Telegraph-Herald. October 3, 1921. P. 4.
22. The Telegraph-Herald. December 23, 1921. P. 2.
23. The Telegraph-Herald. January 22, 1922. P. 2.
24. The Telegraph-Herald. March 23, 1922. P. 1.
25. The Telegraph-Herald. July 22, 1922. P. 1.

Soviet Russia as a victim: shaping images in the US periodical press

Ya. A. Levin¹, K. V. Belyaeva²

¹PhD of Historical Sciences, junior researcher at the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Social and Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru

²master student of the Department of general history, Samara State Social and Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: katiagrayson@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of forming the image of Soviet Russia in the American press. The article analyzes several main images used by journalists of that time to build certain ideas about Russia in the minds of American readers. A milestone moment in the formation of ideas about Russia was the peak of the famine, when, along with the already formed images, a new image began to be actively built – the image of the victim. It is studied on what material the new image develops and is fixed. For example, the difficult situation in Soviet Russia in the American press covertly shows the advantages of the American way of life and political system, however, more telling about the US aid to a distant country, reports that in this period strengthened the positive view of Americans about themselves, that is assigned the role of Russia as a constitutive "Other". At the same time, the idea that has become traditional for the United States, connected with the separation of state and citizens, is developing. The Soviet state does not contribute to the positive attitude of the American press, and in many ways it is to blame for the situation of famine. However, Soviet citizens are presented as innocent victims of the circumstances, so when describing cases of atrocities and cannibalism dictated by famine, the press also notes the valor of the Soviet people in the face of a difficult situation. This creates an extremely ambivalent image of Soviet Russia and its citizens. For the Americans, this is a semi-savage society, populated nevertheless mainly by decent people who have become hostages of the policy of a criminal state.

Keywords: US press, public opinion, Russian civil war, famine, ARA.

References

1. The New York Times. June 25, 1921. P. 1.
2. The New York Times. July 10, 1921. P. 3.
3. The New York Times. July 17, 1921. P. 1.
4. The New York Times. July 20, 1921. P. 2.
5. The New York Times. July 21, 1921. P. 2.
6. The New York Times. August 2, 1921. P. 1.
7. The New York Times. August 16, 1921. P. 2.
8. The New York Times. August 27, 1921. P. 2.
9. The New York Times. September 1, 1921. Pp. 2–3.
10. The New York Times. October 5, 1921. P. 7.
11. The New York Times. November 12, 1921. P. 6.
12. The New York Times. December 29, 1921. P. 1.
13. The New York Times. April 26, 1922. P. 2.
14. The New York Times. May 29, 1922. P. 2.
15. The New York Times. June 9, 1922. P. 1.
16. Prescott Evening Courier. February 16, 1922. P. 2.
17. Prescott Evening Courier. February 20, 1922. P. 1.
18. Prescott Evening Courier. April 7, 1922. P. 1.
19. The Telegraph-Herald. July 31, 1921. P. 1.
20. The Telegraph-Herald. August 13, 1921. P. 1.
21. The Telegraph-Herald. October 3, 1921. P. 4.
22. The Telegraph-Herald. December 23, 1921. P. 2.
23. The Telegraph-Herald. January 22, 1922. P. 2.
24. The Telegraph-Herald. March 23, 1922. P. 1.
25. The Telegraph-Herald. July 22, 1922. P. 1.

Журнал *Foreign Affairs* и образ Китая 1927–1932 гг.: некоторые проблемы изучения*

А. О. Буранок¹, Д. А. Нестеров²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии,
Самарский государственный социально-педагогический университет.

Россия, г. Самара. E-mail: buranok@yandex.ru

²ассистент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения,
Самарский государственный социально-педагогический университет.

Россия, г. Самара. E-mail: dmitriynesterov1994@gmail.com

Аннотация. На основе изучения аналитических материалов одного из самых влиятельных американских политологических журналов *Foreign Affairs* в статье представлен анализ того, как американские эксперты воспринимали события гражданской войны в Китае в 1927–1932 гг. Отмечается, что данные материалы позволяют оценить отношение представителей элит к событиям гражданской войны и их видение дальнейшего развития региона. Актуальность данного исследования объясняется тем обстоятельством, что российская и зарубежная историографии создали весьма обширный комплекс трудов по смежным проблемам, но целенаправленный анализ публикаций журнала *Foreign Affairs* ранее не проводился. Однако именно они позволяют выявить эволюцию взглядов американских экспертов и представителей элит на события, происходивших в Китае. Результаты проведенного исследования показывают, что проблема китайского кризиса являлась одним из компонентов комплексной проблемы планирования послевоенного переустройства мира. Авторы журнала *Foreign Affairs* стремились оценить, как исход гражданской войны в Китае затронет Соединенные Штаты (преимущественно в экономической сфере). Одной из основных тем статей журнала была проблема влияния Советского Союза на события в Китае. Если часть авторов утверждала, что действия СССР являются логичным продолжением политики Российской империи, то другие проявили более сдержанную позицию. Они утверждали, что коммунизм в Китае возник не в результате деятельности Третьего Интернационала, а благодаря китайским студентам, вернувшимся из СССР. Выводы содержат обозначение основных тем публикаций журнала *Foreign Affairs*, представление американских экспертов о событиях в Китае, их влиянии на Соединенные Штаты и возможные варианты геополитических изменений на Дальнем Востоке. Таким образом, область применения результатов обозначается сферами американистики, синологии, международных отношений и имагологии.

Ключевые слова: *Foreign Affairs*, гражданская война в Китае, пресса США, имагология.

Журнал *Foreign Affairs* с момента его основания в 1922 году является самым авторитетным периодическим изданием внешнеполитической тематики [1, с. 110]. Как справедливо отмечают В. Т. Юнгблюд и О. В. Рычкова, к началу Второй мировой войны журнал получил особую популярность среди представителей интересующейся международными отношениями элиты. Данное обстоятельство объясняется высокой активностью его учредителя – Совета по международным отношениям, руководство которого поставило на постоянную основу контакты своих членов с представителями госдепартамента [2, с. 88].

В изучении формирования образа Китая 1931–1949 гг. в историографии США можно выделить несколько тематических направлений. *Первое направление* – это исследование американских оценок Китая в общих трудах по истории международных отношений перед и во время Второй Мировой войны [9–11; 15; 16]. Исследователи У. Лангер и С. Гилсон отводили образу Китая второстепенную роль, указывая, что серьезные изменения произошли в общественном мнении СССР в период 1931–1937 гг., когда окончательно сформировался образ Китая жертвы агрессии. Журнал *Foreign Affairs* занимал в источниковой базе их труда важное место, но специального анализа статьи периода 1927–1932 гг. не получили.

Большая часть американских историков международных отношений и дипломатической предыстории Второй мировой войны представляют в трудах несколько иной взгляд на изменения отношений в США к Китаю: с сентября 1931 г. (Маньчжурский инцидент) – журналисты и редакторы США увидели в Китае союзника против Японии [9–11; 15; 16]. Таким образом, в рам-

как первого направления Китай представлялся историками важным фактором в развитии японо-китайского конфликта на Тихом океане. Однако внутренние проблемы Китая, особенности взаимодействия военно-политических лидеров и местных китайских элит, дискуссии в США о будущем Китая – все это осталось за пределами внимания указанных историков.

Второе направление – это исследования об истории формирования американской помощи сражающемуся Китаю [4; 6; 12; 18; 20; 23; 28]. Однако сам образ Китая в этих работах не был предметом специального исследования. Позиция авторов статей в *Foreign Affairs* не рассматривалась предметно историками данного направления.

Третье направление – исследования об оценке Китая в США в контексте истории колониализма и деколонизации. Китай 1930–1940-х гг. многими участниками «колониальной дискуссии» в США воспринимался объект международных отношений, применительно к которому можно и нужно использовать колониальные практики [3; 8; 13; 14; 19; 23]. В этих работах отмечается, что победа коммунистов в гражданской войне в 1949 г. коренным образом меняет колониальную дискуссию: пресса США в 1949 г. забывает популярные недавно тезисы о самоопределении для народов и «контролируемой деколонизации». В новых условиях, после победы китайской революции, американские политические комментаторы прекращают обсуждение моделей и вариантов деколонизации, указывая, что теперь деколонизация – это неизбежный выбор между демократией и коммунизмом, между Западом и Востоком, между США и СССР.

Четвертое направление – изучение Китая в контексте исследования общественного мнения. Особо здесь стоит выделить работы Патриции Нилс и Кристофера Джесперсена, посвященные образу Китая в первой половине XX в., но обе работы базируются на достаточно узкой источниковой базе – на изучении мнений ведущих политиков и представителей китайского лобби в США. Журнал *Foreign Affairs* и его публикации рассматривались как дискуссионная площадка как для представителей «китайского лобби», так и для противников слишком глубокого вовлечения США в китайские дела. Однако в рамках данного направления большее внимание историками было сосредоточено на период 1937–1949 гг., тогда как период 1927–1932 гг. не получил столь тщательного анализа.

Видно, что исследований, посвященных анализу процесса эволюции образа Китая в США в период кризиса 1927–1932 гг., мало. Однако как российская, так и зарубежная историография создали весьма обширный комплекс трудов по смежным проблемам.

В этом отношении совершенно неудивительно, что с момента начала гражданской войны в Китае на страницах журнала *Foreign Affairs* были опубликованы многочисленные аналитические материалы, рассматривающие различные события и явления в непростое для Китая время. Несмотря на то что большая часть публикаций носила описательный характер, объясняя американским читателям предысторию конфликта, разъясняя ход многочисленных событий, авторы статей на основе данного фактического материала предлагали многочисленные рекомендации по проведению внешней политики США в Китае, давали прогнозы возможного развития события. Именно в этом отношении публикации журнала *Foreign Affairs* представляют несомненную историческую ценность, позволяют оценить отношение представителей элит к событиям гражданской войны, а также видение дальнейшего развития региона.

Журнал *Foreign Affairs* всегда выделялся внушительным списком авторов, среди которых, помимо знаменитых политических обозревателей и журналистов-международников, были американские и зарубежные государственные деятели, включая глав государств, дипломатов, руководителей ведомств, экспертов-аналитиков, профессоров ведущих университетов [2, с. 88]. Не стала исключением из этого правила и тема гражданской войны в Китае. Ее события освещали такие знаменитые авторы, как бывший министр иностранных дел Италии Карло Сфорца [25], американский археолог и политик, обессмертивший себя открытием «забытого города инков» Мачу-Пикчу Хайрам Бингем [5], профессор международных отношений Колумбийского университета Натаниэль Пейффер [22], немецкий журналист, специальный корреспондент в Китае Гюнтер Стайн [27], а также один из ведущих китайских мыслителей и философов XX века Ху Ши [26]. Помимо этого, важной характерной чертой подхода редакции журнала *Foreign Affairs* к выбору авторов публикации является использование материалов не только американских и европейских экспертов, но и граждан Китая, которые принимали непосредственное участие в гражданской войне и, по мнению редакции, лучше западных исследователей понимали суть происходящих событий.

Одной из основных тем, освященных на страницах журнала, была степень влияния Советского Союза на гражданскую войну в Китае. Так, Карло Сфорца полагал, что СССР проводит

активную политику в Китае, преследуя при этом две цели – установить коммунистический режим в стране и нанести сокрушительный удар по Англии [25, pp. 67–68]. Также он настаивает на том, что СССР является империалистической державой, что подтверждается оккупацией Монголии и предоставлением ей формальной независимости, а также признанием КВЖД своей собственностью [25, pp. 72–73]. Таким образом, автор приходит к выводу, что действия Советского Союза на Дальнем Востоке являются логичным продолжением политики Российской империи.

Однако последующие эксперты более взвешенно оценивали степень влияния СССР. Так, К. К. Ву отметил, что отношения Китайской республики с СССР сложные, так как национальное правительство выступает против вмешательства Москвы в их внутренние дела [28, p. 669]. Помимо этого, в 1931 году была опубликована анонимная статья «Коммунизм в Китае». В ней автор под псевдонимом Пи утверждал, что китайский коммунизм возник не в результате деятельности Третьего Интернационала, а благодаря китайским студентам, вернувшимся из СССР. Таким образом, деятельность первых коммунистов в Китае была сосредоточена на пропагандистской работе со студентами и рабочими. Одновременно с ними вел активную деятельность Сунь Ятсен [21, p. 310]. Далее автор подробно разобрал советскую помощь Китаю, в особенности деятельность Михаила Бородина, которая, по мнению эксперта, оказала наибольшее влияние на весь Дальний Восток в XX веке [21, p. 311].

Несмотря на успехи 1926–1927 годов, китайское общественное мнение отклонилось от коммунизма [21, p. 312]. Интенсивность коммунистической пропаганды снизилась, а партия ушла в подполье. Однако она провела успешную работу с китайским пролетариатом. Это способствовало успеху восстания в Кантоне в 1927 году. Начался второй всплеск коммунистической волны. Красной армии, благодаря сочетанию китайских и советских военных традиций, удалось оккупировать значительные по площади территории. В итоге, резюмирует американский эксперт, коммунизм прочно укоренился в Китае и он мало стал зависеть от советской помощи, поскольку в большей степени разделял идеи национализма, а не мировой революции [21, pp. 312–315].

Таким образом, необходимо отметить, что проблема китайского кризиса является одним из компонентов комплексной проблемы планирования послевоенного переустройства мира. Авторы журнала *Foreign Affairs* в 1927–1932 гг. интересовались прежде всего изменениями баланса сил на Дальнем Востоке, пытались оценить возможные варианты исхода конфликта и как они затронут сами США (преимущественно в экономической сфере).

Список литературы

1. Кузнецов Д. В. Взаимодействие внешней политики и общественного мнения в США: некоторые актуальные вопросы. Москва : КомКнига, 2010. 494 с.
2. Юнгблюд В. Т., Рычкова О. В. *Foreign Affairs*: освещение войны на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 4. С. 88–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foreign-affairs-osveschenie-voyny-na-sovetsko-germanskom-fronte-v-1941-1945-gg>.
3. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. L.; N. Y. : Routledge, 2010. 296 p.
4. Barnhart M. *Japan Prepares for Total War: The Search for Economic Security, 1919–1941*. Ithaca : Cornell University Press, 1987. 292 p.
5. Bingham H. *New China's Political Bible* // *Foreign Aff.* 1927. Vol. 6. № 2. Pp. 203–216. DOI: 10.2307/20028600.
6. *China's Bitter Victory: The War with Japan, 1937–1945*. New York, 1992. 349 p.
7. Cole W. *Roosevelt and Isolationists: 1932–1945*. Lincoln, 1983. 698 p.
8. Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley, Los Angeles, London, 2005. 340 p.
9. Dallek R. Fr. D. *Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945*. New York, 1979. 690 p.
10. Fies H. *Churchill, Roosevelt, Stalin*. Princeton, 1957. 692 p.
11. Fies H. *The Road to Pearl Harbor*. Princeton, 1950. 370 p.
12. *Going to War with Japan, 1937–1941*. Knoxville : University of Tennessee Press, 1985. 298 p.
13. Gouda F. *The Gendered Rhetoric of Colonialism and Anti-Colonialism in Twentieth-Century Indonesia* // *Indonesia*. 1993. № 55. Pp. 1–22. DOI: 10.2307/3351084.
14. James-Chakraborty K. *Beyond Postcolonialism: New Directions for The History of Nonwestern Architecture* // *Frontiers of Architectural Research*. 2014. № 3. Pp. 1–9.
15. Jonas M. *Isolationism in America 1935–1941*. New York, 1966. 315 p.
16. Kinsella W. *Leadership in Isolation: F. D. Roosevelt and Origins of the Second World War*. Cambridge, 1978. 282 p.

17. *Langer W., Gleason S.* The Undeclared War 1940–1941. New York, 1953. 344 p.
18. *Liu X.* A Partner for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 343 p.
19. *MacFarlane S.* Superpower Rivalry and Third World Radicalism: The Idea of National Liberation. Baltimore, 1985. 236 p.
20. *Newman R. P.* Owen Lattimore and the “Loss” of China. Berkeley : University of California Press, 1992. 685 p.
21. P. Communism in China // *Foreign Affairs*. 1931. Vol. 9. № 2. Pp. 310–316. DOI: 10.2307/20030351.
22. *Peffer N.* Would Japan Shut the Open Door in China? // *Foreign Affairs*. 1938. Vol. 17. № 1. Pp. 37–50. DOI: 10.2307/20028901.
23. Postcolonialism: Critical concepts in literary and cultural studies / ed. by D. Brydon. L. ; N. Y., 2000. Vol. 1–5.
24. *Schaller M.* The U. S. Crusade in China, 1938–1945. New York : Columbia University Press, 1979. 364 p.
25. *Sforza C.* Imperialistic Russia in China // *Foreign Affairs*. 1927. Vol. 6. № 1. Pp. 67–74. DOI: 10.2307/20028585.
26. *Shih H.* China in Stalin's Grand Strategy // *Foreign Affairs*. 1950. Vol. 29. № 1. Pp. 11–40. DOI: 10.2307/20030812.
27. *Stein G.* The Other China // *Foreign Affairs*. 1945. Vol. 24. № 1. Pp. 62–74. DOI: 10.2307/20029945.
28. *Wu C. C.* Foreign Relations of the Chinese Nationalist Government // *Foreign Aff.* 1927. Vol. 6. № 4. Pp. 668–670. DOI: 10.2307/20028650.
29. *Young A. N.* China and the Helping Hand, 1937–1945. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1963. 502 p.

Foreign Affairs journal and the image of China 1927–1932: some problems of studying

A. O. Buranok¹, D. A. Nesterov²

¹PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of national history and archeology, Samara State Socio-pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: buranok@yandex.ru

²assistant of the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Socio-pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: dmitriynesterov1994@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of analytical materials of one of the most influential American political science journal *Foreign Affairs*, the article presents an analysis of how American experts perceived the events of the civil war in China in 1927–1932. It is noted that these materials allow us to assess the attitude of representatives of the elites to the events of the civil war and their vision of further development of the region. The relevance of this research is explained by the fact that Russian and foreign historiographies have created a very extensive set of works on related issues, but a purposeful analysis of the publications of the journal *Foreign Affairs* has not been carried out before. However, they allow us to reveal the evolution of views of American experts and elites on the events that took place in China. The results of the study show that the problem of the Chinese crisis was one of the components of the complex problem of planning the post-war reconstruction of the world. The authors of *Foreign Affairs* magazine sought to assess how the outcome of the Chinese civil war will affect the United States (mainly in the economic sphere). One of the main topics of the magazine's articles was the problem of the Soviet Union's influence on events in China. While some authors argued that the actions of the USSR were a logical continuation of the policy of the Russian Empire, others showed a more restrained position. They argued that communism in China did not arise as a result of the activities of the Third international, but thanks to Chinese students who returned from the USSR. The conclusions contain a description of the main topics of *Foreign Affairs* journal publications, a presentation by American experts about events in China, their impact on the United States, and possible options for geopolitical changes in the Far East. Thus, the scope of the results is indicated by the fields of American studies, Sinology, international relations, and imagology.

Keywords: Foreign Affairs, Chinese civil war, US press, imagology.

References

1. *Kuznecov D. V.* *Vzaimodejstvie vneshnej politiki i obshchestvennogo mneniya v SShA: nekotorye aktual'nye voprosy* [Interaction of foreign policy and public opinion in the United States: some topical issues]. M. Komkniga. 2010. 494 p.
2. *Yungblud V. T., Rychkova O. V.* *Foreign Affairs: osveshchenie vojny na sovetsko-germanskom fronte v 1941–1945 gg.* [Foreign Affairs: coverage of the war on the Soviet-German front in 1941–1945] // *Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik* – Yaroslavl pedagogical herald. 2012. Vol. 1. No. 4. Pp. 88–93. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/foreign-affairs-osveshchenie-voyny-na-sovetsko-germanskom-fronte-v-1941-1945-gg>.

3. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. L. ; N. Y. : Routledge, 2010. 296 p.
4. Barnhart M. Japan Prepares for Total War: The Search for Economic Security, 1919-1941. Ithaca : Cornell University Press, 1987. 292 p.
5. Bingham H. New China's Political Bible // Foreign Aff. 1927. Vol. 6. No. 2. Pp. 203-216. DOI: 10.2307/20028600.
6. China's Bitter Victory: The War with Japan, 1937-1945. New York, 1992. 349 p.
7. Cole W. Roosevelt and Isolationists: 1932-1945. Lincoln, 1983. 698 p.
8. Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley, Los Angeles, London, 2005. 340 p.
9. Dallek R. Fr. D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932-1945. New York, 1979. 690 p.
10. Fies H. Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, 1957. 692 p.
11. Fies H. The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1950. 370 p.
12. Going to War with Japan, 1937-1941. Knoxville : University of Tennessee Press, 1985. 298 p.
13. Gouda F. The Gendered Rhetoric of Colonialism and Anti-Colonialism in Twentieth-Century Indonesia // Indonesia. 1993. No. 55. Pp. 1-22. DOI: 10.2307/3351084.
14. James-Chakraborty K. Beyond Postcolonialism: New Directions for The History of Nonwestern Architecture // Frontiers of Architectural Research. 2014. No. 3. Pp. 1-9.
15. Jonas M. Isolationism in America 1935-1941. New York, 1966. 315 p.
16. Kinsella W. Leadership in Isolation: F. D. Roosevelt and Origins of the Second World War. Cambridge, 1978. 282 p.
17. Langer W., Gleason S. The Undeclared War 1940-1941. New York, 1953. 344 p.
18. Liu X. A Partner for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941-1945. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 343 p.
19. MacFarlane S. Superpower Rivalry and Third World Radicalism: The Idea of National Liberation. Baltimore, 1985. 236 p.
20. Newman R. P. Owen Lattimore and the "Loss" of China. Berkeley : University of California Press, 1992. 685 p.
21. P. Communism in China // Foreign Affairs. 1931. Vol. 9. No. 2. Pp. 310-316. DOI: 10.2307/20030351.
22. Peffer N. Would Japan Shut the Open Door in China? // Foreign Affairs. 1938. Vol. 17. No. 1. Pp. 37-50. DOI: 10.2307/20028901.
23. Postcolonialism: Critical concepts in literary and cultural studies / ed. by D. Brydon. L. ; N. Y., 2000. Vol. 1-5.
24. Schaller M. The U. S. Crusade in China, 1938-1945. New York : Columbia University Press, 1979. 364 p.
25. Sforza C. Imperialistic Russia in China // Foreign Affairs. 1927. Vol. 6. No. 1. Pp. 67-74. DOI: 10.2307/20028585.
26. Shih H. China in Stalin's Grand Strategy // Foreign Affairs. 1950. Vol. 29. No. 1. Pp. 11-40. DOI: 10.2307/20030812.
27. Stein G. The Other China // Foreign affairs. 1945. Vol. 24. No. 1. Pp. 62-74. DOI: 10.2307/20029945.
28. Wu C. C. Foreign Relations of the Chinese Nationalist Government // Foreign Aff. 1927. Vol. 6. No. 4. Pp. 668-670. DOI: 10.2307/20028650.
29. Young A. N. China and the Helping Hand, 1937-1945. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1963. 502 p.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(73)"1945/1990":94(567)"1945/1990"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.022

Историография политики США по курдскому вопросу в Ираке в 1945–1990 гг.

А. И. Сенников

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отечественной и зарубежной историографии политики США по курдскому вопросу в Ираке в 1945–1990 гг. В настоящее время существует более сотни исторических трудов, посвященных курдской проблеме во всем многообразии ее проявлений. Одной из интересных тем истории курдского национально-освободительного движения является изучение международного аспекта курдского вопроса, его интернационализация под влиянием политики ведущих мировых держав, в первую очередь США. Обобщение наработанного многонациональным историческим сообществом материала по американской политике является актуальным для выделения платформы будущих исследований в данном направлении. В работе отражена поэтапная эволюция курдоведческих исследований с 1960-х годов до настоящего времени, особенности советской, российской и зарубежных (американской, британской, немецкой, арабской, иранской, израильской и курдской) исторических школ. Выделены и рассмотрены ключевые работы, прямо или косвенно рассматривавшие американскую вовлеченность в сотрудничество с иракскими курдами или противостояние им во второй половине XX в. Представлен обобщенный анализ тем и подходов российских, американских, британских, немецких, израильских, арабских, иранских и курдских авторов по международному контексту курдского национального движения в Ираке, отмечены достижения в проработке источников и научная новизна. Исследование призвано продемонстрировать глубину историографии международного аспекта курдского вопроса, в частности, американской политики в его отношении, и обобщить наработанный исторический опыт, выделить возможности будущего изучения данной темы.

Ключевые слова: историография, внешняя политика США, курдский вопрос, Иракский Курдистан, Мустафа Барзани.

Движение курдов за свои права в Ираке и сопредельных ему странах уже несколько десятилетий является важным фактором международных отношений на Ближнем Востоке (а потенциально и далеко за его пределами) ввиду вовлеченности в дела этого региона ведущих мировых держав и объединений – США, Европейского Союза, России. Обострение курдского вопроса на современном этапе актуализирует изучение истории американо-курдских отношений во второй половине XX века. Целью настоящей статьи является рассмотрение историографии политики США в отношении курдов Ирака в 1945–1990 гг.

Отечественная историография курдского вопроса, которую можно условно¹ разделить на советскую и российскую, весьма обширна и тематически разнообразна. Как отмечает Т. А. Ахмедов, «советская школа курдоведения в XX веке считалась сильнейшей в мире» [1, с. 4]. О. И. Жигалина в этой связи справедливо отметила, что «ее основные усилия были направлены в основном на исследование этнографии и культуры курдов, а не их истории» [7, с. 7].

Политическая история курдского народа в рамках Иракского государства рассматривалась советскими историками преимущественно через призму добрососедских отношений СССР и Ирака, считавшегося идеологически близким Москве. Противоречия между курдами и иракским правительством преподносились как следствие реакционности или, наоборот, радикализма отдельных политических фигур с обеих сторон в силу своей классовой или политической ограниченности, неспособных прийти к компромиссу. Международный контекст

© Сенников А. И., 2020

¹ Условно, потому что большинство авторов, разработывавших курдскую проблематику в советский период, продолжили заниматься ей и после 1991 г. уже в российских и постсоветских реалиях.

внутрииракского политического конфликта освещался мало и чаще всего фокусировался на попытках Советского Союза выступить посредником в урегулировании противоречий. Роль капиталистических стран детально не рассматривалась и в большинстве случаев кратко характеризовалась как «происки англо-американского империализма». Преимущественно в таком ключе выдержаны работы, анализировавшие курдский вопрос в Ираке во второй половине XX в. Н. А. Халфина, Ш. Х. Мгои и М. А. Гасратяна [5; 13; 14; 22].

Отдельно стоит выделить вклад в изучение политической истории курдов в советский период О. В. Жигалиной, ученицы М. А. Гасратяна и М. С. Лазарева (о нем речь пойдет ниже). Она была первым советским исследователем, кому довелось поработать с документами ЦРУ, обнародованными иранским теократическим режимом в 1979 г. после захвата американского посольства в Тегеране. Отдельные выдержки из документов, в том числе проливавших свет на американо-курдские связи в 1970-е гг., были изданы в Специальном бюллетене Института востоковедения АН СССР в 1980 и 1990 гг. [19; 20]. В 1988 г. вышла в свет ее монография, посвященная курдскому движению в Иране в 1918–1947 гг. [6]. Эта работа важна тем, что в ней впервые в отечественной науке был дан анализ «иранского кризиса» 1946–1947 гг. с позиций курдского национального движения. Среди ключевых фигур Мехабадской республики – первого независимого курдского государства – оказался вождь национального движения иракских курдов, предводитель множества антимонархических и антибританских восстаний в Иракском Курдистане Мустафа Барзани [6, с. 128]. Вслед за Мгои и Гасратяном Жигалиной был условно обозначен фактор зарубежного влияния на «иранский кризис» [6, с. 120].

Оценивая советскую историографию курдского вопроса, можно согласиться с мнением современного историка-востоковеда К. В. Вертяева, отметившего, что хотя «работы [советских курдоведов. – Авт.] носили определенный идеологический оттенок, они не потеряли своей актуальности и сегодня» [2, с. 13]. С распадом СССР исторические исследования по курдской проблематике стали более разнообразными в плане выбора тем и методологических подходов. Стал активнее разрабатываться материал по международным аспектам курдской проблемы [2, с. 14]. Важной особенностью современной отечественной историографии курдского вопроса, в том числе и в части изучения американо-курдских отношений, стало акцентирование внимания на событиях после окончания войны в Персидском заливе 1991 г. [9; 10; 11]. История 1945–1990 гг. затрагивалась лишь поверхностно.

Еще в советский период вопросы международного вмешательства в курдскую проблему применительно к концу XIX – первой четверти XX вв. изучал М. С. Лазарев. Кульминацией его научных изысканий стала монография 2005 г. «Курдистан и курдский вопрос (1923–1945)» [12]. В ней в научный оборот были введены новые источники арабского, американского, британского и курдского происхождения, продемонстрирована важность влияния развитых капиталистических держав на выстраивание политического процесса в межвоенные годы, накануне и в годы Второй мировой войны и первый послевоенный год. Отмечалось пренебрежение западных стран к интересам курдов. Работа Лазарева стала первым исследованием международного влияния на курдский вопрос и заложила фундамент для последующих трудов по этой проблеме, в том числе посвященных второй половине XX века.

В 2006 г. вышло автобиографичное исследование бывшего директора Института востоковедения АН СССР, дипломата, международника и историка-востоковеда Е. М. Примакова «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» [16]. Примаков был очевидцем и участником многих важных событий ближневосточного политического процесса на протяжении второй половины XX в. Он лично встречался с ключевыми фигурами курдского национального движения (М. Барзани и его сыновьями) и баасистского режима (С. Хусейном, Т. Азизом и др.) в Ираке. Борьбе курдов в Иракском Курдистане за национальные права в 1960–1970-х гг. посвящена отдельная глава, в которой делается акцент на советских интересах в этом регионе и попытках СССР повлиять на ход внутрииракского переговорного процесса. В то же время даются содержательные характеристики направленности американского влияния как на Багдад [16, с. 59, 315], так и на курдов [16, с. 334].

В 2013 г. вышла монография О. И. Жигалиной, посвященная жизни легендарного курдского вождя Муллы Мустафы Барзани [8], в которой освещены основные вехи его жизни: становление лидером национально-освободительного движения курдов в Ираке, Мехабадский период, жизнь в СССР после крушения Курдской Республики, возвращение в Ирак в 1958 г. и последующая борьба за автономию иракских курдов в 1961–1975 гг. Опираясь на круг доступных источников (в основном публицистического и мемуарного характера), Жигалина

указала на попытки Барзани войти в контакт с американцами для получения поддержки против «просоветского» Багдада [8, с. 119, 148, 150, 155, 204], обозначила согласие Вашингтона оказать финансовую и материальную поддержку движению Барзани при Никсоне [8, с. 208, 214–215]. Подробно был рассмотрен последний период жизни курдского лидера после поражения восстания в 1975 г., когда Мустафа Барзани и его сыновья пребывали в изгнании в США и пытались организовать новое антибаасистское политическое движение, не нашедшее поддержки у администрации Форда [8, с. 224]. Жигалина ввела в научный оборот два письма Мустафы Барзани, адресованные президенту США Дж. Картеру и призывавшие оказать поддержку курдскому народу в его борьбе за автономию [8, с. 227, 229].

Хотя в исследовании О. В. Жигалиной имеется ряд фактологических (например, американский журналист Дана Адамс Шмидт представлен в женском роде [8, с. 119, 149, 150]) и исторических неточностей, которые можно объяснить отсутствием на момент написания в открытом доступе американских источников по проблеме, оно на сегодняшний день является наиболее значимой научной работой отечественной историографии по курдскому вопросу, в которой значительное внимание уделено политике США в отношении иракских курдов.

Отдельным аспектам политики США в отношении курдов были посвящены статьи российских авторов. В частности, предпосылки кратковременной поддержки США иракских курдов в первой половине 1970-х гг. были частично раскрыты в статье С. Минасяна, посвященной израильско-курдским отношениям во второй половине XX в. Израиль, как показывает Минасян, лоббировал курдские интересы в руководстве США, начиная со второй половины 1960-х гг., и выполнял роль посредника в доставке грузов американской помощи при администрации Никсона [15]. А. М. Уразов в статье, анализирующей политику США в отношении Ирака в 1958–1960 гг., отметил важность курдского вопроса для восприятия Багдада американским руководством и проработки иракской политики Вашингтона [21].

Американская политика по курдскому вопросу в Ираке в 1945–1947 гг. была освещена в главе, посвященной взаимоотношениям США и СССР на Ближнем и Среднем Востоке в 1944–1947 гг., коллективной монографии 2014 г. «Встречными курсами» [4, с. 405–407]. Авторы главы Т. А. Воробьева и В. Т. Юнгблюд обозначили важность региона с логистической (подступы к Ирану) и ресурсной (нефтеносные районы) точек зрения, желание Вашингтона и Лондона обеспечить совместный контроль над Иракским Курдистаном, подавить курдское национальное движение, угрожавшее прозападному (в большей степени пробританскому на тот момент) монархическому режиму в Ираке. Разгром сил Барзани иракской армией при участии британцев в 1945 г. привел к тому, что мятежным иракским курдам пришлось бежать в Иран, где они влились в движение иранских курдов за независимость и стали участниками «иранского кризиса» [4, с. 406; 23].

В вышедшей в 2015 г. монографии В. П. Румянцева, посвященной политике администрации Дж. Кеннеди на Ближнем Востоке [17], в разделе об американо-иракских отношениях красной нитью проходит курдский вопрос. Автор исследовал процесс изменения позиции Вашингтона в отношении иракских курдов от доброжелательного нейтралитета при режиме Касема (1961 – февраль 1963 гг.) [17, с. 320] к поддержке антикурдских мер баасистского правительства (февраль – ноябрь 1963 г.) [17, с. 321–322]. Как отметил Румянцев, у администрации Кеннеди был «расчет на то, что правительству аль-Бакра удастся при американской помощи подавить курдский мятеж» [17, с. 323]. Затрагивался вопрос о гуманитарной катастрофе в Иракском Курдистане летом 1963 г., к которой привели военные акции баасистского режима против гражданского курдского населения. Вина за «геноцид курдов», как его окрестила советская печать, лежала в том числе на плечах администрации Кеннеди, предоставившей Багдаду средства для подавления курдского восстания и никак не осудившей карательные акции [17, с. 318, 323].

В статье 2019 г. Т. А. Воробьева и В. Т. Юнгблюд всесторонне рассмотрели эволюцию американской позиции в отношении Исламской революции в Иране в 1978–1979 гг. [3]. Авторы изучили доклады американской разведки, отражавшие положение курдов, в том числе иракских, на территории послереволюционного Ирана², их потенциал для антиправительственной борьбы.

² После поражения восстания Барзани в 1975 г. около 200 тыс. иракских курдов стали беженцами и переселились в Иран, где находились на попечении шаха М. Р. Пехлеви. После исламской революции 1979 г. часть из них (всего к этому моменту в Иране оставалось около 40 тыс. курдских беженцев) стала сотрудничать с режимом аятоллы Р. Хомейни. См.: [18].

Западная историография политической истории курдского вопроса и международных отношений вокруг него во второй половине XX в. более обширна, чем отечественная. Однако следует отметить, что крупных монографий, непосредственно посвященных политике США в отношении иракских курдов, не так много, тогда как остальные работы касаются этой темы вскользь. Самой ранней из них была статья американского дипломата и разведчика А. Рузвельта, ставшего очевидцем событий «иранского кризиса» 1946–1947 гг. [59]. Будучи представителем официального направления историографической традиции американской исторической науки, Рузвельт рассматривал происходившие в Иранском Курдистане события как пример советского экспансионизма, появление иракских курдов во главе с генералом Барзани объяснял тайными планами Москвы по консолидации курдских сил и созданию независимого просоветского Курдистана [59, pp. 254–255]. С другой стороны, Рузвельт отмечал антисоветскую позицию большей части курдских племенных организаций, их положительное отношение к США и американской модели демократии [59, pp. 254, 263–264]. Несмотря на то что исследование целиком концентрировалось на советском факторе в «иранском кризисе», сама личность автора (на тот момент дипломата на действующей службе, а в скором времени эксперта ЦРУ) делала статью прокламацией официальной позиции США по курдскому вопросу.

Последующие тридцать лет американское курдоведение, так же как и советское, концентрировало внимание на внутривнутриполитических особенностях развития курдского движения, практически не затрагивая международный аспект. Несколько выделялись в этом плане британские исследования, более широко рассматривая международный контекст борьбы курдов за автономию в Ираке, однако отношениям курдов с иностранными державами, помимо СССР, уделялось мало внимания [33; 44; 53; 57].

Важным событием в западной историографии курдского вопроса стал выход в свет в 1981 г. книги Э. Гариба «Курдский вопрос в Ираке» [37]. В ней автор по горячим следам расследовал события восстания иракских курдов 1974–1975 гг., причины и последствия поражения. Гариб смог интервьюировать ключевых участников восстания – Мустафу Барзани (который умер до выхода книги в 1979 г.), его сыновей и ряд их сподвижников [37, с. 88, 108, 134]. В книге впервые в американской историографии был поднят вопрос поддержки США в 1970-х гг. курдского движения в Ираке (журналистские расследования начались еще в 1976 г. после утечки отчета Конгрессу о тайных операциях ЦРУ).

Как указал Гариб, сами курды прямо не указали на вовлеченность США в «курдскую авантюру», однако обвинили Иран в нарушении договоренностей о совместных действиях против Багдада [37, с. 137]. Автор отметил, что Барзани обращался за помощью к американскому руководству, и, благодаря обнародованной информации из-за скандала 1976 г., смог утверждать, что иракские курды ее получили [37, с. 159]. Данная работа носила научно-популярный характер с заметной симпатией к иракским курдам, тем не менее введенные автором в научный оборот источники стали важной частью изучения американской политики по курдскому вопросу в Ираке. Вслед за Гарибом на волне антииракских настроений в США после войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.) вовлеченность Вашингтона в курдскую аферу в первой половине 1970-х гг. отметил Б. Рубин [60, p. 45].

В 1994 г. прервал молчание бывший сотрудник госдепартамента Д. Корн, опубликовавший статью «Последние годы жизни Мустафы Барзани» [46]. Автор рассказал о времени, которое курдский лидер провел в США (1976–1979 гг.), его попытках выйти на связь с администрацией Форда, заручиться поддержкой американского истеблишмента для лоббирования новой помощи антибаасистскому движению, нежелании американского госсекретаря Г. Киссинджера, ответственного за поддержку иракских курдов в 1972–1975 гг., иметь с Барзани каких-либо дел. Статья Корна содержала большой фактический материал «из первых уст», впервые показала (до открытия архивных источников госдепартамента и документов ЦРУ) наличие у курдов связей среди американской политической элиты, а также обосновала основные претензии иракских курдов к администрациям Р. Никсона и Дж. Форда.

Вскоре после публикации Д. Корна увидели свет статьи известного американского курдолога М. Гюнтера (впервые вопрос американской вовлеченности он поднял еще в 1992 г. на волне публицистической критики 1991–1992 гг. американской политики в отношении Ирака в 1970–1980-е гг. [39]) и американо-ливанских историков Л. Мехо и М. Немхе, в которых была проанализирована роль американских спецслужб в спонсировании и подготовке движения Барзани к восстанию против иракского правительства, мотивации курдов на борьбу с баасистским режимом и, в конечном счете, их поражении [40; 50]. Впоследствии Гюнтер

продолжил и расширил свое исследование, выделив пять стадий американской политики в отношении курдов [41; 42], а Мехо и Немхе в 2006 г. издали сборник документов «Курдский вопрос во внешней политике США», охвативший период с 1932 по 1998 гг. и представивший выдержки из серий «Foreign Relations of the United States» (с 1945 по 1966 гг.), «Congressional Records», интервью государственных деятелей и дипломатов и других источников [47].

С опорой на работы Э. Гариба, М. Гюнтера и ряд новых источников, американскую вовлеченность в курдский вопрос в Ираке в 1970-х гг. показали в своих монографиях британский курдолог Э. О'Бэланс и американский востоковед О. Бенгио [26; 27; 52]. Детального анализа американского участия в событиях 1970-х гг. в Иракском Курдистане обе монографии избегали. В труде О'Бэланса был дан обобщенный анализ международной ситуации вокруг иракских курдов от падения монархии в Ираке (1958 г.) до прихода на пост президента США У. Клинтона. Бенгио в свою очередь акцентировала внимание на доброжелательной политике США в отношении Ирака на последнем этапе войны в Персидском заливе (1987–1988 гг.) и до начала Кувейтского кризиса в 1990 г., когда Вашингтон косвенно поддержал режим Саддама Хусейна и химические атаки против курдов. Вслед за М. Гюнтером, Э. О'Бэлансом и О. Бенгио участие США в поддержке курдов в 1970-е гг. рассматривали М. Фарук-Слаглетт, П. Слаглетт, Д. МакДоуэлл, Дж. Кули, М. О'Ши, К. Йылдыз, Д. Литтл [32, pp. 85–87; 36, pp. 159–160; 48; 49; 54, p. 16; 64, p. 23]. О поддержке администрацией Р. Рейгана Багдада в 1987–1988 гг. и отрицании иракской вины за химические атаки на поселения в Иракском Курдистане писали Н. Эль-Сайед Эль-Шазли, М. Бирн и М. Келли [30, p. 56; 34, p. 58; 43]. Турецкий историк Х. Озглу попытался на основе документов ЦРУ разобраться в деятельности Мустафы Барзани в США в 1975–1979 гг. [55].

Нельзя не упомянуть о вышедших в 1999 г. мемуарах Г. Киссинджера «Годы обновления», в которых он отвел отдельную главу рассмотрению участия США в поддержке иракских курдов в 1972–1975 гг. [45]. Киссинджер попытался оправдать вовлеченность США «требованиями холодной войны», необходимостью сдерживать СССР, лишит их возможности маневра на Ближнем Востоке [45, pp. 580–582]. Вину за поражение курдов и отказ от дальнейшей помощи бывший госсекретарь полностью переложил на иранского монарха М. Р. Пехлеви, начавшего и в одностороннем порядке закончившего «курдскую авантюру» [45, pp. 595–596].

Вышедшая в 2007 г. монография «Коварный союз: секретные сделки Израиля, Ирана и США» [56] американского историка иранского происхождения Т. Парси оказала большое влияние на пересмотр подходов к изучению истории ближневосточной политики США во второй половине XX в., дала новый взгляд на стратегический союз США – Иран – Израиль в 1960–1970-х гг. Целью этого негласного альянса было сдерживание арабских государств, контейнирование советского влияния, соблюдение национальных интересов всех трех участников в регионе Персидского залива [56, p. 54]. Одним из инструментов их политики стали иракские курды [56, p. 56].

Автор заострил внимание на роли Ирана в подписании Алжирских соглашений 1975 г. с Ираком, в результате чего Тегераном была прекращена поддержка иракских курдов, в том числе перераспределение американской и израильской помощи. Он обосновывал тезис, что шах М. Р. Пехлеви в этом случае действовал односторонне, не оповестив своих союзников – США и Израиль, чем поставил их политику в регионе под удар [56, pp. 57–58]. Исследователь также дал краткий анализ политике Рейгана в отношении Ирака, отметив склонность Вашингтона не замечать применение Багдадом химического оружия против иракских курдов [56, p. 113]. Парси смог оживить интерес к вопросу вовлеченности США в поддержку иракских курдов.

В скрупулезной монографии американского историка К. Эмери, посвященной американо-иранским отношениям в 1977–1981 гг. [35], была поднята тема предательства шахом американской операции по поддержке курдов, а также отмечена реакция политической элиты и общественности на эти события. Как отметил Эмери, часть американских парламентариев во главе с сенатором-демократом Э. Джексонном обрушились с жесточайшей критикой на действия Ирана [35, p. 32]. Касательно администрации Дж. Картера, Эмери отметил преобладание в американской политике по курдскому вопросу, нежелание оспаривать решение шаха [35, p. 34], а уже после Исламской революции 1979 г. и захвата заложников – заинтересованность части американского правительства в использовании курдского фактора против теократического режима [35, pp. 83, 99, 114, 117, 175–179].

Исследование Парси было развито, углублено и раскрыто с новых позиций в научной работе другого американо-иранского историка Р. Алванди [25]. В своей монографии, сконцен-

трированной на взаимоотношениях треугольника Никсон – Киссинджер – Пехлеви (с августа 1974 г. Форда вместо Никсона), Алванди показал интерес иранского шаха к эксплуатации курдского движения в Ираке для решения своих региональных задач (пересмотру границ и установлению военного доминирования) [25, pp. 46–47, 69], особые отношения, сложившиеся между ним и американским руководством (Никсоном и Киссинджером) [25, pp. 116, 166]. Алванди указал на то, что американо-курдский союз был временным и зависел только от воли шаха Пехлеви. Как только Тегерану удалось разрешить противоречия с Багдадом, шах «бросил» иракских курдов на произвол судьбы, а американцам ничего иного не оставалось, кроме как согласиться с этим [25, pp. 117–119].

В 2010 г. вышло первое крупное исследование в дискурсе западной историографической школы новой политической истории, полностью посвященное американской политике по курдскому вопросу в 1945–2010 гг., за авторством американо-греческой исследовательницы М. Чарунтаки [31]. Автор сделала попытку рассмотреть эволюцию американской политики по курдскому вопросу в годы холодной войны и после ее окончания, вычленив ключевые подходы к проблеме в разных странах, между которыми разделены курды, обозначить причины, по которым до 1991 г. курды не пользовались расположением Вашингтона, а также почему после войны в Персидском заливе только иракские курды оказались в зоне особых интересов американского руководства.

Монография, нацеленная на анализ довольно продолжительного периода американской внешней политики на Ближнем Востоке, дала теоретический и методологический анализ общегосударственных (дипломатических и тайных), общественных и частно-лоббистских подходов США к курдскому вопросу [31, pp. 32–36]. Чарунтаки обозначила в своей работе важность рассмотрения в политике США по курдскому вопросу «крупного» и «локального» планов (то есть отношения к движению в целом и к его конкретным проявлениям внутри стран проживания курдов) [31, p. 54]. Она также поддержала концепцию М. Гюнтера о пяти стадиях американской политики в отношении курдов, однако преобразовала ее, представив американскую политику в более позитивном ключе [31, p. 56].

К сожалению, автор так и не смогла представить целостный анализ событий 1945–1990 гг., лишь поверхностно и обобщенно рассмотрев политику США в отношении курдов. Вовлеченности США в операцию по поддержке движения Барзани в 1972–1975 гг. было уделено мало внимания, политика администраций Картера и Рейгана игнорировалась. Кроме того, отдельные элементы работы Чарунтаки были подвергнуты критике американскими историками: отсутствие глубокой проработки сюжетов, конкретики при попытках построения теоретических концепций о взаимоотношениях государственных и негосударственных субъектов международных отношений, игнорирование отдельных фактов, не вписывающихся в отстаиваемую исследовательницей парадигму эволюции американо-курдских отношений «интерес – контакты – гуманитарная помощь – скрытая поддержка – открытая поддержка» [61]. Курдские историки также отметили многочисленные фактологические ошибки работы [51].

В 2014 г. британский историк Й. Феллер и американский исследователь М. Шариф выпустили обобщающие монографии по политической истории курдов во второй половине XX – начале XXI вв. [62; 63], в которых отразили фактор американского влияния на движение иракских курдов. Как отметил Шариф в своей работе, ему, как и М. Чарунтаки в свое время, так и не удалось проработать весь спектр источников, многие из которых оставались недоступными [62, с. 242].

Наиболее значимой и актуальной на сегодняшний день работой по политике США в отношении иракских курдов, равно как и наиболее научной и глубоко проработанной, является монография американского исследователя Б. Гибсона [38]. Гибсон, используя широкий круг ранее не введенных в историческую науку источников из национального архива США, архива госдепартамента, библиотеки ЦРУ, записей Конгресса, манускриптов библиотеки Конгресса, а также иранских, израильских, турецких и иракских документов, приумножив это анализом большого количества историографических исследований по внешней политике США, истории международных и региональных отношений на Ближнем Востоке и Персидском заливе, смог представить детально проработанную картину взаимодействия Вашингтона с Ираком и иракскими курдами с 1958 по 1975 гг.

В монографии Гибсон дал детальный анализ действий администраций Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, Р. Никсона и Дж. Форда в отношении Иракской республики, показал эволюцию подходов Вашингтона к иракским курдам. Американо-курдские взаимоотношения

прошли долгий путь от недоверия и обвинений в сотрудничестве с Москвой (при Эйзенхауэре), поддержки антикурдских действий первого баасистского режима (при Кеннеди), организации гуманитарной помощи курдам, пострадавшим от компании геноцида баасистов (при Джонсоне), разрыва американо-иракских отношений в 1967 г. и забвения курдского вопроса в Ираке, установления второго баасистского режима в 1968 г., просоветского поворота Багдада в 1970–1972 гг. и возвращения биполярной конфронтации на Ближний Восток, организации в 1972 г. тайной помощи курдскому движению при активном лоббировании и поддержке Ирана и Израиля, направленной против советского влияния в регионе, наконец, к поражению курдского восстания в 1975 г. и «умыванию рук» всеми сторонами.

Б. Гибсон, вслед за Т. Парси и Р. Алванди, обосновывал первостепенную роль иранского шаха в поражении курдов и прекращении их спонсирования США, нежелание американского руководства (Киссинджера) портить американо-иранское стратегическое партнерство при готовности оказать гуманитарную помощь курдским беженцам в Иране в обмен на молчание. Монография Гибсона на текущий момент остается наиболее полным и детальным исследованием политики США в отношении Иракского Курдистана в 1958–1975 гг. в американской историографии.

Выходившие в последнее время научные исследования по проблематике курдского вопроса в Ираке во многом повторяют основополагающие тезисы Б. Гибсона, дополняя и расширяя отдельные исторические сюжеты. Так, фактор израильского участия в снабжении иракских курдов и лоббирования курдских интересов перед американским руководством отразил в своей статье американский исследователь М. Бишку [29].

Коллектив немецких авторов во главе с историком курдского происхождения Ф. И. Сейдаром при рассмотрении международного аспекта истории курдского национального движения в Ираке, отметил обострение ситуации в Персидском заливе накануне арабо-израильской войны 1973 г., нарастание ирано-иракских противоречий и укрепление влияния СССР, что и побудило Вашингтон прибегнуть к тайной поддержке курдов. В то же время ими отмечено то, что Барзани не стал бы возобновлять курдское восстание в 1974 г., если бы не чувствовал за спиной поддержку сверхдержавы [28, р. 30].

В более широкий контекст иранской политики в регионе Персидского залива и амбиций шаха курдскую политику США поместил иранский исследователь А. Рейсинежад [58]. Курдский историк Н. Али в работе «Иракские курды и холодная война» [24] логически продолжил наработки М. Чарунтаки, М. Шарифа, Р. Алванди и Б. Гибсона, дополнив имеющийся историографический материал анализом внутрикурдских дебатов в отношении сотрудничества с США, СССР, Ираном и Израилем, процесс выстраивания доверительных отношений между Барзани и его американскими визави, путем расширения круга источников по проблеме за счет привлечения документов иракских курдов (мемуаров, интервью с участниками событий, докладов, протоколов, постановлений и агитационных материалов политических организаций Иракского Курдистана того периода) [24, pp. 3–5].

Хотя историография курдского вопроса в Ираке представляется обширной, системное изучение политики США в отношении иракских курдов во второй половине XX в. началось лишь в 2010-е гг., а трудов, комплексно раскрывающих эту тему, крайне мало. Это можно объяснить, во-первых, существовавшей долгое время реалистической традицией в историографии международных отношений, рассматривавшей взаимоотношения субъектов на межгосударственном уровне и не учитывавших негосударственные субъекты политики (к таковым относится движение курдов), во-вторых, малой доступностью источников, большинство из которых либо до сих пор закрыты (документы ЦРУ, госдепартамента и других ведомств американского правительства конца 1970–1980-х гг.), либо рассредоточены по разным архивам и странам. Лакуной в изучении американо-курдских отношений остается период второй половины 1970–1980-х гг. Большая часть источников, которые могли бы значительно расширить и углубить научный уровень исследований по этой теме, до сих пор недоступна для изучения как в США (особенно по периоду 1980-х гг.), так и в России.

Список литературы

1. Ахмедов Т. А. Курдский вопрос в Турецкой республике (1990–2005 гг.) : дис. ... к. и. н. : 07.00.03. Томск, 2014. 258 с.
2. Вертяев К. В. Курдоведение в Институте востоковедения РАН. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 4. С. 10–15.

3. Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // История. 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1>.
4. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. 510 с.
5. Гасратян М. А. Курдское движение в новое и новейшее время. М. : Наука, 1987. 303 с.
6. Жигалина О. В. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М. : Наука, 1988. 170 с.
7. Жигалина О. И. Курдоведение в России // Азия и Африка сегодня. 1999. № 9. С. 7–10.
8. Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М. : Институт востоковедения РАН, 2013. 240 с.
9. Иванов С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М. : ИМЭМО РАН, 2011. 86 с.
10. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века / под ред. О. И. Жигалиной. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2006. 342 с.
11. Курдский фактор в региональной геополитике : материалы круглого стола в ИМЭМО РАН, 11.03.2015 / под ред. А. Г. Арбатова. М. : ИМЭМО РАН, 2015. 119 с.
12. Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М. : Восточная литература, 2005. 310 с.
13. Мгои Ш. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М. : Наука, 1991. 324 с.
14. Мгои Ш. Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958–1970). Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1977. 270 с.
15. Минасян С. Израильско-курдские отношения в контексте политических процессов на Ближнем и Среднем Востоке // 21-й век. 2007. № 2 (6). С. 89–92.
16. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М. : Российская газета, 2006. 384 с.
17. Румянцев В. П. «Новый фронт» администрации Дж. Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.). Томск : ИД Томского государственного университета, 2015. 404 с.
18. Сенников А. И. Курдский вопрос в политике администрации Дж. Картера в контексте Иранской революции (1977–1980 гг.) // США & Канада: Экономика – политика – культура. 2019. № 10. С. 78–97.
19. Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. № 5 (212). М. : Наука, 1980. 235 с.
20. Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. № 6 (200). М. : Наука, 1990. 128 с.
21. Уразов А. М. Иракская революция 1958 г. и ближневосточная политика Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 2. С. 90–107.
22. Халфин Н. А. Борьба за Курдистан. М. : Изд-во вост. лит-ры., 1963. 171 с.
23. Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. 414 с.
24. Ali H. The Iraqi Kurds and the Cold War. Regional Politics, 1958–1975. N. Y. : Routledge, 2020. 178 p.
25. Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford : Oxford University Press, 2014. 272 p.
26. Bengio O. Saddam's Word: Political Discourse in Iraq. N. Y. : Oxford University Press, 1998. 266 p.
27. Bengio O. The Iraqi Kurds: The struggle for autonomy in the shadow of the Iran-Iraqi conflict // Immigrants & Minorities. 1990. Vol. 9. Is. 3. Pp. 249–268.
28. Between State and Non-State Politics and Society in Kurdistan-Iraq and Palestine / ed. by G. Gürbey, S. Hofmann, F. I. Seyder. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.
29. Bishku M. Israel and the Kurds: A Pragmatic Relationship in Middle Eastern Politics // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. 2018. Vol. 41. No. 2. Pp. 52–72.
30. Byrne M. Iran-Contra. Reagan's Scandal and the Unchecked Abuse of Presidential Power. Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 2014. 464 p.
31. Charountaki M. The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945. N. Y. : Routledge, 2010. 337 p.
32. Cooley J. An Alliance Against Babylon: The U. S., Israel, and Iraq. London : Pluto Press, 2005. 258 p.
33. Dann U. Iraq under Qasim: A Political History, 1958–1963. London : Praeger, 1969. 405 p.
34. El-Sayed El-Shazly N. The Gulf Tanker War: Iran and Iraq's Maritime Swordplay. London : Macmillan Press LTD, 1998. 403 p.
35. Emery C. US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.
36. Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. London : I. B. Tauris, 2001. 390 p.
37. Ghareeb E. The Kurdish Question in Iraq. N. Y. : Syracuse University Press, 1981. 233 p.
38. Gibson B. Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 257 p.
39. Gunter M. Foreign Influences on the Kurdish Insurgency in Iraq // Conflict Quarterly. 1992. Vol. 12. No. 40. Pp. 7–24.
40. Gunter M. Mulla Mustafa Barzani and the Kurdish rebellion in Iraq: The intelligence factor // The intelligence factor, International Journal of Intelligence and Counter-Intelligence. 1994. Vol. 7. No. 4. Pp. 465–474.

41. *Gunter M.* The five stages of American foreign policy towards the Kurds // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 2. Pp. 93–106.
42. *Gunter M.* United States Foreign Policy toward the Kurds // *Orient*. 1999. Vol. 40. No. 3. Pp. 427–437.
43. *Kelly M.* Ghosts of Halabja: Saddam Hussein and the Kurdish genocide. Westport : Praeger, 2008. 196 p.
44. *Kerr M.* The Arab Cold War: Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970. London : Oxford University Press, 1971. 166 p.
45. *Kissinger H.* Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. 1151 p.
46. *Korn D.* The Last Years of Mustafa Barzani // *Middle East Quarterly*. 1994. Vol. 1. No. 2. Pp. 12–27.
47. *Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook* / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn. : Praeger, 2004. 698 p.
48. *Little D.* The United States and the Kurds: A Cold War Story // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12. No. 4. Pp. 63–98.
49. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. 515 p.
50. *Meho L., Nehme M.* Pawns in a Deadly Game: Iraqi Kurds and the United States, 1972–1975 // *International Studies*. 1995. Vol. 32. Is. 1. Pp. 50–54.
51. *Mustafa I.* Fatal mistakes in Marianna Charountaki's PhD thesis / translated by J. Kurdy // *E Kurd Daily*, 10.12.2011. URL: <https://ekurd.net/mismas/articles/misc2011/12/state5669.htm>.
52. *O'Ballance E.* The Kurdish Struggle, 1920-94. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1996. 251 p.
53. *O'Ballance E.* The Kurdish Revolt, 1961–1970. London : Faber and Faber Ltd., 1973. 196 p.
54. *O'Shea M.* Trapped between the Map and Reality. Geography and Perceptions of Kurdistan. N. Y. : Routledge, 2006. 272 p.
55. *Ozoğlu H.* Molla Mustafa Barzani in the USA 1975– 1979 // *The Copernicus Journal of Political Studies*. 2013. No. 2 (4). Pp. 207–209.
56. *Parsi T.* Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States. New Haven : Yale University Press, 2007. 361 p.
57. *Penrose E., Penrose E. F.* Iraq: International Relations and National Development. London : Ernest Benn, 1978. 569 p.
58. *Reisinezhad A.* The Shah of Iran, the Iraqi Kurds, and the Lebanese Shia. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2019. 357 p.
59. *Roosevelt A.* The Kurdish Republic of Mahabad // *Middle East Journal*. 1947. Vol. 1. No. 3. Pp. 247–269.
60. *Rubin B.* Cauldron of Turmoil: America in the Middle East. N. Y. : Harcourt, 1992. 306 p.
61. *Shareef M.* Review: The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945 by Marianna Charountaki // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 4. Pp. 207–209.
62. *Shareef M.* The United States, Iraq and the Kurds: Shock, awe and aftermath. N. Y. : Routledge, 2014. 234 p.
63. *Voller Y.* The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N. Y. : Routledge ; Taylor & Francis Group, 2014. 176 p.
64. *Yildiz K.* The Kurds in Iraq: Past, Present and Future. London : Pluto Press, 2007. 294 p.

Historiography of US policy on the Kurdish issue in Iraq in 1945–1990

A. I. Sennikov

postgraduate student of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9329-2839. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the domestic and foreign historiography of US policy on the Kurdish issue in Iraq in 1945–1990. Currently, there are more than a hundred historical works devoted to the Kurdish problem in all its various manifestations. One of the interesting topics in the history of the Kurdish national liberation movement is the study of the international aspect of the Kurdish issue, its internationalization under the influence of the policies of the leading world powers, primarily the United States. Generalization of the material accumulated by the multinational historical community on American politics is relevant for identifying a platform for future research in this area. The paper reflects the gradual evolution of Kurdish studies from the 1960s to the present, especially the Soviet, Russian and foreign (American, British, German, Arab, Iranian, Israeli and Kurdish) historical schools. Key works that directly or indirectly examined American involvement in cooperation with or opposition to the Iraqi Kurds in the second half of the twentieth century are highlighted and reviewed. A generalized analysis of the topics and approaches of Russian, American, British, German, Israeli, Arab, Iranian, and Kurdish authors on the international context of the Kurdish national movement in Iraq is presented. Achievements in the study of sources and scientific novelty are noted. The study is intended to demonstrate the depth of the historiography of the international aspect of the Kurdish issue, in particular, the American policy in relation to it, and to summarize the accumulated historical experience, to highlight the possibilities of future study of this topic.

Keywords: historiography, US foreign policy, the Kurdish question, Iraqi Kurdistan, Mustafa Barzani.

References

1. Ahmedov T. A. *Kurdskij vopros v Tureckoj respublike (1990–2005 gg.) : dis. ... k. i. n. : 07.00.03* [The Kurdish question in the Republic of Turkey (1990–2005) : dis. ... PhD of Hist. Sciences : 07.00.03]. Tomsk. 2014. 258 p.
2. Vertyaev K. V. *Kurdovedenie v Institute vostokovedeniya RAN. Centr izucheniya stran Blizhnego i Sredne-go Vostoka* [Kurd studies at the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. Center for Near and Middle Eastern studies] // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN – Herald of the Institute of Oriental studies*. 2018. No. 4. Pp. 10–15.
3. Vorob'eva T. A., Yungblyud V. T. *SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administracii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg.* [USA is losing an ally in the Middle East: the politics of George Carter's attitude to Iran, 1977–1980] // *Istoriya – History*. 2019. Vol. 10. Is. 3 (77). Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1>.
4. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Oncoming courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, Near and Middle East in 1939–1947 / ed. by V. T. Yungblyud. Kirov. VyatSHU. 2014. 510 p.
5. Gasratyan M. A. *Kurdskoe dvizhenie v novoe i novejshee vremya* [The Kurdish movement in the new and modern times]. M. Nauka. 1987. 303 p.
6. Zhigalina O. V. *Nacional'noe dvizhenie kurdov v Irane (1918–1947 gg.)* [National movement of Kurds in Iran (1918–1947)]. M. Nauka. 1988. 170 p.
7. Zhigalina O. I. *Kurdovedenie v Rossii* [Kurd studies in Russia] // *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1999. No. 9. Pp. 7–10.
8. Zhigalina O. I. *Mulla Mustafa Barzani. Istoricheskij portret* [Mullah Mustafa Barzani. Historical portrait]. M. Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. 2013. 240 p.
9. Ivanov S. M. *Irakskij Kurdistan na sovremennom etape (1991–2011 gg.)* [Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011)]. M. Institute of Oriental studies of the RAS. 2011. 86 p.
10. *Kurdskij vopros v Zapadnoj Azii v nachale XXI veka – The Kurdish question in Western Asia at the beginning of the XXI century* / ed. by O. I. Zhigalina. M. Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. 2006. 342 p.
11. *Kurdskij faktor v regional'noj geopolitike : materialy kruglogo stola v IMEMO RAN, 11.03.2015* – The Kurdish factor in regional geopolitics : materials of the round table in Institute of Oriental studies of the RAS, 11.03.2015 / ed. by A. G. Arbatov. M. Institute of Oriental studies of the RAS. 2015. 119 p.
12. Lazarev M. S. *Kurdistan i kurdskij vopros (1923–1945)* [Kurdistan and the Kurdish question (1923–1945)]. M. Eastern literature. 2005. 310 p.
13. Mgoi Sh. H. *Kurdskij nacional'nyj vopros v Irake v novejshee vremya* [The Kurdish national question in Iraq in modern times]. M. Nauka. 1991. 324 p.
14. Mgoi Sh. H. *Problema nacional'noj avtonomii kurdskogo naroda v Irakskoj Respublike (1958–1970)* [The problem of national autonomy of the Kurdish people in the Republic of Iraq (1958–1970)]. Yerevan. Armenian Academy of Sciences. SSR. 1977. 270 p.
15. Minasyan S. *Israil'sko-kurdskie otnosheniya v kontekste politicheskikh processov na Blizhnem i Srednem Vostoke* [Israeli-Kurdish relations in the context of political processes in the Middle East] // *21-j vek – 21st century*. 2007. No. 2 (6). Pp. 89–92.
16. Primakov E. M. *Konfidencial'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka)* [Confidential: the Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the XX – beginning of the XXI century)]. M. Rossiyskaya Gazeta, 2006. 384 p.
17. Rumyanec V. P. *"Novyj frontier" administracii Dzh. F. Kennedi na Blizhnem i Srednem Vostoke (1961–1963 gg.)* ["New frontier" of the J. F. Kennedy administration in the near and Middle East (1961–1963)]. Tomsk. Tomsk State University. 2015. 404 p.
18. Sennikov A. I. *Kurdskij vopros v politike administracii Dzh. Kartera v kontekste Iranskoj revolyucii (1977–1980 gg.)* [The Kurdish question in the policy of the administration of the Russian Federation. Carter in the context of the Iranian revolution (1977–1980)] // *SShA & Kanada: Ekonomika – politika – kul'tura – USA & Canada: Economy – politics – culture*. 2019. No. 10. Pp. 78–97.
19. *Special'nyj byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR* – Special bulletin of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences. No. 5 (212). M. Nauka. 1980. 235 p.
20. *Special'nyj byulleten' Instituta vostokovedeniya AN SSSR* – Special bulletin of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences. No. 6 (200). M. Nauka. 1990. 128 p.
21. Urazov A. M. *Irakskaya revolyuciya 1958 g. i blizhnnevostochnaya politika Vashingtona* [The Iraqi revolution of 1958 and the Middle East policy of Washington] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA and Canada: economy, politics, culture*. 2009. No. 2. Pp. 90–107.
22. Halfin N. A. *Bor'ba za Kurdistan* [Struggle for Kurdistan]. M. Eastern lit. 1963. 171 p.
23. Yungblyud V. T., Chuchkalov A. V. *Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Policy in Iran during the Second World War]. Kirov. VyatSHU. 2011. 414 p.
24. Ali H. *The Iraqi Kurds and the Cold War. Regional Politics, 1958–1975*. N. Y. : Routledge, 2020. 178 p.
25. Alvandi R. *Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War*. Oxford : Oxford University Press, 2014. 272 p.

26. *Bengio O.* Saddam's Word: Political Discourse in Iraq. N. Y. : Oxford University Press, 1998. 266 p.
27. *Bengio O.* The Iraqi Kurds: The struggle for autonomy in the shadow of the Iran-Iraqi conflict // *Immigrants & Minorities*. 1990. Vol. 9. Is. 3. Pp. 249–268.
28. *Between State and Non-State Politics and Society in Kurdistan-Iraq and Palestine* / ed. by G. Gürbey, S. Hofmann, F. I. Seyder. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.
29. *Bishku M.* Israel and the Kurds: A Pragmatic Relationship in Middle Eastern Politics // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 41. No. 2. Pp. 52–72.
30. *Byrne M.* Iran-Contra. Reagan's Scandal and the Unchecked Abuse of Presidential Power. Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 2014. 464 p.
31. *Charountaki M.* The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945. N. Y. : Routledge, 2010. 337 p.
32. *Cooley J.* An Alliance Against Babylon: The U. S., Israel, and Iraq. London : Pluto Press, 2005. 258 p.
33. *Dann U.* Iraq under Qasim: A Political History, 1958–1963. London : Praeger, 1969. 405 p.
34. *El-Sayed El-Shazly N.* The Gulf Tanker War: Iran and Iraq's Maritime Swordplay. London : Macmillan Press LTD, 1998. 403 p.
35. *Emery C.* US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.
36. *Farouk-Sluglett M., Sluglett P.* Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. London : I. B. Tauris, 2001. 390 p.
37. *Ghareeb E.* The Kurdish Question in Iraq. N. Y. : Syracuse University Press, 1981. 233 p.
38. *Gibson B.* Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 257 p.
39. *Gunter M.* Foreign Influences on the Kurdish Insurgency in Iraq // *Conflict Quarterly*. 1992. Vol. 12. No. 40. Pp. 7–24.
40. *Gunter M.* Mulla Mustafa Barzani and the Kurdish rebellion in Iraq: The intelligence factor // *The intelligence factor, International Journal of Intelligence and Counter-Intelligence*. 1994. Vol. 7. No. 4. Pp. 465–474.
41. *Gunter M.* The five stages of American foreign policy towards the Kurds // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 2. Pp. 93–106.
42. *Gunter M.* United States Foreign Policy toward the Kurds // *Orient*. 1999. Vol. 40. No. 3. Pp. 427–437.
43. *Kelly M.* Ghosts of Halabja: Saddam Hussein and the Kurdish genocide. Westport : Praeger, 2008. 196 p.
44. *Kerr M.* The Arab Cold War: Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970. London : Oxford University Press, 1971. 166 p.
45. *Kissinger H.* Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. 1151 p.
46. *Korn D.* The Last Years of Mustafa Barzani // *Middle East Quarterly*. 1994. Vol. 1. No. 2. Pp. 12–27.
47. *Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook* / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn. : Praeger, 2004. 698 p.
48. *Little D.* The United States and the Kurds: A Cold War Story // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12. No. 4. Pp. 63–98.
49. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. 515 p.
50. *Meho L., Nehme M.* Pawns in a Deadly Game: Iraqi Kurds and the United States, 1972–1975 // *International Studies*. 1995. Vol. 32. Is. 1. Pp. 50–54.
51. *Mustafa I.* Fatal mistakes in Marianna Charountaki's PhD thesis / translated by J. Kurdy // *E Kurd Daily*, 10.12.2011. URL: <https://ekurd.net/mismas/articles/misc2011/12/state5669.htm>.
52. *O'Balance E.* The Kurdish Struggle, 1920–94. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1996. 251 p.
53. *O'Ballance E.* The Kurdish Revolt, 1961–1970. London : Faber and Faber Ltd., 1973. 196 p.
54. *O'Shea M.* Trapped between the Map and Reality. Geography and Perceptions of Kurdistan. N. Y. : Routledge, 2006. 272 p.
55. *Ozoğlu H.* Molla Mustafa Barzani in the USA 1975–1979 // *The Copernicus Journal of Political Studies*. 2013. No. 2 (4). Pp. 207–209.
56. *Parsi T.* Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States. New Haven : Yale University Press, 2007. 361 p.
57. *Penrose E., Penrose E. F.* Iraq: International Relations and National Development. London : Ernest Benn, 1978. 569 p.
58. *Reisinezhad A.* The Shah of Iran, the Iraqi Kurds, and the Lebanese Shia. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2019. 357 p.
59. *Roosevelt A.* The Kurdish Republic of Mahabad // *Middle East Journal*. 1947. Vol. 1. No. 3. Pp. 247–269.
60. *Rubin B.* Cauldron of Turmoil: America in the Middle East. N. Y. : Harcourt, 1992. 306 p.
61. *Shareef M.* Review: The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945 by Marianna Charountaki // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 4. Pp. 207–209.
62. *Shareef M.* The United States, Iraq and the Kurds: Shock, awe and aftermath. N. Y. : Routledge, 2014. 234 p.
63. *Voller Y.* The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N. Y. : Routledge ; Taylor & Francis Group, 2014. 176 p.
64. *Yildiz K.* The Kurds in Iraq: Past, Present and Future. London : Pluto Press, 2007. 294 p.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.5(470.57)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.023

Результаты исследования Новотроицкого грунтового могильника в контексте древностей золотоордынского времени Башкирии

Е. В. Русланов

начальник отдела археологического наследия,
Управление по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан.
Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0003-0387-3360. E-mail: butleger@mail.ru

Аннотация. Разноплановые погребальные и поселенческие памятники лесостепного населения Южного Урала, основу хозяйства которых составляло использование подвижных форм скотоводства, отнесены специалистами к чияликской археологической культуре. Разведочные и стационарные полевые исследования позволили выявить несколько массовых скоплений памятников. Один из таких своеобразных «кустов» расположен в пределах Чишминского района Республики Башкортостан. В связи с тем, что именно на данной территории сохранился комплекс средневековых каменных мавзолеев XIV века (Хусейн-бек, Тура-хан и Малый кэшэнэ), существует предположение о локализации здесь «центра исторического Башкортостана». Но эти элитарные объекты истории до сих пор рассматривались вне контекста окружающей их археологической периферии (т. е. без привлечения массовых материалов одного с ними времени).

Цели исследования – введение в научный оборот данных Новотроицкого грунтового могильника эпохи Золотой Орды, а также анализ их в контексте синхронных материалов эпохи Золотой Орды и памятников Башкирии. Исследовательские задачи заключаются в описании материала, происходящего с могильника, поиска аналогии и установления места памятника среди подобных объектов. В работе используются данные двух грунтовых погребений, а также сопроводительный материал, выявленный в разные годы на площадке могильника.

Таким образом, в плане предварительной постановки научной проблемы можно предположить, что в районе п. Чишмы в XIII–XIV вв. располагался политический центр средневекового Башкортостана (точнее – Башкирского улуса Золотой Орды). Присутствие среди находок с Новотроицкого грунтового могильника украшений, являющихся изделиями мастеров, знакомых с ювелирными традициями Волжской Булгарии, говорит о контактах местного населения с западным соседом.

Ключевые слова: Золотая Орда, Приуралье, чияликская культура.

Центральная часть лесостепного Приуралья (среднее течение рек Ик, Дема, Уршак, Кармасана и Чермасана с притоками) является областью наиболее насыщенной памятниками чияликской культуры эпохи позднего Средневековья [5].

В границах данной территории (совр. Чишминский район Республики Башкортостан, среднее течение р. Дема) расположено крупное скопление объектов золотоордынского времени. На данный момент известно более 20 различных памятников и индивидуальных находок (рис. 1; 2).

К северу и югу от данного скопления чияликские материалы были найдены в меньшем количестве [5, с. 181–198; 8, с. 32–42]. Подобная особенность расположения памятников в регионе связана с качеством разведочных работ, либо с наличием некоего ядра расселения носителей чияликской археологической культуры в домонгольское и ордынское время в среднем течении р. Дема. Ответить на этот вопрос можно только опираясь на введенный в научный оборот археологический материал.

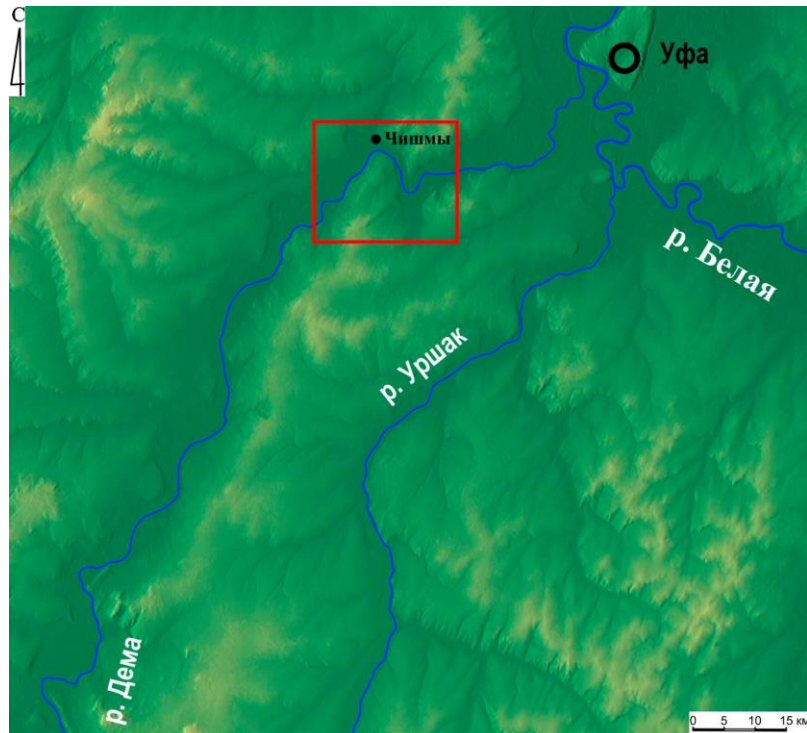

Рис. 1. Центральная часть лесостепного Приуралья. Красным цветом обозначена локализация памятников, представленных на рис. 2

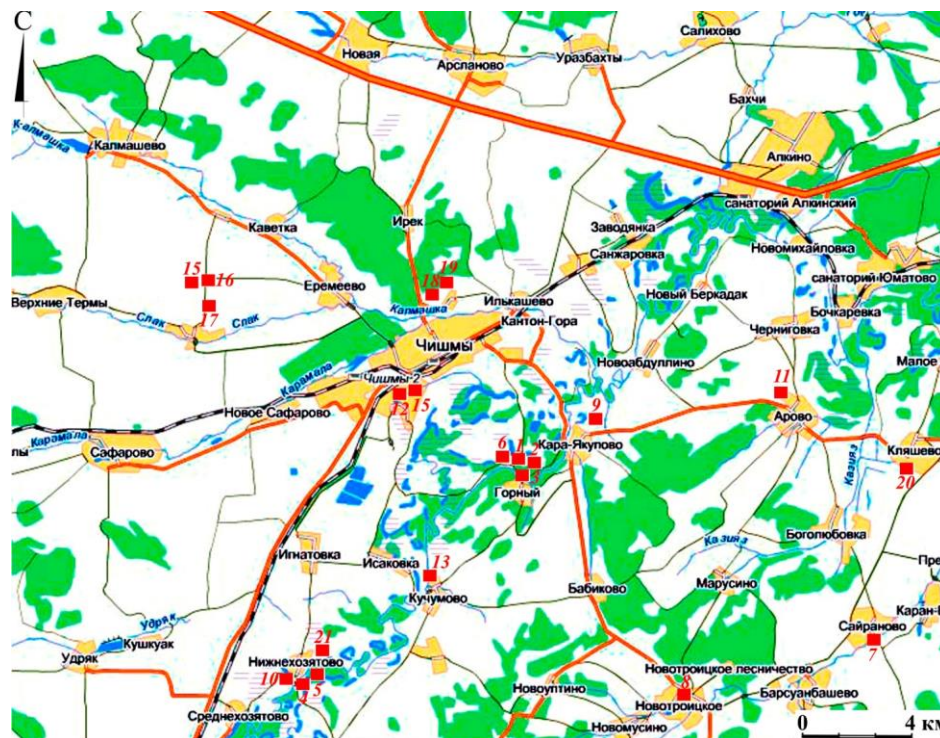

Рис. 2. Карта расположения археологических памятников и случайных находок эпохи позднего Средневековья в среднем течении р. Дема

- 1 – Горновское селище; 2 – Горновское I местонахождение; 3 – Горновское II местонахождение;
- 4 – Нижне-Хозятовское селище; 5 – Нижне-Хозятовский могильник; 6 – Горновский могильник;
- 7 – Сайрановский могильник; 8 – Новотроицкий могильник; 9 – Кара-Якуповский могильник;
- 10 – Нижне-Хозятовский клад; 11 – Аровская находка каменного жернова; 12 – Чишмы-1, селище;
- 13 – Кучумово-3, селище; 14 – мавзолей Хусейн-бека; 15 – мавзолей Тура-хана; 16 – мавзолей Малый кэсэ; 17 – Нижнетерминские каменные выкладки; 18, 19 – Каменные надгробия с эпитафиями XIV в. (кладбище Сынташ) к западу от п. Красный Ключ (совр. Район Заготскот п. Чишмы); 20 – наконечник стрелы из д. Кляшево; 21 – Нижнехозятовские находки (обрывки кольчуги, наконечники стрел)

Целью данной статьи является публикация двух погребений раннемусульманского времени, которые успели выявить и изучить в ходе спасательных работ сотрудники экспедиции Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН¹ на полностью разрушенной площадке могильника, а также находок, изъятых из контекста погребений и собранных на поверхности памятника. Публикуемые материалы – единственная информация, оставшаяся от этого объекта археологии.

Материалы и методы. Новотроицкий грунтовый могильник расположен между деревнями Новотроицкое и Ново-Мусино (в 0,3-0,4 км от каждой), в 0,2 км к ЮЗ от сельского клуба, на 3-4-метровой террасе северного берега пруда, к югу от края пашни и дороги, идущей вдоль нее. По сведениям местных жителей, при разработке карьера часто попадались человеческие останки. При его расширении в 1986 г. около западного края были разрушены человеческие погребения, располагавшиеся рядами: по три в ряду. Также могилы встречались и у северного края карьера, вдоль дороги. Точное их количество неизвестно. Примерно в это же время школьниками Новотроицкой СОШ были найдены две серебряные височные «желудевидные» подвески (рис. 3/6-9, 11). Подвески сделаны из проволоки, согнутой в виде кольца, на которое одет полый шарик, сделанный из двух половинок. Место соединения половинок шарика на проволоочном кольце скреплено накрученной проволокой. Об этих находках местными жителями был оповещен Н. А. Мажитов, который и передал сведения о памятнике В. Н. Васильеву.

В 1989 г. могильник осмотрен В. Н. Васильевым и Г. Н. Гарустовичем, ими установлено, что территория памятника, по-видимому, ограничена дорогой д. Новотроицкое – д. Ново-Мусино, за дорогой на пашне останков человека не обнаружено. Между дорогой и карьером, на полосе чернозема (шириной около 3 м), встречались останки человека. По поверхности скопления была произведена зачистка. Сразу же от поверхности, под слоем чернозема, стали попадаться сильно раздавленные кости, были расчищены остатки погребений, на глубине 0,1-0,15 м от современной поверхности [3].

Погребение 1. Могильная яма овальной формы, длиной 2 м, шириной 0,55-0,6 м. Яма была углублена в материк на 5 см, стенки могильной ямы слегка наклонены ко дну, дно ровное. Заполнение ямы состояло из черного жирного гумуса с камешками и современным мусором (рис. 3/1).

Скелет сильно потревожен, кости поломаны, череп раздавлен. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая рука не сохранилась. Правая нога сдвинута, левая нога не сохранилась. Вещей при себе нет.

Погребение 2. Располагалось в метре к северу от погребения 1, параллельно ему, в один ряд. Кости скелета выявлены на глубине 10 см от поверхности, в слое чернозема. Могильную яму проследить не удалось, т. к. погребение не было углублено в материк (рис. 3/2).

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Ноги были вытянуты. Вещей при себе нет. Кости сильно раздавлены.

В 2018 г. автором в ходе разведочных работ был проведен визуальный осмотр памятника, который показал, что могильник в ходе продолжавшегося с конца 80-х гг. расширения карьера и шоссейной дороги полностью уничтожен. В отвалах карьера встречены единичные раздробленные кости человека. Исходя из полученной информации, Новотроицкий грунтовый могильник можно считать полностью уничтоженным [18, с. 19, 20].

Аналогии вещевому инвентарю могильника происходят с памятников Волжской Булгарии.

Височные подвески (рис. 3/6–9, 11) относятся к Типу А1 – однобусинные, близкие по форме изделия выявлены в могильнике Такталачук (погр. 45, 52, 140, 153). Датировка вторая половина XIV в. [10, с. 64, 70, рис. 33/9–33/11; 34/1, 34/4, 34/5, 34/17, 34/22; 35/1-3]. Этот тип является финальным образцом височных колец с напускными бусинами, они бытовали в XIV в. в восточной части Булгарского улуса, в среде населения с непостоянной оседлостью. Изготовлены кустарно, местным мастером [16, с. 143–146, рис. 216].

«Желудевидная» бусина-привеска из серебра на цепочке (рис. 3/3). Чаще всего использовалась в болгарских украшениях в XIII в. [16, с. 146–147, рис. 225]. Аналогичное изделие выявлено в погребении 75 могильника Такталачук [10, с. 64, 70, рис. 33/9–33/11; 34/1, 34/4, 34/5, 34/17, 34/22; 35/1-3].

---

¹ Автор выражает благодарность за возможность публикации материалов к. и. н. Виталию Николаевичу Васильеву (LoCom Medien Akademie Europäisches Bildungsinstitut (Bonn, Federal Republic of Germany).

● Новотроицкий грунтовый могильник

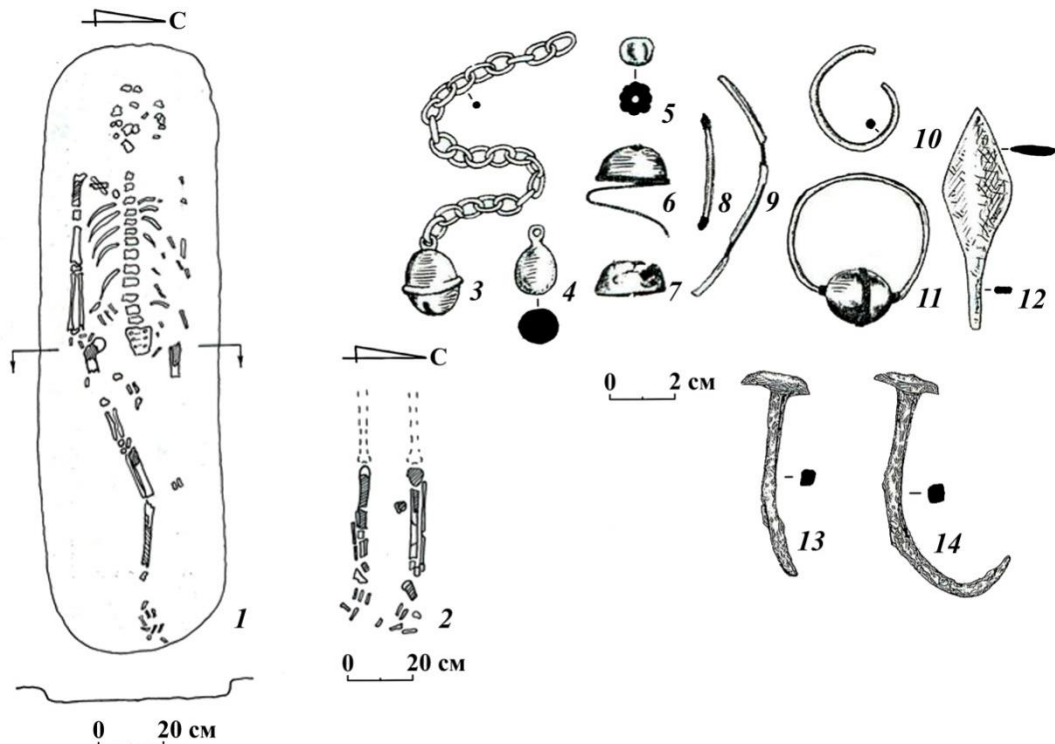

Рис. 3. Новотроицкий грунтовый могильник. Место расположения памятника.

1 - погребение 1; 2 - погребение 2; 3 - бусина-привеска из серебра; 4 - бронзовая пуговица; 5 - сердоликовая бусина; 6-9, 11 - серебряные подвески; 12 - железная стрела; 13, 14 - железные гвозди

Пластинчатый наконечник стрелы (рис. 3/12) имеет прямоугольное сечение в нижней части и линзовидное - в верхней. Наконечник не имеет упора. Перо ромбической формы с пологими плечиками, плавно переходит в черешок. Длина 7 см, ширина 2,2 см. Проникатель относится к Типу А11, который датируется XI-XIV вв. Близкие по форме наконечники происходят с раскопок Биляра и датируются XIII в. [15, с. 78]. Подобный наконечник происходит с площадки святилища Уклакай, пик ритуального использования которого приходится на период X - начала XIV вв., когда в лесостепном Предуралье расселялись угорские племена чияликской археологической культуры. Стоит отметить, что все стрелы с горы имеют аналогии в материалах памятников Волжской Булгарии [7, с. 179-188, рис. 2/37]. Еще один наконечник выявлен в ходе раскопок Кумлекульского могильника [2, с. 69, № 409].

Кольцевидная, овальной формы височная подвеска с несомкнутыми концами (рис. 3/10) находит аналоги в материалах Такталачукского могильника (погребения 42, 48, 53, 144, 166), где кольца имеют как сомкнутые концы [10, с. 64, рис. 33/5-7, 33/16], так и разомкнутые [10, с. 65, рис. 34/3, 34/7].

Сердоликовая бусина относится к подтипу II, типу III, отдела III по Полубояриновой. Похожая бусина была найдена на Селитренном городище. Бусы этого типа датируются X–XIII в., в золотоордынских городах (Отрар, Каракорум) их чаще всего находят в слое XII – нач. XIII в. [14, с. 21, рис. 1/31].

Также на площадке некрополя были найдены железные гвозди (рис. 3/13, 3/14) и бронзовая пуговица простой округлой формы (рис. 3/4), близкие по форме пуговицы происходят с северо-востока от золотоордынского города Укека, где они датируются XIII–XIV вв. [13, с. 549–561].

Результаты. Опираясь на комплекс полученного инвентаря, погребения могут быть датированы XIII–XIV вв. Положение костяка на спине, его ориентировка на запад, небольшая глубина могил говорят о принадлежности могильника к кругу раннемусульманских могильников чияликской археологической культуры [5, с. 181–198]. Аналогичные погребения выявлены в близлежащих Горновском и Нижне-Хозятовском грунтовых могильниках, Нижегородском III могильнике [17, с. 185–187], в обнаруженном недавно на мысу р. Дема в Давлекановском районе Республики Башкортостан Калиновском 4 грунтовом могильнике и др.

Как известно, раннебашкирское потестарное общество первой половины II тысячелетия н. э. представляло собой конфедеративную систему племенных объединений полукочевников. В археологическом плане соотнесение конкретных памятников со средневековым башкирским населением не представляет трудности. Другое дело, что степень изученности этих археологических объектов в центральной и северной части республики оставляет желать лучшего. Разноплановые погребальные и поселенческие памятники лесостепного населения Южного Урала, основу хозяйства которых составляло использование подвижных форм скотоводства, отнесены, как известно, к чияликской археологической культуре предков башкир. Разведочные и стационарные полевые исследования археологов позволили выявить в Башкирии несколько массовых скоплений памятников в разных регионах нашего края.

Рассуждения о локализации здесь «центра исторического Башкортостана» идут давно, поскольку на данной территории сохранился комплекс средневековых каменных мавзолеев XIV века (Хусейн-бек, Тура-хан и Малый кэшэнэ). Но эти элитарные объекты истории до сих пор рассматривались вне контекста окружающей их археологической периферии (т. е. без привлечения массовых материалов одного с ними времени).

Компактная группа памятников золотоордынского времени вблизи п. Чишмы (поселения, могильники, каменные мавзолеи, надгробные камни) своим разнообразием и схожестью с материальной и монументальной культурой населения Волжской Булгарии привлекала внимание археологов с середины XX в.

Так, А. П. Смирнов, опираясь на материалы мавзолеев и городищ, расположенных по р. Белой и р. Сим, содержащих красноглиняную болгарскую посуду, считал, что болгары начали проникать на территорию Башкирии с домонгольского времени с целью захвата территории, в XIV в. продолжили экспансию. Закрепляясь на новой территории, болгары создавали опорные пункты, строили каменные мавзолеи, проповедовали ислам [19, с. 96].

Это мнение в целом разделяет А. Х. Халиков, связывая памятники болгарского типа (мавзолеи, надгробные камни) в центральной Башкирии с появлением Джукетаусского княжества, включившего в состав Волжской Булгарии западную часть современной Башкирии, на которой шел процесс болгаризации и мусульманизации местного населения [20, с. 36–37; 21, с. 98–99; 22, с. 143] (подробнее об этом [1, с. 105–114]). Часть археологов пишет о наличии на территории близ п. Чишмы административных центров золотоордынского времени. К примеру, Г. Н. Гарустович считает, что наличие нескольких некрополей с эпитафийными камнями, а также трех каменных мавзолеев «болгарского типа» (Хусейн-бека, Тура-хана и Малого кэшэнэ) позволяет предполагать размещение здесь в XIV в. административного центра Башкирского улуса Золотой Орды [4, с. 39–45].

Д. Г. Мухаметшин и И. Л. Измайлов, опираясь на материалы мавзолеев и надмогильных камней вблизи п. Чишмы, пишут о центре исторической области Башгырд/Башкирд, находившегося в районе п. Чишмы [11, с. 14–15], позднее включенного в состав Казанского ханства [9, с. 40].

Развивая данную мысль, Д. Г. Мухаметшин говорит о землях рядом с п. Чишмы как о центре Восточного или Чишминского округа, охватывающего земли между средним течением

рек Ик и Белой. Центром этого региона является территория современного п. Чишмы, где обнаружены остатки болгарской фактории с мавзолеями и эпиграфическими памятниками XIII–XIV, проявляющими близость к Булгарской школе [12, с. 36].

Таким образом, в современном поселке Чишмы и у деревни Нижние Термы (в 15–16 км друг от друга) сохранились 3 каменные усыпальницы, аналогий которым в пределах Южного Урала нет.

Возникает вопрос: имеются ли вблизи места расположения мавзолеев и кладбищ с каменными надгробиями XIV в. памятники местного башкирского населения? Да, имеются, и достаточно крупные. Это грунтовые некрополи (с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду) и поселенческие объекты рядом с ними: Горновский, Караякуповский, Нижнехозятовский, Новотроицкий и др. по берегам р. Демы. Они отличаются большим числом захоронений и расположены недалеко друг от друга. Это говорит о высокой плотности концентрирующегося здесь автохтонного населения в эпоху средневековья. Что в свою очередь подтверждает мысль о потенциальной возможности размещения в этом месте политического центра (местного племенного или даже регионального).

В настоящее время лучше всего изучен Горновский комплекс (могильник и сезонное (летнее) поселение; 34 погр.), но еще более перспективным для полевых исследований представляется Нижнехозятовский комплекс (могильник и несколько селищ; выявлено около 20 захоронений). К сожалению, основная масса некрополя в дер. Нижнехозятово (Чишминский р-н) расположена под современными домами и огородами и копать можно лишь на их окраинах. Важно, что при земляных работах местные жители находили и находят древние вещи: бусы, различные металлические украшения, ножи, сабли, обломки керамики и т. д. Важным показателем статуса данного памятника является обнаружение кладов: 8 железных вещей для подготовки поля и для пахотного земледелия (клад 1931 г., XIV в.) и недавняя находка – горлышко латунного кувшина с изысканными орнаментальными поясками и изображениями львов (подражание изделиям из Герата (Хорасан), XII–XIII вв.) [6, с. 39–40].

Заключение. Таким образом, присутствие среди находок с Новотроицкого грунтового могильника украшений, маркирующих «булгарский» вектор связей (височная подвеска и «желудевидная» бусина-привеска), а также белоглиняной и красноглиняной гончарной керамики с Нижне-Хозятовского, Горновского, Чишминского I селищ, Нижне-Хозятовского грунтового могильника и т. д. говорят если не о присутствии здесь групп болгарского или подвергнувшегося болгаризации населения, то о явных контактах местных «чияликцев» с западным соседом. О чем недвусмысленно свидетельствуют каменные мавзолеи болгарского типа в самом центре этой густонаселенной в золотоордынское время территории центральной Башкирии.

Список литературы

1. Антонов И. А. К вопросу о болгарской миграции на территорию Башкирии в период золотой Орды // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2018. № 2. С. 105–114.
2. Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 262 с.
3. Васильев В. Н. *Научный отчет об археологических разведках и раскопках в Благоварском, Благовещенском и Чишминском районах БАССР весной и летом 1989 года* // *Научный архив Института археологии РАН*.
4. Гарустович Г. Н. К вопросу об особом типе памятников археологии XIV века на территории Исторического Башкортостана (кладбища с каменными надгробиями с исламскими эпитафиями) // *Проблемы востоковедения*. 2012. № 2. С. 39–45.
5. Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 15. 2015. С. 181–198.
6. Гарустович Г. Н. К вопросу о локализации одного из «политических центров» в средневековом Башкортостане // *Урал – Алтай: через века в будущее: матер. VII Всерос. тюрколог. конф., посвященной 95-летию Э. Р. Тенишева* / гл. ред. А. В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 39–40.
7. Гарустович Г. Н., Овсянников В. В. Средневековое святилище на горе Уклакай на Южном Урале // *Проблемы истории, филологии, культура*. № 1 (35). 2012. С. 179–188.
8. Гарустович Г. Н., Овсянников В. В., Русланов Е. В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // *Oriental Studies*. 2018. № 38 (4). С. 32–42.
9. Измайлов И. Л. Волжская Булгария XIII в.: автономия или ханский улус // *Золотоордынское наследие: матер. междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды»* (17 марта 2009 г.) / отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. Вып. 1. С. 31–41.
10. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.

11. Мухаметшин Д. Г. Эпиграфические памятники татар Поволжья и Приуралья. Региональные особенности и этнокультурные варианты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 28 с.
12. Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия: Археология Евразийских степей. Казань : Институт истории АН РТ, 2008. Вып. 6. 132 с.
13. Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Находки с селищ Колотов Буерак и Константиновское // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 549–561.
14. Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М. : ИА РАН, 1991. 112 с.
15. Руденко К. А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.
16. Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман, 2015. 528 с.
17. Русланов Е. В. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Чишминском, Кушнаренковском и Аургазинском районах Республики Башкортостан по Открытому листу № 479 от 22.05.2018 г. // Научный архив Института археологии РАН. 162 с.
18. Русланов Е. В. Позднесредневековые погребения с площадки Нижегородского III поселения в районе Уфимского полуострова // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных : матер. V междунар. конф. молодых ученых / отв. ред. В. Е. Родинкова. М. : ИА РАН, 2019. С. 185–187.
19. Смирнов А. П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М. : АН СССР, 1957. С. 5–113.
20. Халиков А. Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / отв. ред. Ю. В. Бромлей, Р. Г. Кузеев. Уфа : ИИЯЛ АН СССР, 1971. С. 30–37.
21. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань : Татарское книжное издательство, 1978. 160 с.
22. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань : Татарское книжное издательство, 1989. 222 с.

Results of research of the Novotroitsky ground burial ground in the context of the Golden Horde antiquities of Bashkiria

E. V. Ruslanov

head of the Department of archaeological heritage,
Department for state protection of cultural heritage objects of the Republic of Bashkortostan.
Russia, Ufa. ORCID: 0000-0003-0387-3360. E-mail: butleger@mail.ru

Abstract. Diverse funerary and settlement monuments of the forest-steppe population of the southern Urals, whose economy was based on the use of mobile forms of cattle breeding, are attributed by experts to the chiyalik archaeological culture. Exploratory and stationary field studies have revealed several massive clusters of monuments. One of these peculiar "bushes" is located within the Chishminsky district of the Republic of Bashkortostan. Due to the fact that a complex of medieval stone mausoleums of the XIV century (Huseyn Bek, Tura Khan and Maly keshene) has been preserved on this territory, there is an assumption that the "center of historical Bashkortostan" is located here. But these elite objects of history have so far been considered outside the context of the surrounding archaeological periphery (i.e., without involving mass materials of the same time).

The research aims to introduce data from the Novotroitsk ground burial ground of the Golden Horde era into scientific circulation, as well as analyze them in the context of synchronous materials from the Golden Horde era and Bashkiria monuments. Research tasks include describing the material that occurs from the burial ground, finding an analogy, and establishing the place of the monument among similar objects. The paper uses data from two ground burials, as well as accompanying material identified in different years on the site of the burial ground.

Thus, in terms of the preliminary statement of the scientific problem, we can assume that near p Chishmy in the XIII–XIV century was located the political center of medieval Bashkortostan (more Bashkir – ulus of the Golden Horde). The presence of jewelry among the finds from the Novotroitsky ground burial ground, which are the products of craftsmen familiar with the jewelry traditions of Volga Bulgaria, indicates the contacts of the local population with the Western neighbor.

Keyword: Golden Horde, the Urals, chiyalik culture.

References

1. Antonov I. A. *K voprosu o bulgarskoj migracii na territoriyu Bashkirii v period zolotoj Ordy* [On the issue of Bulgar migration to the territory of Bashkiria during the Golden Horde period] // *Magistra Vitae : elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* – *Magistra Vitae : electronic journal of Historical Sciences and archeology*. 2018. No. 2. Pp. 105–114.
2. *Arheologicheskaya karta Bashkirii* – Archaeological map of Bashkiria. M. Nauka. 1976. 262 p.
3. Vasil'ev V. N. *Nauchnyj otchet ob arheologicheskikh razvedkah i raskopkah v Blagovarskom, Blagoveshchenskom i Chishminskom rajonah BASSR vesnoj i letom 1989 goda* [Scientific report on archaeological surveys and excavations in Blagovarsky, Blagoveshchensky and Chishminsky districts of the BASSR in the spring and summer of 1989] // *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii RAN* – Scientific archive of the Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences.
4. Garustovich G. N. *K voprosu ob osobom tipe pamyatnikov arheologii XIV veka na territorii Istoricheskogo Bashkortostana (kladbishcha s kamennymi nadgrobiyami s islamskimi epitafiyami)* [On the question of a special type of monuments of archeology of the XIV century on the territory of historical Bashkortostan (cemeteries with stone tombstones with Islamic epitaphs)] // *Problemy vostokovedeniya* – Problems of Oriental studies. 2012. No. 2. Pp. 39–45.
5. Garustovich G. N. *Chiyaliskaya arheologicheskaya kul'tura epohi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale* [Chiyalik archaeological culture of the middle ages in the Southern Urals] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa archaeological herald. Is. 15. 2015. Pp. 181–198.
6. Garustovich G. N. *K voprosu o lokalizacii odnogo iz "politicheskikh centrov" v srednevekovom Bashkortostane* [On the issue of localization of one of the "political centers" in medieval Bashkortostan] // *Ural – Altaj: cherez veka v budushchee : mater. VII Vseros. tyurkolog. konf., posvyashchennoj 95-letiyu E. R. Tenisheva* – Ural – Altai: through the centuries to the future : mater. of the VII All-Russia Turkic study conf. dedicated to the 95th anniversary of E. R. Tenisheva / ed by V. Psyanchin. Ufa. IHFL USC RAS. 2016. Pp. 39–40.
7. Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V. *Srednevekovoe svyatilishche na gore Uklakaj na Yuzhnom Urale* [Medieval sanctuary on mount Uklakai in the Southern Urals] // *Problemy istorii, filologii, kul'tura* – Problems of history, philology, culture. No. 1 (35). 2012. Pp. 179–188.
8. Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V. *Gorodishche Ufa-II v zolotoordynskij period* [Gorodishche Ufa-II in the Golden Horde period] // *Oriental Studies* – Oriental Studies. 2018. No. 38 (4). Pp. 32–42.
9. Izmajlov I. L. *Volzhskaya Bulgariya XIII v.: avtonomiya ili hanskij ulus* [Volzhskaya Bulgariya XIII century: autonomy or Khan ulus] // *Zolotoordynskoe nasledie : mater. mezhdunar. nauch. konf. "Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy" (17 marta 2009 g.)* – Golden Horde heritage : mater. of international. scientific conf. "Political and socio-economic history of The Golden Horde" (March 17, 2009) / ed. I. M. Mirgaleev. Kazan. Fen. 2009. Is. 1. Pp. 31–41.
10. Kazakov E. P. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnyh rajonah Tatarii* [Monuments of the Bulgarian time in the Eastern regions of Tatarstan]. M. Nauka. 1978. 132 p.
11. Muhametshin D. G. *Epigraficheskie pamyatniki tatar Povolzh'ya i Priural'ya. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Epigraphic monuments of the Volga and Ural Tatars. Regional features and ethno-cultural variants : author's abstract of the dis. ... PhD of Hist. Sciences]. Kazan. 2004. 28 p.
12. Muhametshin D. G. *Tatarskie epigraficheskie pamyatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty. Seriya: Arheologiya Evrazijskih stepej* [Tatar epigraphic monuments. Regional characteristics and ethnic cultural options. Series: archeology of the Eurasian steppes]. Kazan. Institute of history of the RT Academy of Sciences. 2008. Is. 6. 132 p.
13. Nedashkovskij L. F., Shigapov M. B. *Nahodki s selishch Kolotov Buerak i Konstantinovskoe* [Finds from the villages of Kolotov Buerak and Konstantinovskoe] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Scientific notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences. 2018. Vol. 160. Book 3. Pp. 549–561.
14. Poluboyarinova M. D. *Ukrasheniya iz cvetnykh kamnej Bolgara i Zolotoj Ordy* [Jewelry from colored stones of Bolgar and the Golden Horde]. M. IA RAS. 1991. 112 p.
15. Rudenko K. A. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoj Bulgarii* [Iron arrowheads of the VIII–XV centuries from Volga Bulgaria]. Kazan. Zaman. 2003. 512 p.
16. Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgar silver. Antiquities of Bilyar, Vol. II]. Kazan. Zaman. 2015. 528 p.
17. Ruslanov E. V. *Nauchnyj otchet o provedenii razvedochnyh arheologicheskikh issledovanij v Chishminskom, Kushnarenkovskom i Aurgazinskom rajonah Respubliki Bashkortostan po Otkrytomu listu № 479 ot 22.05.2018 g.* [Scientific report on conducting exploratory archaeological research in the Chishminsky, Kushnarenkovsky and Aurgazinsky districts of the Republic of Bashkortostan according to Open list No. 479 dated 22.05.2018] // *Nauchnyj arhiv Instituta arheologii RAN* – Scientific archive of the Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences. 162 p.
18. Ruslanov E. V. *Pozdnesrednevekovye pogrebeniya s ploshchadki Nizhegorodskogo III poseleniya v rajone Ufimskogo poluoostrova* [Late Medieval burials from the site of the Nizhny Novgorod III settlement in the area of the Ufa Peninsula] // *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: Ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretacii dannykh : mater. V mezhdunar. konf. molodykh uchenykh* – New materials and methods of

archaeological research: From source criticism to generalization and interpretation of data : mater. of the V international conference of young scientists] / ed. by V. E. Rodinkova. M. IA RAS. 2019. Pp. 185–187.

19. Smirnov A. P. *Zheleznyj vek Bashkirii* [Iron age of Bashkiria] // *Kul'tura drevnih plemen Priural'ya i Zapadnoj Sibiri* – Culture of ancient tribes of the Urals and Western Siberia. M. AS SSSR. 1957. Pp. 5–113.

20. Halikov A. H. *Obshchie processy v etnogeneze bashkir i tatar Povolzh'ya i Priural'ya* [General processes in the ethnogenesis of Bashkirs and Tatars of the Volga region and the Urals] // *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* – Archeology and ethnography of Bashkiria. Vol. IV / resp. ed. Yu. V. Bromley, R. G. Kuzeev. Ufa. ISFL of the USSR Academy of Sciences. 1971. Pp. 30–37.

21. Halikov A. H. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ya i Priural'ya* [Origin of the Volga and Ural Tatars]. Kazan. Tatar book. 1978. 160 p.

22. Halikov A. H. *Tatarskij narod i ego predki* [Tatar People and their ancestors]. Kazan. Tatar book. 1989. 222 p.

Трансценденталистская концепция воспитания в повести Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»

О. Ю. Поляков¹, О. А. Полякова²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9362-7720. Researcher ID: X-9101-2018. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

²кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу этико-педагогической концепции Л. М. Олкотт, ее генезиса и художественных средств ее воплощения в повести «Маленькие женщины» (1868). Актуальность данной проблемы обусловлена не только недостаточным объемом работ о творчестве Л. М. Олкотт в российском литературоведении, но прежде всего необходимостью уточнить специфику художественного метода писательницы, соединяющего поэтику романтизма и реализма, выявить своеобразие рецепции идей трансцендентализма в ее творческом наследии и охарактеризовать особенности морализации в повести «Маленькие женщины».

Философско-этические взгляды Л. М. Олкотт сформировались под влиянием основоположника трансцендентализма Р. Эмерсона. В статье прослеживается, как писательница реализует его идеи в повести «Маленькие женщины», на их основе выстраивая свою программу воспитания личности в сочетании с феминистскими взглядами. В частности, охарактеризован морально-философский смысл названия произведения, раскрывающего идею «самостроительства» личности; показано, как в системе образов повести воплощаются различные варианты женской судьбы, расширяющие традиционные представления о гендерной роли женщины в обществе. Особое внимание уделено особенностям раскрытия трансценденталистской концепции воспитания на символично-аллегорическом уровне произведения, соединенном с игровым планом: Олкотт актуализирует произведение Дж. Беньяна «Путь паломника», чтобы показать, как «игра в пилигримов», которую ведут героини, становится средством их нравственного самосовершенствования, обретения духовной самостоятельности (self-reliance).

Также в статье показано, как на сюжетном и мотивном уровнях произведения проявилось влияние на Олкотт идей Эмерсона о роли труда в воспитании гармонически развитой личности, его «закона компенсации», побуждающего человека к гуманистическим актам, а также представлений о гражданском служении и воспитании в соответствии с законами природы, которая является источником Красоты, Истины и Добра.

Вместе с тем Олкотт не во всем следовала воззрениям лидера трансцендентализма. В частности, критика меркантилизма и тщеславия и идея межсловного равенства, выраженные в повести, звучны, скорее, не взглядам Эмерсона, а установкам Г. Торо и Б. Олкотта.

Опираясь на учения современников, писательница сумела создать и творчески воплотить в своем произведении новую концепцию личности, способной жить по совести, подчиняясь более высоким, чем общественные установки, божественным законам и занимаясь самоусовершенствованием посредством любви, физического труда и близости к природе.

Ключевые слова: трансцендентализм, Л. М. Олкотт, Р. Эмерсон, «доверие к себе», гендерная проблематика.

Повесть «Маленькие женщины», написанная Луизой Мэй Олкотт по заказу издательства как «книга для девочек», стала образцом так называемой «переходной» литературы (crossover literature), бестселлером, вызывающим интерес широкого круга читателей. Это произведение считается первой в американской литературе «семейной сагой», при этом настолько популярной, что она выдержала многочисленные переиздания и породила большое количе-

ство киноинтерпретаций. Созданная на автобиографическом материале, повесть представляет собой идеализированную версию истории семьи писательницы. Первые критики отмечали сентименталистский пафос и дидактическую направленность произведения, связывая ее с традицией американской детской литературы XIX в., которая представляла собой беллетризованные проповеди. Позднее стали говорить о реализме повести Олкотт, которая начинала как сочинительница сказок, а в этом произведении обратилась к объективному изображению семейного быта (в частности, Г. К. Честертон утверждал, что писательница за несколько десятилетий предвосхитила литературу американского реализма).

В зарубежной американистике, прежде всего в США и Великобритании, существует большое количество работ, посвященных анализу повести Л. М. Олкотт в культурно-историческом и биографическом контекстах творчества писательницы [6; 13; 14]. Среди наиболее значимых публикаций последних десятилетий XX в. – коллективная монография «Маленькие женщины» и феминистское воображение» (1999; 2013), авторы которой исследуют автобиографическое содержание произведения (Дж. М. Олбергин), интерпретацию в нем гендерных ролей (Н. Ауэрбах) и реализацию «феминистской утопии» (К. М. Томашек), рассматривают вещный мир повести (Д. Уоттерс), ее интертекстуальные связи (Э. К. Филлипс) и др. [9].

Если англоязычное литературоведение активно пытается осмыслить феномен повести Олкотт, то отечественные исследователи сравнительно недавно начали рассматривать его в различных аспектах. В диссертационном исследовании А. О. Беловой (2013) произведение «Маленькие женщины» проанализировано в широком контексте английской и американской литературы для детей [1]. Из последних публикаций можно выделить статью И. А. Шишковой «Сентименталистская революция и викторианские ценности в литературе США» (2019), в которой дана оценка творческому вкладу Л. М. Олкотт в развитие социокультурной жизни США, в частности ее новаторским взглядам на гендерные и семейные проблемы [5].

Между тем широкие исследовательские перспективы открывают замечания ряда ученых о том, что Л. М. Олкотт в произведении, относящемся к детской литературе, сумела выразить идеи трансцендентализма, с которыми рано познакомилась благодаря творческо-интеллектуальному окружению. Ее отец, А. Б. Олкотт, был сподвижником Р. Эмерсона, главного идеолога трансцендентализма. Будучи человеком демократического происхождения, Олкотт как последователь Песталоцци ставил смелые педагогические эксперименты, утверждая значимость самообразования личности и трактуя назначение учителя как мудрого наставника-консультанта. При поддержке Эмерсона летом 1844 г. он основал колонию Фрутлендс, которая, хотя и просуществовала меньше года, стала восприниматься как попытка на практике воплотить принцип всестороннего развития личности, когда человек гармонично сочетает в своей жизни физический труд и духовно-творческую деятельность.

На практике идеи Олкотта осуществляла его жена, которая, хотя и поддерживала его идеи христианского гуманизма, считала трансцендентное учение несколько умозрительным и настаивала на необходимости «практической философии», повседневных добрых дел. Она стала заступником и учителем «заблудших девочек, униженных жен, детей, страдающих от одиночества, слабых людей, поддавшихся порокам» [10, с. 212]. Луизе Мэй Олкотт больше всего импонировали представления матери о долге и «радостном упорстве», с которым его следует исполнять. «Возлюби свой долг, и станешь счастливой», «Не теряй надежду и будь всегда занята делом» – эти поучения, адресованные дочери, стали также девизом героинь повести «Маленькие женщины» [11].

Этическая концепция Луизы Мэй Олкотт, ее педагогические взгляды формировались не только под влиянием ее родителей, но, в первую очередь, под воздействием идей Эмерсона, с которым она много общалась и с детьми которого дружила. По словам О. Роджерс, Л. М. Олкотт «была погружена в трансцендентализм. Она жила и дышала им, героизировала его лидеров, испытала на себе воздействие трансценденталистских экспериментов» [12]. Убежденная в правоте доктрины «доверия к себе», Олкотт тем не менее на собственном опыте убедилась, что «в действительности доверие к себе основано на “доверии” к другим, самопожертвовании» во благо близких, своей семьи [15, с. 16].

Пути преодоления трансценденталистского «эгоцентризма» виделись ей в следовании философии Ральфа Уолдо Эмерсона, о котором она писала в своих дневниках как о «человеке, который большей всего помог [ей] своим жизненным примером, своими книгами, теми уроками, которые были получены во время общения с ним» [Цит. по: 15, с. 17].

Своей личной и писательской судьбой она воплотила в жизнь главную заповедь духовного наставника американцев – стремление к независимости и оригинальности суждений.

По замечанию А. М. Зверева, трансцендентализм, сформировавшийся как философско-этическое учение благодаря деятельности бостонских интеллектуалов, определил своеобразие американского романтизма, проявляющееся в мощном этическом начале и последовательном демократизме [2, с. 180].

Как один из основоположников трансцендентализма Эмерсон вслед за просветителями полагал, что важнейшим условием общественного прогресса является индивидуальная деятельность каждого человека, направленная на самосовершенствование в процессе труда, познания природы, осуществления собственной духовной независимости.

Один из центральных постулатов американского мыслителя, сформулированный в сочинениях 1840-х гг., – принцип «доверия к себе» (self-reliance) как качества свободного человека, который подвергает сомнению общественные законы и правила и полагается на собственное моральное чувство, свой эмпирический опыт: «Как легко мы склоняемся перед титулами и авторитетами, общественным мнением, обветшавшими установлениями <...>. Тому, кто хочет быть человеком, нужно быть нонконформистом <...>, следует не принимать на веру общепринятое понятие добродетели, а проверять его на собственном опыте. В конечном счете, к истинной святости ведет высокая нравственность. Будьте самими собой, и вас будут уважать другие... Только один закон для меня священен – закон моей собственной души. Добро и зло – это лишь слова, которые можно приложить к чему угодно; только то может называться добром, что согласуется с моими представлениями о нем, а злом – то, что противоречит им» [8, с. 46–47].

Доктрина «доверия к себе» включала идею общественного служения: «человек обязан брать ответственность на себя, иметь смелость выполнять то, что считает своим гражданским долгом – без оглядки на преобладающие взгляды и установления» [4, с. 33]. Как справедливо отметила Э. Ф. Осипова, «смысл self-reliance как правила духовной жизни состоит в служении людям, жертвенном делании добра, в любви к Истине и Справедливости [4, с. 35].

Представляется важным проследить, как в повести «Маленькие женщины» Л. М. Олкотт реализует идеи трансцендентализма, на основе которых выстраивает свою программу воспитания личности в сочетании с феминистскими взглядами.

Прежде всего следует обратить внимание на заглавие произведения, которое напрямую связано с сюжетом, повествующим о судьбе четырех сестер, старшей из которых 16 лет, а младшей – 11, живущих в одном из городов на севере США в период Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865). Их отец «свято исполняет свой долг», участвуя в этой войне, и в одном из писем с фронта называет дочерей «маленькими женщинами», вспоминая об уроках, которые давал им, призывая быть любящими и заботливыми, честно исполнять свои обязанности, упорно сражаться со своими «внутренними врагами» и побеждать их «решительно и красиво». Таким образом, название повести приобретает глубокий нравственно-философский смысл: юные героини воспринимаются автором не как наделенные незрелым сознанием дети, а как личности, духовный потенциал которых при правильном воспитании и самоконтроле станет основой их взрослой осмысленной и плодотворной жизни, поможет им, несмотря на несовершенство мира, в полной мере реализовать себя как женщин в личной и социальной сфере.

По мнению Эмерсона, духовное неблагополучие современного ему американского общества проявлялось прежде всего в «атрофии индивидуальности». Широко известен его афоризм: «Мы становимся все на одно лицо». Основоположник трансцендентализма считал, что главная задача социума состоит в том, чтобы способствовать воспитанию личностей. Л. М. Олкотт создает образы героинь, живущих в одной семье, подчиняющихся одному укладу, но тем не менее являющихся яркими индивидуальностями: у каждой свой характер, свои таланты, свои психологические особенности и жизненные установки. Писательница, придерживаясь феминистских взглядов, таким образом предлагает разные варианты женской судьбы, расширяя традиционные представления о гендерной роли женщины в обществе. Так, если старшая дочь Маргарет-Мег мечтает стать добропорядочной женой и матерью, то ее сестра Джозефина-Джо заявляет, что любит «все мальчишеское: и работу, и игры, и манеры» и больше всего ценит независимость. Не случайно образ Джо Марч стал символом творческой свободы для таких известных писательниц, как Симона де Бовуар и Джоан Роулинг, которые видели превосходство героини в интеллекте и силе характера, гарантировавшем ей необычную судьбу. Ей, в свою очередь, противопоставлена робкая, «милая и солнечная» Элизабет-Бесс, воплощающая идею активного, действенного добра и милосердия и наделенная природой музы-

кальностью. Младшая сестра Эми, талантливая художница, в большей степени, чем другие героини, проявляет внутреннюю незрелость, но под влиянием близких людей учится преодолевать свои недостатки. Главное, что объединяет всех членов семьи Марч, – это их потребность в творчестве и красоте, в осмысленной и одухотворенной жизни. Не случайно ключевым в повести становится образ Дома как символа надежного пристанища для человека, сопрягаемый с такими понятиями, как уют и тепло, а также взаимопонимание и взаимопомощь. Примечательно, что действие повести начинается и завершается в доме Марчей в период Рождества – праздника, символизирующего зарождение духовного начала в человеке.

Как известно, призыв к духовной самостоятельности личности стал основой знаменитой теории Эмерсона «доверия к себе» и определил главные положения «новой морали», сформулированной трансценденталистами. Доверие к себе – это отказ от общепринятых ложных общественных установок на целесообразность и соглашательство, это преодоление собственной зажатости мысли и чувства, это жизнь по тем нравственным принципам, которые принимает твоя совесть, а, по словам Эмерсона, совесть – это голос Бога в душе человека. Героини Л. М. Олкотт реализуют эту концепцию через игру в пилигримов, в основу которой лег сюжет аллегорического романа английского писателя XVII в. Джона Беньяна «Путь паломника»: ее главный герой покидает обреченный на гибель Город Разрушения и отправляется на поиски идеального Небесного Города. По словам Мег, игра в пилигримов – это просто другое название стремления стать лучше. Миссис Марч говорит своим дочерям: «Мы никогда не становимся слишком взрослыми для этой игры, потому что так или иначе играем в нее всю свою жизнь. Наши котомки всегда за спиной, наша дорога перед нами, а стремление к добру и счастью – тот проводник, что ведет нас через множество огорчений и ошибок к душевному покою, который и есть настоящий Небесный Город» [3, с. 23].

Чтобы акцентировать аллюзивные смыслы произведения, писательница наделяет каждую из дочерей Марч каким-либо недостатком, бремя которого она должна осознать и попытаться преодолеть: Джо гневлива, Мег тщеславна; нерешительная Бет испытывает страх перед действительностью, а Эми мечтает о красивой жизни. Герой Беньяна отправляется в путешествие с тяжелой ношей за плечами, которая по мере приближения к Небесному Городу становится все легче. Так же и «маленькие женщины» Олкотт стремятся облегчить свои «котомки», упорно работая над собой. Таким образом, автор повести актуализирует аллгорию «Путь паломника» в трансценденталистском ключе, показывая, что «в основе духовной самостоятельности – непрерывный труд, который позволяет гармонично осуществлять себя в сфере чувства и преодолевать культурные и общественные ограничения» [12].

Мотив игры-духовного становления становится ведущим в повести, помогая Олкотт выразить важную педагогическую идею, сторонником которой был отец писательницы: основой формирования личности должны стать самообразование и самоконтроль, корректируемые мудрыми советами учителя. Эмерсон, в свою очередь, подчеркивал, что секрет успешного воспитания кроется в уважении к ученику. В роли мудрых наставников юных героинь выступают их родители. Когда старшие дочери, осознав затруднительное материальное положение семьи, просят разрешить им работать, родители соглашаются на это, «твердо веря, что никогда не рано развивать в детях энергию, трудолюбие и независимость» [3, с. 65].

В этико-педагогических установках Эмерсона большое значение придавалось освоению трудовых навыков. Мыслитель утверждал, что человек только тогда обретет мудрость, когда познает секреты физического труда. В его речи «Американский ученый» говорилось: «Мне радостно оттого, что начали говорить о достоинстве труда и необходимости трудовой деятельности для каждого гражданина. Любому почетно работать мотыгой и лопатой – и тому, кто образован, и тому, кто нет» [7, с. 15].

Приобщение детей к труду, по мнению миссис Марч, – это одна из главных обязанностей матери. Ее наставления созвучны известным сентенциям Вольтера о труде: «Работа благотворна, и ее хватит на всех; она поможет уберечься от скуки и зла; она полезна для здоровья тела и духа, она дает нам чувство силы и независимости больше, чем богатство или следование моде» [3, с. 199]. Когда с наступлением лета девочки решают только играть и отдыхать, мать позволяет им на собственном опыте убедиться в том, что «одни развлечения без работы ничуть не лучше, чем одна работа без развлечений» [3, с. 184], и после этого дает дочерям мудрый совет: «Отведите себе часы для работы и для отдыха, сделайте каждый день полезным и приятным... Тогда юность будет приятна, старость принесет мало сожалений о прошлом и жизнь окажется красивой и счастливой, несмотря на бедность» [3, с. 200].

Еще один урок связан с ценностными ориентирами в жизни человека. Миссис Марч в своих мечтах хочет видеть дочерей «хорошими женами хороших мужей», но предупреждает их, чтобы они не отождествляли счастливую жизнь с обеспеченным существованием: «Деньги – необходимая и ценная вещь и, когда их правильно используют, могут служить благородной цели, но я не хочу, чтобы вы думали, будто это главное и единственное благо, к которому нужно стремиться. Я предпочла бы увидеть вас женами бедных мужей, если только вы будете счастливы, любимы, довольны, чем королевами на тронах, но лишенными самоуважения и душевного покоя» [3, с. 165]. Критика меркантилизма и тщеславия (Кинги, Моффаты, теть Марч) и идея межсословного равенства (мистер Лоренс и его внук Теодор (Лори)), выраженные в повести, созвучны, скорее, не взглядам Эмерсона, а установкам Г. Торо и Б. Олкотта. Стяжательству и материальному комфорту герои произведения противопоставляют духовную свободу и самосовершенствование.

В жизни семьи Марч гармонично сочетаются трудовая и духовно-творческая деятельность: девочки устраивают представления домашнего театра, выпускают газету, ухаживают за садом, в котором у каждой есть свой участок; они учатся выполнять каждодневные обязанности по хозяйству. В доме царит «солнечная» атмосфера «со смехом, поцелуями и веселыми объяснениями». Автор на протяжении всего повествования культивирует идею домашнего очага. Вместе с тем юные героини Олкотт учатся преодолевать трудности, побеждать в себе «внутренних врагов», вырабатывают такие важные качества, как самопожертвование, умение сострадать и оказывать моральную поддержку. Все вместе они помогают обездоленной многодетной матери, спасая ее семью от голодной смерти. Джо расстается со своими роскошными локнами и продает их, чтобы материально помочь матери ухаживать за раненым отцом, находящимся в военном госпитале. Сложным испытанием для сестер становится тяжелая болезнь Бесс: в этот период они осознают, как сильны их родственные узы. В этой ситуации проверяется на прочность и дружба между Лори и Джо, начинающей понимать значимость моральной поддержки близкого человека. Трактовка писательницей любви и дружбы как бескорыстного, возвышающего душу общения, которое основано на духовном родстве, близка эмерсоновскому пониманию этих важных проявлений человеческой личности. Американский мыслитель писал: «Любите, и Вас полюбят. Любовь истинна в математическом смысле, как две части алгебраического тождества» [8, с. 96]. Эмерсон сформулировал «закон компенсации», согласно которому все явления мира уравнивают друг друга, а потому все высокие, гуманистические поступки обязательно будут вознаграждены и будут способствовать усовершенствованию и самого человека, и общества: «Совершая добро, я обнаруживаю истинность своего существования, любой мой добродетельный поступок дополняет гармонию мира; я возделываю пустыню, отвоеванную у хаоса и небытия, и вижу, как рассеивается мрак у границ горизонта. Любви, так же как и знания, и красоты, не может быть слишком много» [8, с. 101]. Этико-эстетический идеал Эмерсона, выраженный в этом утверждении, был воплощен в произведении «Маленькие женщины».

Также Л. М. Олкотт выражает в своей повести важную для учения Эмерсона идею общественного служения: мистер Марч выполняет свой гражданский долг, сражаясь за свободу и демократию, миссис Марч посвятила себя деятельности Общества поддержки армии, их дочери вяжут теплые вещи, чтобы отправить их на фронт. Проявляя гражданскую сознательность, герои повести также отстаивают свои права, защищают честь и достоинство. Это ярко проявляется в сцене, когда школьный учитель за небольшую провинность унижает Эми, применяя телесное наказание, и миссис Марч гневно осуждает его за это.

Эмерсон не раз заявлял, что лучшие моменты в жизни человека связаны с доверием и полным взаимопониманием, которые проявляются в откровенных разговорах. В повести «Маленькие женщины» немало эпизодов общих семейных бесед и диалогов матери с каждой из своих дочерей. Миссис Марч учит, как побеждать в себе самодовольство и тщеславие, как прощать близкого человека, как обуздать в себе ярость и жестокосердие, как не поддаваться искушениям. Беседуя с Джо, которая страдает от собственной неуравновешенности и вспыльчивости, мать говорит, что сама всю жизнь работает над собой, и своим признанием приводит дочь в изумление. Это откровение стало для Джо «лучшим уроком, чем самое мудрое наставление или самый резкий упрек, сочувствие и доверие, оказанное ей, сразу принесли облегчение» [3, с. 134]. Идеальная мать, миссис Марч заботится также о том, чтобы дочери постоянно общались с природой, сознавая значимость ее этического и эстетического влияния на душу человека. Эти мысли писательницы конгениальны идеям трансценденталистов, которые

наделяли природу высшим нравственным смыслом. По словам Э. Ф. Осиповой, Эмерсон, как все пантеисты, «растворял Бога в природе, и мистическое общение с Богом на лоне природы было для него обязательным условием морального совершенствования» [4, с. 189]. Г. Торо искренне верил, что можно приобщиться к сверхдуше, если побродить по полю, вслушаться в звуки леса и пение птиц. Природа, по мнению трансценденталистов, является источником Красоты, Истины и Добра. Для юных героинь Олкотт возвышенным ритуалом становится традиционный выход на природу не для увеселительных прогулок и забав, а для спокойного созерцательного общения с ней. Девочки занимаются рукоделием на фоне прекрасного пейзажа, беседуют по душам, строят планы на будущее. Это важная часть игры в пилигримов, когда природа помогает осознать божественную сущность мира и место человека в нем. Возвышенность, где обычно они располагаются, сестры называют Горой Услады, свои мечтания – Воздушными Замками, а цель своих устремлений – Небесным городом.

Таким образом, в повести Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» прослеживается тесная связь авторской мысли с философскими и нравственно-эстетическими исканиями эпохи, прежде всего с учением трансценденталистов. Писательница сумела создать новую концепцию личности, способной жить по совести, подчиняясь более высоким, чем общественные установки, божественным законам и занимаясь самоусовершенствованием посредством любви, физического труда и близости к природе. Автор повести «Маленькие женщины» немало сделала для пропаганды духовно-философских идей своего времени, заставляя философию трансцендентализма говорить простым языком, понятным огромной аудитории ее читателей. В то время как Р. Эмерсон поучал публику своими эссе, которые можно назвать светскими проповедями, Л. М. Олкотт воплотила его постулаты в форме эпического цикла (идеи духовного воспитания и самореализации личности получили развитие не только в «Маленьких женщинах», но и в произведениях «Хорошие жены» (1869), «Маленькие мужчины» (1871) и др.). Олкотт выразила новый взгляд на предназначение женщины, убедительно доказав, что ее судьба может определяться не только удачным браком, но и собственным талантом и духовными запросами. Повесть «Маленькие женщины» стала своеобразным учебником жизни для многих современников автора, которые видели в произведении образец семейных взаимоотношений, а также находили ответы на вопросы, связанные с воспитанием личности.

Список литературы

1. Белова А. О. Творчество Луизы Мэй Олкотт в контексте детской литературы Англии и США второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. М., 2013. 243 с.
2. История литературы США : в 5 т. Т. 2. Литература эпохи романтизма / отв. ред. А. М. Зверев. М. : Наследие, 1999. 461 с.
3. Олкотт Л. М. Маленькие женщины. М. : АСТ, 2020. 384 с.
4. Осипова Э. Ф. Ральф Эмерсон и американский романтизм. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. 192 с.
5. Шишкова И. А. Сентименталистская революция и викторианские ценности в литературе США // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 86–90.
6. Elbert S. A Hunger for Home. Louisa May Alcott's Place in American Culture. New Brunswick : Rutgers University Press, 1987. 346 p.
7. Emerson R. W. Essays and English Traits by Ralph Waldo Emerson / ed. Ch. W. Eliot. New York : Cosimo Inc., 2009. 500 p.
8. Emerson R. W. Complete Works : in 12 vol. Vol. 2. Boston. New York : Houghton, Mifflin and Company, 1876. 290 p.
9. «Little Women» and the Feminist Imagination: Criticism, Controversy, Personal Essays / eds. J. M. Alberghene, B. L. Clark. London ; New York : Routledge, 2013. 496 p.
10. Matteson J. Eden's Outcasts: The Story of Louisa May Alcott and Her Father. New York : W. W. Norton & Company, 2007. 512 p.
11. McFall G. How Louisa May Alcott's Mother Encouraged Her Early Writing. URL: <https://lithub.com/how-louisa-may-alcotts-mother-encouraged-her-early-writing> (date accessed: 07.08.2020).
12. Rogers O. Louisa May Alcott's Transcendentalism. URL: <https://liveideasjournal.org/2019/03/19/louisa-may-alcotts-transcendentalism> (date accessed: 07.08.2020).
13. Stern M. B. Louisa May Alcott: A Biography. Hanover ; London : University Press of New England, 1999. 422 p.
14. Trites R. S. Twain, Alcott, and the Birth of the Adolescent Reform Novel. Iowa City : University of Iowa Press, 2009. 232 p.
15. Wester B. S. «At Home We Work Together»: Domestic Feminism and Patriarchy in «Little Women»: Master's Thesis. Tallahassee : Florida State University, 2005.

The transcendentalist concept of education in L. M. Alcott's Novel "Little Women"

O. Yu. Polyakov¹, O. A. Polyakova²

¹Doctor of Philological Sciences,
professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. Researcher ID: X-9101-2018. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

²PhD of Philological Sciences, associate professor
of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ethical and pedagogical conception of L. M. Alcott, its genesis and artistic means of its implementation in the novel "Little Women" (1868). The relevance of this problem is caused not only by the insufficient volume of works on the work of L. M. Alcott in Russian literary studies, but first of all by the need to clarify the specifics of the writer's artistic method, which combines the poetics of romanticism and realism, to identify the originality of the reception of ideas of transcendentalism in her creative heritage, and to characterize the features of moralization in the novel "Little Women".

L. M. Alcott's philosophical and ethical views were formed under the influence of the founder of transcendentalism, R. Emerson. The article traces how the writer implements his ideas in the novel "Little Women", building on their basis her program of personal education in combination with feminist views. In particular, the article describes the moral and philosophical meaning of the title of the work, which reveals the idea of "self-building" of the individual; it shows how the system of images of the novel's characters embodies various variants of women's fate, expanding traditional ideas about the gender role of women in society. Special attention is paid to the peculiarities of revealing the transcendentalist concept of education on the symbolic and allegorical level of the work, connected with the playing plan: Alcott actualizes the work of J. Bunyan's "Pilgrim's Progress" to show how the "playing pilgrims" played by the heroines becomes a means of their moral self-improvement and spiritual self-reliance.

The article also shows how Alcott was influenced by Emerson's ideas about the role of labor in the upbringing of a harmoniously developed personality, his "law of compensation", which encourages people to humanistic acts, as well as ideas about civil service and education in accordance with the laws of nature, which is the source of Beauty, Truth and Goodness.

However, Alcott did not follow the views of the leader of transcendentalism in everything. In particular, the criticism of mercantilism and vanity and the idea of inter-word equality expressed in the story are in tune, rather than with the views of Emerson, but with the attitudes of G. Thoreau and B. Alcott.

Relying on the teachings of her contemporaries, the writer managed to elaborate and creatively embody in her work a new concept of a person who can live according to conscience, obey divine laws higher than social attitudes, and engage in self-improvement through love, physical labor and proximity to nature.

Keywords: transcendentalism, L. M. Alcott, R. Emerson, "self-confidence", gender issues.

References

1. Belova A. O. *Tvorchestvo Luizy Mej Olkott v kontekste detskoj literatury Anglii i SShA vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03* [Creativity of Louise May Olcott in the context of children's literature in England and the USA of the second half of the XIX – early XX centuries : dis. ... PhD of Philol. Sciences : 10.01.03]. M. 2013. 243 p.
2. *Istoriya literatury SShA : v 5 t. T. 2. Literatura epohi romantizma – History of literature in the USA : in 5 vols. Vol. 2. Literature of the romantic era / ed. by A. M. Zverev. M. Nasledie. 1999. 461 p.*
3. *Alcott L. M. Malen'kie zhenshchiny* [Little women]. M. AST. 2020. 384 p.
4. *Osipova E. F. Ral'f Emerson i amerikanskij romantizm* [Ralph Emerson and American romanticism]. SPb. St. Petersburg University. 2001. 192 p.
5. *Shishkova I. A. Sentimentalistskaya revolyuciya i viktorijskie cennosti v literature SShA* [Sentimental revolution and Victorian values in the literature of the USA] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Kostroma State University*. 2019. No. 2. Pp. 86–90.
6. *Elbert S. A Hunger for Home. Louisa May Alcott's Place in American Culture*. New Brunswick : Rutgers University Press, 1987. 346 p.
7. *Emerson R. W. Essays and English Traits by Ralph Waldo Emerson / ed. Ch. W. Eliot*. New York : Cosimo Inc., 2009. 500 p.
8. *Emerson R. W. Complete Works : in 12 vol. Vol. 2*. Boston. New York : Houghton, Mifflin and Company, 1876. 290 p.
9. "Little Women" and the Feminist Imagination: Criticism, Controversy, Personal Essays / eds. J. M. Alberghe, B. L. Clark. London ; New York : Routledge, 2013. 496 p.
10. *Matteson J. Eden's Outcasts: The Story of Louisa May Alcott and Her Father*. New York : W. W. Norton & Company, 2007. 512 p.

11. *McFall G.* How Louisa May Alcott's Mother Encouraged Her Early Writing. Available at: <https://lithub.com/how-louisa-may-alcotts-mother-encouraged-her-early-writing> (date accessed: 07.08.2020).
12. *Rogers O.* Louisa May Alcott's Transcendentalism. Available at: <https://liveideasjournal.org/2019/03/19/louisa-may-alcotts-transcendentalism> (date accessed: 07.08.2020).
13. *Stern M. B.* Louisa May Alcott: A Biography. Hanover ; London : University Press of New England, 1999. 422 p.
14. *Trites R. S.* Twain, Alcott, and the Birth of the Adolescent Reform Novel. Iowa City : University of Iowa Press, 2009. 232 p.
15. *Wester B. S.* "At Home We Work Together": Domestic Feminism and Patriarchy in "Little Women": Master's Thesis. Tallahassee : Florida State University, 2005.

«Город мечты»: образ Нижнего Новгорода в интерпретации А. де Кюстина и Т. Готье

Н. М. Ильченко¹, Е. И. Никанорова²

¹доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной филологии,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.

Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

²аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.

Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается изображение Нижнего Новгорода французскими путешественниками – А. де Кюстином и Т. Готье, посетившими нижегородскую ярмарку в августе 1839 г. и в августе 1861 г. соответственно. Несмотря на разницу во взглядах, оба путешественника представляют одну культуру и проявляют искренний интерес к образу Другого – чужой стране, другому народу, инонациональной культуре. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблеме региональной национальной идентичности.

Показано, что образ Нижнего Новгорода в книгах путешествий А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843) и Т. Готье «Путешествие в Россию» (1858–1861; 1867) имеет четкие топографические ориентиры (нижегородская ярмарка, названия улиц, площадей и др.), конкретные приметы городского нижегородского пространства (кофейня, фонтан на площади, губернатор, особенности одежды и др.). Особое внимание путешественники уделяют описанию местоположения города, Волге как своеобразной эмблеме русского мира и ярмарке как основному символу Нижнего Новгорода. Представлены результаты сопоставительного анализа произведений французских путешественников, создавших свою интерпретацию нижегородского пространства, ставшего своеобразным олицетворением России с оппозицией безграничность/тоска, бескрайние просторы/печаль. Новизна исследования связана с тем, что Нижний Новгород показан как пространство, ярко выявляющее незыблемое и особенное, что есть в нации; этот своеобразный «комплекс» идентичности проанализирован с использованием современного научного аппарата имагологии.

Такой подход позволил показать в исторической перспективе особенности формирования нижегородского текста, создававшегося в литературе путешествий на протяжении веков как отечественными, так и иностранными авторами.

Ключевые слова: путешествие, чужое, топос, ярмарка, пространство.

Развитие урбанистики в литературоведении связано со значимостью проблематики и поэтики пространства, что проявляется в исследованиях последнего времени [2; 8; 9; 14; 16]. Литературный образ городского пространства рассматривается в качестве «метаязыка описания культуры» [15, с. 463]. Категория пространства, будучи универсальной, проявляется «в художественном тексте любого жанра, направления и стиля» [10, с. 7]. Литературная форма описания путешествий правдиво и ярко позволяет запечатлеть атмосферу того или иного топоса. «Гений места», связывающий такие явления, как интеллектуальные, духовные, эмоциональные, с конкретным местом, по-разному проявляется в жанре путешествия, соединяющего в себе путевые заметки, мемуары, письма, элементы путеводителя и др. [4].

Восприятие города (страны) иностранными путешественниками является, с одной стороны, своеобразным «документом эпохи». Для анализа выбирается образ Нижнего Новгорода, национально значимого пространства, в восприятии французских путешественников – А. де Кюстина и Т. Готье. В своих книгах путешествий – «Россия в 1839 году» («La Russie en 1839», 1843) и «Путешествие в Россию» («Voyage en Russie», 1858–1861; 1867) – они выразили свое восприятие Нижнего Новгорода. Взгляд «посторонних» позволяет увидеть город не только реальным, каким он был в середине XIX века, но и необычным, поскольку «чужое» восприятие, по словам Г. Брандеса, способно увидеть такие особенности, «на которые туземец не обратит даже внимания, потому что постоянно видит их перед собою, а главным образом потому, что сам ими отличается» [2, с. 2].

Период, избранный для путешествия, всегда значим. Отношения России и Франции после жестокого подавления польского восстания 1831 года были достаточно сложными. Однако антирусские настроения, господствующие во французском обществе, не задержали

А. де Кюстина (1790–1857). Цель его поездки объяснялась во многом личными причинами: отец и дед писателя были казнены во время Великой французской революции, что заставило маркиза отправиться в далекую страну, чтобы убедиться в преимуществах самодержавной формы правления, существовавшей в России. Поэтому французского путешественника особо интересовала монархическая система власти, он много рассуждает об исторических, социальных, политических проблемах. Т. Готье (1811–1872) – знаменитый поэт, автор теории «искусство для искусства», посетивший Россию дважды, в 1858–1859 гг. и в 1861 г., политикой не интересовался. Оказавшись в стране в период подготовки и отмены крепостного права, писатель не дает оценки этому важному в истории России событию. Несмотря на разницу политической ориентации, оба путешественника – представители одной культуры, оказавшиеся в Нижнем Новгороде с несущественной разницей во времени. А. де Кюстин посетил город в конце августа 1839 года, а Т. Готье – в конце августа 1861 года; маршрут их путешествия совпадает: они добирались от Ярославля, только маркиз по суше, а Т. Готье по воде.

Обычно самой эмоциональной становится первая встреча с городом. А. де Кюстин свое восхищение местоположением города сформулировал лаконично и четко: «Место, где расположен Нижний, – самое красивейшее из всех виденных мною в России» [13, с. 24] («Le site de Nijni le plus beau que j'aie vu en Russie» [19, p. 250]). Мнение французского путешественника совпадает с позицией русских путешественников. Так, М. Невзоров, посетивший Нижний Новгород в 1800 году, называет его «царственным» и полагает, что город «достоин быть столицею столь пространного царства, какова Россия» [17, с. 454]. Эпитеты «красивейший», «царственный», «величественный» и им подобные встречаются при характеристике нижегородского пространства. А. де Кюстин использует и другие в своем описании: «Перед вами... настоящая гора, образующая могучий мыс при слиянии Волги и Оки. Обе эти реки одинаково величественны... На этой-то горе выстроены Нижний Новгород, господствующий над необъятной, как море, равниной» [12, с. 279].

Т. Готье еще до второго путешествия говорит о мистической связи с Нижним Новгородом: «Названия некоторых городов неотвратимо занимают наше воображение и годами, словно заученная музыкальная фраза, от которой невозможно отделаться... Нижний Новгород уже давно вызывал во мне непреодолимое влечение» [5, с. 349]. Т. Готье тоже отмечает своеобразие местности: «Нижний Новгород стоит на возвышенности, которая после бесконечной вереницы равнин, проплывавших мимо нас, создает впечатление настоящей горы» [5, с. 381] («Nijni Novgorod s'élève sur une éminence qui, après l'interminable succession de plaines qu'on vient de traverser, produit l'effet d'une montagne sérieuse» [20, p. 402]). В отличие от своего предшественника, он дает более красочное описание пространства, используя цветовую символику: «украшенная зеленью набережная», «луковицеобразные купола» церквей в кремле с «золотыми крестами», «красные здания с белыми оконными переплетами» на набережной и др. [5, с. 382] («le quai égayé de verdure», «des clochers bulbeux à croix dorées», «de grands batiments rouges aux fenêtres encadrées de blanc» [20, p. 402]).

Можно говорить о проницательности Т. Готье, сумевшего воплотить городскую среду в художественный образ. Рассматривая пространство, открывающееся взору, он рисует следующую картину: «...я открыл безграничную панораму, великолепнейший вид: по слегка волнистым равнинам... широкими кольцами извивалась Волга... На берегу реки с моей стороны глаз различал несколько домиков, отсюда они казались еще меньше, чем знаменитые нюрнбергские игрушечные деревни в коробках... Это был поистине русский пейзаж» [5, с. 396]. Описание Т. Готье практически полностью воспроизводит картину А. К. Саврасова «Печерский монастырь близ Нижнего Новгорода», которая будет написана через десять лет в 1871 году и будет воспринята современниками как запечатлевшая особенно выразительно национальный русский пейзаж: бесконечное течение реки, серые живописные домики слободки, уходящая за горизонт равнина и на заднем плане монастырь. Еще одним доказательством глубокого постижения «чужого» является фрагмент повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845), где это же пространство описывается как типично русское: «Налево у ног ваших, под ужасною крутизною, вы увидите широкую реку-матушку, любимую народом... Направо, на скате горы, громоздятся дружною кучей между кустов и деревьев живописные хаты... а над ними... вы увидите белую ленту монастырской ограды, из среды которой возвышаются куполы церквей и келии иноков» [18, с. 249]. Получается, что французский путешественник посмотрел на Нижний Новгород глазами заинтересованного наблюдателя, он увидел «чужое» пространство изнутри. «Русский пейзаж», образ России – это Волга с ее необозримым природным

пространством. Волга является символом России. Т. Готье выделяет бескрайние просторы, открывающиеся перед взором: «Все терялось, стиралось, таяло в безмятежной лазоревой шире ландшафта, немного печальной и напоминающей морскую безграничность» [5, с. 396]. Однако ширь ландшафта, в представлении Т. Готье, соединяется с вызываемым ею чувством печали. Именно эта оппозиция – безграничность и тоска, бескрайние просторы и печаль – становится для французских путешественников олицетворением России, осознанном в пределах нижегородского пространства.

А. де Кюстин – страстный поклонник русской песни. Он рассказывает о сильном впечатлении от пения мужского хора, которое услышал на берегу Волги: «Окружающий пейзаж не смягчает пронизывающей их печали» [13, с. 47–48] («La tristesse des sons n'est pas mitigée par la décoration de la scène» [21, pp. 277–278]). В этот «печальный» пейзаж входит Волга, берега которой называются «безлюдной равниной», «тусклым краем» [13, с. 48]. Слова «тоска», «печаль» в связи с описанием бескрайних волжских просторов повторяются. Близкое восприятие национальной русской реки дается в книге путешествий А. Дюма «От Парижа до Астрахани. Свежие впечатления от путешествия в Россию» («De Paris a Astrakan: nouvelles impressions de voyage» (1862)). В Нижнем Новгороде знаменитый французский писатель оказался в октябре 1858 года. «Я не знаю зрелища более печального и однообразного, чем Волга... Однообразие этого громадного потока не скрашивает ни один островок; ни одно судно, ни одна лодка не оживляла речную гладь; это было одиночество под сумрачным гнетом своего правителя – тишины» [6] («Je ne sais rien de plus triste et de plus uniforme que l'aspect du Volga. Pas une île qui rompe la monotonie de cet immense cours d'eau; pas un bateau, pas une barque qui l'anime, c'est la solitude sous la sombre domination de son roi légitime, le silence» [19, pp. 164–165]). Тоска, полагает А. Дюма, возникает и от созерцания «бесконечных равнин», «пустынных бесконечных дорог». «Власть пространства», «опьянение пространством» – выражения, к которым обращаются иностранцы при характеристике бескрайних просторов России.

Для русских людей Волга – тоже олицетворение бескрайних просторов, но образ реки сливается не с понятиями «тоска», «печаль», а с понятиями «свобода», «удаль», «воля» [7]. Волга – своеобразная эмблема русского мира, часть национальной истории и культуры. Об «упоительности необозримой дали», «ни с чем не сравнимым» «простором русским» писали И. Е. Репин и Ф. И. Шаляпин, М. Горький и Б. Корнилов, многие знаменитые русские писатели, ученые, художники, которые в разное время гуляли по Нижегородскому откосу и любовались с высоты кремля «могучим потоком и перспективой равнинной заволжской дали» [11].

Символ Нижнего Новгорода – ярмарка. Она была перенесена сюда после пожара, уничтожившего в 1816 году Макарьевскую ярмарку. Первое, что бросается в глаза французским путешественникам, – толпы людей: «В одном только месте в России видел я настоящую толпу – в Нижнем, на мосту через Оку, единственном пути сообщения между городом и ярмаркой» [12, с. 281]. Ему вторит Т. Готье: «... по обеим сторонам моста через Оку... текли толпы людей» [5, с. 387]. Оба путешественника обращают внимание на существующую взаимосвязь человека и места. По подсчетам А. де Кюстина, в Нижнем Новгороде, где проживает двадцать тысяч жителей, в период ярмарки (т. е. на три месяца в году) количество жителей увеличивается в десять раз, а потом жизнь в городе снова замирает. «Девять месяцев в году, пока ярмарка пустует, в Нижнем едва ли наберется двадцать тысяч жителей, затерянных среди его обширных улиц и безлюдных площадей» [13, с. 27].

Одно из часто повторяющихся наблюдений маркиза – «мало людей» для столь «огромных пространств» [12, с. 285]; «ярмарочный городок, как и все современные города России, слишком просторен» [13, с. 34]; «расстояния в России огромны» [12, с. 290]. Т. Готье поэтично говорит об «опьянении пространством», о «безграничной панораме» [5, с. 370, 396]. В восприятии одного пространства проявляется субъективность авторской позиции. Т. Готье иногда просто констатирует необозримость пространства, иногда с восхищением пишет о богатстве просторов: «река широка», «скопление судов... огромно», «ширилась площадь» [5, с. 381–382], а А. де Кюстин всегда подчеркивает контраст: «Этот чинный базар кажется пустынным – так он велик» [12, с. 285] («C'est une bazar en carré long qui paraît solitaire, tant il est grand» [21, p. 262]).

Системы лейтмотивов, пронизывающих описание ярмарки, тоже разные. А. де Кюстин, похвалив «картинный» вид ярмарки, отмечает ее расположение «на огромном треугольнике песчаной, совершенно плоской суши», подчеркивает ее вид как «слишком уж обширный и плоский», ярмарочный городок «плоский, как скатерть», «бесплодная равнина», «сплошная безлюдная равнина» [13, с. 33, 36, 43, 48]. Эти описания Нижнего Новгорода вписываются

в общую картину восприятия А. де Кюстином России: «Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина без красок, без очертаний» [12, с. 277]. Особое внимание маркиз уделяет климатическим условиям, давая им оценку в негативной форме. Он называет в целом природу России «скудной», а климат – «смертоносным» [12, с. 224]. Нижний Новгород встретил маркиза «тропической жарой и удушливой пылью» (письмо датируется 24 августа 1839 года, вечером). К описанию «удушливого зноя, пыли», угнетающе действующих на путешественника, перепадов дневной и ночной температур А. де Кюстин возвращается несколько раз [12, с. 287, 303 и др.] и делает вывод о непереносимости местного климата.

Феномен топоса представлен у Т. Готье иначе и зависит не столько от объективных причин (политических, социальных, а также от географического положения, климатических условий), сколько от субъективных, нацеленных на позитивное восприятие: «Климат умеренный и здоровый» [5, с. 347]. Интересно, что второе путешествие в Россию приходится на август-октябрь 1861 года, но пишет он о зиме и отходит от привычного стереотипа: «Русские, к какому бы классу они ни принадлежали, в большинстве случаев люди зябкие, хотя на Западе и воображают, что они не страдая переносят самые жестокие холода» [5, с. 356]. Во время первого путешествия в Россию (сентябрь 1858 – март 1859) Т. Готье страдал от зимнего холода, но подчеркивал благотворное влияние зимней погоды на русских людей.

Подробное описание ярмарки содержится в путевых записках А. де Кюстина, тогда как Т. Готье дает образное восприятие всему увиденному. Маркиз подробно описывает «чайный город», «город тряпья» (или ветошный), «город железа», «город кашемирской шерсти», «город сушеной и соленой рыбы», «кожаный город». Главным товаром, определяющим стоимость всех других, является чай. «Время расцвета Нижегородской ярмарки – середина и вторая половина XIX века, а чай на ней, наряду с текстилем, изделиями из металлов, шерстью и шелком, – одна из главных статей дохода» [1, с. 36]. А. де Кюстин подробно описывает маршрут, по которому чай из Китая попадает в Нижний Новгород. В книге «Что вам нужно в этом Нижнем?..» (Нижний Новгород : Книги ; ДЕКОМ, 2011), где использован перевод с французского В. А. Мильчина, И. К. Стаф (Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во Сабашниковых, 1996. 528 с.) ошибочно напечатано: «Чай доставляется в Россию через Вятку, расположенную в глубине Азии» [13, с. 37] («Le thé vient de la Chine en Russie par Kiatka, qui est au fond de l'Asie» [21, р. 265]). На самом деле речь идет о Кяхте – городе, который находится в Забайкалье рядом с монгольской границей.

Т. Готье интересуется – есть ли на ярмарке китайцы, поскольку известно, что они не любят выезжать за пределы своей страны. Действительно, в Нижнем Новгороде оказался только один китаец, и «тот, чтобы избавиться от назойливых любопытных, в конце концов облачился в европейский костюм» [5, с. 391]. Внешние наблюдения становятся частью социально-этической характеристики жизни Нижнего Новгорода ярмарочного периода. «Местом для деловых свиданий служат чайные, которые обычно как бы прячутся за фонтанами для омовений, устроенными на мусульманский лад» [5, с. 390]. Чаепитие с середины XIX века стало своеобразным проявлением общественной жизни: «За чаем нередко решались все самые важные дела, обсуждались самые серьезные вопросы» [1, с. 276]. Т. Готье обращает внимание, что во время заключения сделки торговцы «пьют из блюда горячий, как кипятки, чай вприкуску, разговаривают с совершенным безразличием, как будто бы в этих безучастных на первый взгляд беседах не идет речь об огромных прибылях» [5, с. 390]. Французские путешественники подмечают особенности национального чаепития.

Оба путешественника с восхищением говорят о «подземном городе», созданном А. Бетанкурром. Под каждым ярмарочным рядом была проведена подземная галерея, которая промывалась водами подземных рек: «Это гигантское и необычное сооружение, может быть, единственное в своем роде во всем мире, благодаря такой ассенизационной системе много раз изгоняло из этих мест холеру и чуму» [5, с. 392]. А. де Кюстин называет это сооружение одним из «самых грандиозных», которые он видел в России: «По своей величине и прочности это напоминает Рим» [13, с. 35].

Т. Готье дает яркие характеристики разным типам людей, встречаемым на ярмарке: «скуластые татары с прищуренными глазами и вздернутыми носами, какие обычно рисуют на профиле луны, толстогубые, желтолицые с зелеными тенями на выбритых висках», персы «с овальным вытянутым лицом, длинным носом с горбинкой, блестящими глазами, густыми черными бородами», армяне, «одетые в узкие куртки с широкими рукавами», черкесы «с осинными талиями и большими меховыми папахами на головах» [5, с. 390].

А. де Кюстин отмечает «несхожесть по облику, по одежде и языку, по верованиям и нравам» купцов, съехавшихся на ярмарку [13, с. 27]. Однако он отмечает близость восточных людей: «их можно поделить на два разряда: у одних обезьяньи лица (калмыки, монголы, башкиры, китайцы), у других греческий профиль (черкесы, персы, грузины и индийцы и проч.)» [13, с. 33]. Если, описывая русских, Т. Готье обращает внимание на розовый цвет рубахи [5, с. 356, 388, 390], то А. де Кюстин говорит о «белых с красной вышивкой рубахах навывпуск», полагая, что «такой костюм заимствован у татар» [13, с. 36]. Маркиз обычно подчеркивает близость русских к Востоку: «Лица персиян производят немного впечатления в здешних краях, где местные жители – сами азиаты и хранят отпечаток своего происхождения»; «русские и есть азиаты, пообтесавшиеся, но вряд ли цивилизованные» [13, с. 41, 47]. Одна из основных характеристик русских – молчаливость, она тоже роднит их с азиатами, которые «сохраняют важность даже в развлечениях» [13, с. 47]. Молчаливость вместе с осторожностью лежат в основе повседневного порядка и приравниваются А. де Кюстином к «тоске и забитости» [13, с. 46]. Т. Готье тоже отмечает молчаливость: на ярмарке, где сходится много людей, обычно шумно, «но толпа русских молчалива» [5, с. 387].

Еще одну особенность, характерную для русских, отмечают в Нижнем Новгороде французские путешественники – необыкновенную ловкость людей, управляющих лошадьми. «Когда мы ехали по мосту, мне казалось, что прежде чем достигнуть противоположного берега, мы раздавим не меньше двух десятков человек» [12, с. 281]. Ему вторит Т. Готье: «По обеим сторонам моста через Оку, вымощенного, как палуба парохода, брусьями, тянулись дощатые тротуары. Здесь текли толпы людей, а по проезжей части неслись повозки со скоростью, которая в России ничем не сдерживается. Но благодаря изумительной ловкости кучеров и удивительному послушанию пешеходов несчастных случаев не происходило» [5, с. 387].

Маркиз признает верность известного ему стереотипа: «я вспоминаю часто слышанное мною утверждение, что русские необычайно ловки и искусны, и вижу, как это верно» [12, с. 275]. Т. Готье подчеркивает «смешливость» нижегородских извозчиков, внутренним чутьем определяющих, кого и куда нужно везти. Еще одним качеством нижегородцев восхищается французский путешественник – «религиозной терпимостью»: православная церковь и мечеть располагаются рядом, и оба вероисповедания пребывают в «добрососедских отношениях» [5, с. 395].

Особенности русского национального характера, по мнению А. де Кюстина, ярко проявляются в песне. Врожденную музыкальность он называет «одним из даров» «этой избранной нации». Русскую песню отличают «меланхолические напевы», «печальные тона», «мелодичность», «хоровое исполнение», делающее ее возвышенной [12, с. 275]. А. де Кюстин побывал с губернатором в нижегородском воинском лагере и услышал, как «шестьсот человек рядом пели молитву, и этот военно-религиозный хор производил поразительное впечатление» [13, с. 52]. Путешественник использует многочисленные сравнения, передавая это впечатление: «как будто под чистым и голубым небом величественно подымалось ввысь благовонное облако», молитва «подобна столбу огня и дыма, что вздымается из развороченного кратера вулкана и достигает небосвода» [13, с. 52].

А. де Кюстин слушал пение нижегородских цыган и отметил, что они «выразительней, сильнее и разнообразней» московских [13, с. 58]. Подробный анализ впечатления, рождаемого цыганской песней, описывает и Т. Готье: «Их мелодии похожи на песни птиц, шелест листьев, вздохи золотой арфы, в их ритме – отдаленный галоп лошадей в степях» [5, с. 370]. В песнях цыган выражается «тайно хранимая в глубине сердца любовь к независимости и бродячей жизни, они вдыхают в вас странную тоску по неведомым странам» [5, с. 368].

Для русской песни характерна «глубокая грусть». А. де Кюстин воспринимает ее с помощью много раз повторенного слова «жалоба»: «песня их есть замаскированная жалоба», «жалоба небу» [12, с. 267]. «В России голос человека изливает в песне жалобы небу и просит у него частицу счастья, недоступного и недостижимого на земле» [12, с. 276] («C'est ce qu'elle est en Russie où, des coins les plus reculés du désert, la voix de l'homme élève au ciel ses plaintes vengeresses pour demander à Dieu la part de bonheur qui lui est refusée sur la terre!» [21, p. 244]). Размышления о неприятности пения в устах отдельного певца, которое «приобретает возвышенный, почти религиозный характер» в пределах хора [12, с. 275], связано с типично русским концептом соборности. Поэтому скопление людей на ярмарке не порождает беспорядка, который, по словам А. де Кюстина, «в России вещь неизвестная» [12, с. 281]. «Здесь же, внутри, снова правильный порядок, тишина, безлюдье и полиция – одним словом Россия!» [13, с. 42].

Так, выделяя особенное в русском пении, услышанном в Нижнем Новгороде, маркиз определяет национальное отличие русских и создает образ России, какой он ее увидел. Он убеждается, что «вольность», «беспорядок» здесь были бы «прогрессом, потому что он – сын свободы» [12, с. 281].

Образ Нижнего Новгорода, создававшийся в литературе путешествий на протяжении веков как отечественными, так и иностранными авторами, позволяет определить значимость нижегородского текста и создает основу для развития исследований, важных для регионального самосознания. Сопоставление книг путешествий А. де Кюстина и Т. Готье приводит к выводу об их стремлении понять другую жизнь. Создавая образ Нижнего Новгорода, оба путешественника опирались на существующую взаимосвязь человека и места. *Genius loci* для них – способ понять особенности истории, культуры и национального характера. Для Т. Готье свойственно позитивное изображение «чужого», он изнутри показал национальный русский пейзаж, увидев его именно в Нижнем Новгороде. А. де Кюстин проявил тенденциозность в воспроизведении России и русских, он представил образ Нижнего Новгорода извне – это голос «чужого» в пространстве города. Вместе с тем можно констатировать, что воспроизведение образа города французскими путешественниками достаточно полное, хотя и неожиданное.

Список литературы

1. *Басманова Э.* «Пейте чай, мой друг старинный...». Чай, обычаи чаепития и чайный этикет в русской бытовой культуре XVII – начала XX века. М. : Новый хронограф, 2016. 536 с.
2. *Башиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 376 с.
3. *Брандес Г.* Литература XIX века в ее главных течениях. Немецкая литература / пер. с нем. П. Д. Порозовской и В. И. Писаревой. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1900. 185 с.
4. *Вайль П.* Гений места / посл. Л. Лосева. М. : Колибри, 2008. 488 с.
5. *Готье Т.* Путешествие в Россию / пер. с франц. и коммент. Н. В. Шапошниковой. М. : Мысль, 1988. 396 с.
6. *Дюма А.* Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. URL: https://royal-lib.com/read/dyuma_aleksandr/iz_pariga_v_astrahan_svegie_vpechatleniya_ot_puteshestviya_v_rossiyu.html#0 (дата обращения: 21.03.2020).
7. *Захарова В. Т.* Онтологический статус образа реки в русской прозе XX века (по материалам мемуарно-автобиографической публицистики) // Вестник Мининского университета. 2013. № 2.
8. *Захарова В. Т.* Универсалии в русской литературе XX века (Серебряный век и русское Зарубежье) : монография. Н. Новгород : Мининский университет, 2019. 184 с.
9. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос, 2002. № 3 (34). С. 1–12.
10. *Ильченко Н. М., Маринина Ю. А.* Париж как реальное и фантастическое пространство в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ш. Бодлера // Научный диалог. 2019. № 7. С. 140–155.
11. *Каяниди Л. Г.* Структура пространства и язык пространственных отношений в поэзии Вяч. Иванова : дис. ... канд. филол. н. Смоленск, 2012. 185 с.
12. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. URL: <http://bookre.org/reader?file=349061&pg=36> (дата обращения: 25.03.2020).
13. *Кюстин А. де.* Николаевская Россия / пер. с франц. Я. Гессена и Л. Домгера. М. : Изд-во политической литературы, 1990. 352 с.
14. *Кюстин Астольф де.* Из книги «Россия в 1839 году» / пер. с франц. В. А. Мильчина, И. К. Стаф // «Что вам нужно в этом Нижнем?...». Нижний Новгород : Книги ; ДЕКОМ, 2011. С. 24–59.
15. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. П. Глазычева. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
16. *Лотман Ю. М.* О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург : Искусство – СПб, 2000. С. 462–484.
17. *Нагина К. А.* Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого : монография. Воронеж : Научная книга, 2012. 443 с.
18. *Невзоров М.* Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году // Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / сост., вступ. ст. и прим. В. И. Коровин. М. : Современник, 1990. С. 440–499.
19. *Соллогуб В. А.* Тарантас // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л. : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1988. С. 191–327.
20. *Dumas Alexandre.* De Paris à Astrakan: nouvelles impressions de voyage. T. 7. Leipzig : Jung-Treutel, 1862. 202 p.
21. *Gautier Théophile.* Voyage en Russie. Paris : G. Charpentier, 1875. 438 p.
22. *Marquis de Custine.* La Russie en 1839. T. 3. Bruxelles : Société typographique Belge, 1844. 255 p.

"City of dreams": the image of Nizhny Novgorod in the interpretation of A. de Custine and T. Gauthier

N. M. Ilchenko¹, E. I. Nikanorova²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Russian and foreign philology,
Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

²postgraduate student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Abstract. The article examines the image of Nizhny Novgorod by French travelers – A. de Custine and T. Gauthier, who visited the Nizhny Novgorod fair in August 1839 and August 1861, respectively. Despite the difference in views, both travelers represent the same culture and show a sincere interest in the image of the Other – a foreign country, another people, a foreign culture. The relevance of the research is due to the growing interest in the problem of regional national identity.

It is shown that the image of Nizhny Novgorod in the travel books by A. de Custine "Russia in 1839" (1843) and T. Gauthier "Journey to Russia" (1858–1861; 1867) has clear topographical landmarks (Nizhny Novgorod fair, street names, squares, etc.), specific signs of the urban space of Nizhny Novgorod (coffee shop, fountain on the square, governor, clothing features, etc.). Travelers pay special attention to the description of the city location, the Volga as a kind of emblem of the Russian world and the fair as the main symbol of Nizhny Novgorod. The article presents the results of a comparative analysis of the works of French travelers who created their own interpretation of the Nizhny Novgorod space, which has become a kind of personification of Russia with the opposition boundlessness/longing, boundless expanses/sadness. The novelty of the research is connected with the fact that Nizhny Novgorod is shown as a space that clearly reveals the inviolable and special things that exist in the nation; this kind of "complex" of identity is analyzed using the modern scientific apparatus of imagology.

This approach allowed us to show in historical perspective the features of the formation of the Nizhny Novgorod text, which was created in the travel literature for centuries by both domestic and foreign authors.

Keywords: travel, alien, topos, fair, space.

References

1. Basmanova E. "Pejte chaj, moj drug starinnyj...". Chaj, obychai chaepitiya i chajnyj etiket v russkoj bytovoj kul'ture XVII – nachala XX veka ["Drink tea, my old friend...". Tea, tea drinking customs and tea etiquette in Russian household culture of the XVII – early XX century]. M. Novy chronograph. 2016. 536 p.
2. Bashlyar G. *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected works: Poetics of space]. M. Russian political encyclopedia. 2004. 376 p.
3. Brandes G. *Literatura XIX veka v ee glavnyh techeniyah. Nemeckaya literatura* [Literature of the nineteenth century in its main streams. German literature] / transl. from German by P. D. Porozovskaya and V. I. Pisareva. SPb. Printing house of the partnership "Public benefit". 1900. 185 p.
4. Weil P. *Genij mesta* [Genius of the place] / afterword by L. Losev. M. Kolibri. 2008. 488 p.
5. Gautier T. *Puteshestvie v Rossiyu* [Trip to Russia] / translated from French and comments by N. V. Shaposhnikova. M. Mysl. 1988. 396 p.
6. Dumas A. *Iz Parizha v Astrahan'. Svezhie vpechatleniya ot puteshestviya v Rossiyu* [From Paris to Astrakhan. Fresh impressions from a trip to Russia]. Available at: https://royallib.com/read/dyuma_aleksandr/iz_parizha_v_astrahan_svezhie_vpechatleniya_ot_puteshestviya_v_rossiyu.html#0 (date accessed: 21.03.2020).
7. Zaharova V. T. *Ontologicheskij status obraza reki v russkoj proze XX veka (po materialam memuarно-avtobiograficheskij publicistikij)* [Ontological status of the river image in the Russian prose of the XX century (based on the materials of memoir-autobiographical publicism)] // *Vestnik Mininskogo universiteta* – Herald of Minin University. 2013. No. 2.
8. Zaharova V. T. *Universalii v russkoj literature XX veka (Serebryanyj vek i russkoe Zarubezh'e) : monografiya* [Universals in Russian literature of the XX century (the Silver age and the Russian Abroad) : monograph]. N. Novgorod. Minin University. 2019. 184 p.
9. Simmel G. *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life] // *Logos* – Logos. 2002. No. 3 (34). Pp. 1–12.
10. Il'chenko N. M., Marinina Yu. A. *Parizh kak real'noe i fantasticheskoe prostranstvo v izobrazhenii E. T. A. Gofmana i Sh. Bodlera* [Paris as a real and fantastic space in the image of E. T. A. Hoffman and S. Baude-laire] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2019. No. 7. Pp. 140–155.
11. Kayanidi L. G. *Struktura prostranstva i yazyk prostranstvennyh otnoshenij v poezii Vyach. Ivanova : dis. ... kand. filol. n.* [Structure of space and language of spatial relations in poetry of Vyacheslav Ivanov : dis. ... PhD of Philological Sciences]. Smolensk. 2012. 185 p.

12. *Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij v trekh knigah* [Russian history. Complete course of lectures in three books]. Available at: <http://bookre.org/reader?file=349061&pg=36> (date accessed: 25.03.2020).
13. *Custine A. de. Nikolaevskaya Rossiya* [Nikolay's Russia] / transl. from French by Ya. Gessen and L. Domger. M. Publishing house of political literature. 1990. 352 p.
14. *Custine Astolphe de. Iz knigi "Rossiya v 1839 godu"* [From the book "Russia in 1839"] / transl. from French by V. A. Milchina, I. K. Staf // "What do you need in this Nizhnyy?..". Nizhny Novgorod. Knigi ; DECOM. 2011. Pp. 24-59.
15. *Lynch K. Obraz goroda* [The image of the city] / translated from English by V. P. Glazychev. M. Stroyizdat. 1982. 328 p.
16. *Lotman Yu. M. O metazyazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury* [On the metalanguage of typological descriptions of culture] // *Lotman Yu. M. Semiosfera* [Semiosphere]. SPb. Iskusstvo – SPb. 2000. Pp. 462-484.
17. *Nagina K. A. Prostranstvennye universalii i harakterologicheskie kollizii v tvorchestve L. Tolstogo : monografiya* [Spatial universals and characterological collisions in the work of L. Tolstoy : monograph]. Voronezh. Nauchnaya kniga. 2012. 443 p.
18. *Nevzorov M. Puteshestvie v Kazan', Vyatku i Orenburg v 1800 godu* [Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800] // *Landshaft moih voobrazhenij. Stranicy prozy russkogo sentimentalizma* – Landscape of my imaginations. Pages of prose of Russian sentimentalism / comp., introd. art. and notes by V. I. Korovin. M. Sovremennik. 1990. Pp. 440-499.
19. *Sollogub V. A. Tarantas* [Tarantas] // *Sollogub V. A. Povesti. Vospominaniya* [Stories. Memoirs]. L. Hudozhestvennaya literatura. Leningrad branch. 1988. Pp. 191-327.
20. *Dumas Alexandre. De Paris à Astrakan: nouvelles impressions de voyage. T. 7.* Leipzig : Jung-Treutel, 1862. 202 p.
21. *Gautier Théophile. Voyage en Russie.* Paris : G. Charpentier, 1875. 438 p.
22. *Marquis de Custine. La Russie en 1839. T. 3.* Bruxelles : Société typographique Belge, 1844. 255 p.

УДК 882.09

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.026

«Мысль семейная» в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1910–1920-х годов

П. Л. Микурова

аспирант 3 курса, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-2542-2130. E-mail: P.mikurova@yandex.ru

Аннотация. Ученые-филологи в последние годы все чаще обращаются к переписке Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг. Эпистолярный поэт и ученый стал предметом междисциплинарного рассмотрения, так как представляет собой семейную хронику, автобиографические записки, исторический документ, дает исследователям богатый лингвистический и литературоведческий материал. Тема семьи в период 1910–1920-х гг. была для корреспондентов знаковой. Участникам переписки, воспитанным в уважении к традиционному семейному укладу, не хватало тесного личного общения как друг с другом, так и с покинувшими страну после революции родственниками. Спустя два десятилетия эта тема уйдет для Б. Пастернака на второй план, для О. Фрейденберг же останется приоритетной, выйдя за рамки переписки и с большей силой зазвучав на страницах ее воспоминаний. Несмотря на интерес ученых к эпистолярному Б. Пастернака, до сих пор его переписка с двоюродной сестрой исследована недостаточно. Этим обусловлена актуальность настоящей статьи, цель которой – рассмотреть тему семьи в эпистолярном наследии П. Пастернака и О. Фрейденберг, с помощью дискурсивного анализа охарактеризовать «мысль семейную» в переписке данного периода. В настоящей работе тема семьи в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг анализируется в рамках биографического, сравнительного и комплексного методов при соблюдении хронологического порядка исследования.

Автор статьи приходит к выводу, что тема семьи в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг в период 1920–1930-х гг. является одной из центральных. «Мысль семейная» стала своего рода спасением участников переписки от житейских невзгод, позволяя Пастернаку и Фрейденберг чувствовать духовную опору, ощущать себя частью семьи, древнего рода, особой духовной традицией.

Ключевые слова: эпистолярный, переписка, биографический метод, тема семьи, мемуары, Ш. О. де Сент-Бев.

О существовании переписки между кузенами Б. Пастернаком и О. Фрейденберг стало известно в 1972 году, когда литературовед Н. В. Брагинская обнаружила письма корреспондентов при разборе архива О. М. Фрейденберг. Часть эпистолярия вскоре нашлась у младшего брата поэта – Александра Леонидовича. Впервые опубликованная в США в 1981 году переписка до сих пор изучена мало. Связано это в первую очередь с долгим запретом имени Ольги Фрейденберг в отечественной науке. Что же до Пастернака, то центральными объектами изучения его наследия остаются роман «Доктор Живаго» и лирика. Нельзя не согласиться с утверждением Ю. В. Макаркиной об отсутствии «фундаментальных научных работ, посвященных рассмотрению концептуального содержания <...> эпистолярного наследия Б. Пастернака» [9, с. 4].

Эпистолярное наследие выдающихся личностей часто выступает предметом научного исследования. «Мысль семейная» в переписке писателей и поэтов в отечественном литературоведении также тщательно изучается; в разные годы к ней обращались Д. В. Марьин, А. П. Дмитриев, А. В. Курьянович, Ю. А. Изумрудов, И. А. Беляева, Т. А. Кушанкина, А. И. Смирнова.

Ряд исследователей в разные годы предпринимали попытки ввести переписку Пастернака и Фрейденберг в научный оборот. Однако их материалы носят скорее обзорный (Н. В. Брагинская, А. И. Шмаина-Великанова, Е. Б. Пастернак, Д. Л. Быков) или узко-лингвистический (И. А. Губарь, Ю. В. Макаркина) характер. Попытки выделить и проанализировать темы переписки впервые осуществлены автором данной статьи¹. Цель настоящей работы – выделить и рассмотреть тему семьи в эпистолярном наследии Б. Пастернака и О. Фрейденберг, с помощью дискурсивного анализа охарактеризовать в переписке «мысль семейную», высветить личности корреспондентов в новом свете.

© Микурова П. Л., 2020

¹ Микурова П. Л. Особенности рецепции эпистолярного наследия Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг // Текст, контекст, интертекст : сб. науч. трудов. Т. 2. М. : Изд-во МГПУ, 2019. С. 206–214; Микурова П. Л. Философское содержание переписки Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг 30–40-х годов XX века // Художественный текст глазами молодых : матер. конф. Ярославль : Изд-во ЯГУ, 2019. С. 145–148.

Данная статья ориентирована на рассмотрение переписки между Пастернаком и Фрейденберг в основном в рамках биографического метода. Вслед за его основоположником Ш. О. де Сент-Бевом, полагавшим, что важнейшее место в литературной науке занимает изучение личности и ее отражение в творчестве, а «литература, литературное творение неотличимы <...> от всего остального в человеке, от его натуры» [15, с. 48], и Г. В. Ф. Гегелем, выделявшим художника именно как «субъект» с его «внутренним миром и его художественной фантазией» [2, с. 94], мы считаем целесообразным использование биографического метода в данной работе. Понимая уязвимость данного метода, допускающего возможную субъективную оценку исследователя, а также приоритетное рассмотрение социально-исторических факторов, тем не менее мы полагаем, что именно биографический метод позволит наиболее полно выявить «отношения писателя с современниками, описать культурную среду эпохи, образ повседневной жизни» [6, с. 55].

В письмах Б. Пастернака и О. Фрейденберг присутствует постоянный интерес к теме семьи, в каждом письме так или иначе они касаются быта и будничных проблем, расспрашивают о жизни и судьбе близких и дальних родственников, выражают готовность помогать друг другу. Однако «мыслью семейной» переписка поэта с сестрой вовсе не ограничивается; наоборот, эпистолярное общение Пастернака и Фрейденберг отличается тематической всеохватностью и содержательной глубиной. Собственно говоря, в истории отечественной науки не так много эпистолярных свидетельств, равных рассматриваемому.

На дореволюционном этапе переписки «мысль семейная», равно как и остальные категориальные рассуждения корреспондентов, основывается на молодости, чувстве полноты существования, ощущении бесконечных перспектив. Это было время, когда петербургская и московская части семьи – Фрейденберги и Пастернаки – существовали как единое целое. Родственники часто встречались, любили друг друга. В письме Фрейденберг Пастернаку от 25.VII.1910 читаем: «Папа – да, он мне папа. Ты подошел к нему, посмотрел в него – и сразу этим придвинулся ко мне. В этом было что-то фатальное, что именно ты и именно в этот приезд заглянул папе в душу...» [14, с. 40]. Все члены семьи были в курсе событий жизни друг друга; между ними отсутствовали секреты, недомолвки, а конфликты были незначительными. Борис и Ольга были уверены в понимании и поддержке со стороны старших. Младшее поколение восторгалось старшим, Пастернак в письме от 26.VII.1910 писал следующее: «...я влюблен в Меррекюль², нашу поездку, первый вечер, дяди Мишин³ день (когда я искал помощи у тебя), Стрелку, Петербург, тебя во всем этом...» [14, с. 34]. Семья Пастернаков-Фрейденберг жила в рамках традиционного уклада, воплощением которого стало знаменитое в истории русской литературы семейство Аксаковых.

В переписке 1910-х годов отразился неизменный шуточный тон, семейный юмор, который был принят между родственниками: «И Карлу⁴, если он страдает в той же мере Фединизмом, как тетя Ася⁵, скажи, что я переговорил с Федей⁶; он готов быть похожим на Карла» [14, с. 36]. Это фраза звучит в рассмотренном выше письме. Она свидетельствует о полном понимании, снисходительном отношении, уверенности в том, что шутка будет правильно понята и оценена.

Теплые отношения москвичей с питерцами во многом способствовали рождению глубокой симпатии между двоюродными братом и сестрой, которая в определенный период воспринималась ими как влюбленность. Любая разлука Бориса с Ольгой переживалась ими болезненно: «Ведь мы еще раз увидим друг друга? Мне это матерьяльно невозможно, но если и ты не можешь, я поеду в Петербург, если хочешь через месяц» [14, с. 47] (30.VII.1910). Обсуждение планов приездов корреспондентов в Москву и в Петербург – отдельная составляющая их переписки. В будущем кузены будут лишены возможности видеться часто; планирование встреч давало надежду, помогало легче переносить разлуку: «...я хотела бы познакомить тебя с некоторыми своими друзьями; у меня есть друзья, хорошие и любимые, и до такой степени не пошлые, что даже познакомиться с ними хорошо» [14, с. 48], – писала Ольга в том же письме.

Особая духовная близость Пастернака и Фрейденберг во многом объясняется родственными узами, семейными ценностями: «...в этих письмах, в которых говорят такие важные, и

² Меррекюль – курорт на берегу Финского залива, где отдыхали Пастернаки.

³ Дядя Миша – отец О. М. Фрейденберг, ученый, журналист.

⁴ Карл Гозиассон – знакомый Фрейденбергов.

⁵ Анна Осиповна Фрейденберг – мать О. М. Фрейденберг.

⁶ Федя – Ф. К. Пастернак, родственник семейств, живший летом 1910 года в квартире Пастернаков на Мясницкой улице в Москве.

новые, и определяющие будущее слова, возникает общее детство, образ очень маленьких мальчика и девочки, играющих вместе и поэтому понимающих друг друга без слов» [19, с. 104]. Однако это и общность мировоззрения, онтологического чувствования, интересов: «Не ищи для меня специальных слов и пиши словами своими. Я знаю, они бедны и стары, особенно у меня; но они мало меня интересуют, и потому не бойся этих выражений...» (25.VII.1910) [14, с. 40]. Действительно, оба корреспондента осознают, что «бедные» слова не могут полностью выразить их чувства, но именно письма и то, что написано между строк, дает возможность проникнуть в духовный мир друг друга, бесконечно ценный для обоих.

Фоном для темы семьи как базовой ценности служат в переписке брата и сестры образы «ее» Петербурга и «его» Москвы. Кузены были настолько близки, что после очередной встречи и разлуки долго помнили не только портретные характеристики друг друга и содержание разговоров, но и приметы обеих столиц: звуки улиц и квартир родных и знакомых, даже их запахи: «Петербург и дядя Миша и Оля и все останется сложной, притягательной темой, оказавшейся для наших – постройками, людьми, понятным, доступным, оформленным» (19.VIII.1910) [14, с. 55].

Талант чувствовать всю полноту жизни, к тому же практически всегда в позитивном ключе, был счастливым даром Пастернака. Говоря о подобном мироощущении поэта, Д. С. Лихачев утверждает: «...Б. Л. Пастернак ощущает себя <...> частью века, во всей красе этого века» [8, с. 227]. Эта способность оформилась и заметно упрочилась именно в период юношеской «любви-дружбы» с кузиной Ольгой, что отражено в их эпистолярном наследии. Эмоциональные, синтаксически перегруженные и снабженные одному лишь ему понятными метафорами письма демонстрируют высочайший градус искренности и отчасти наивности Пастернака. Этот несколько невнятный метафорический стиль определил своеобразие его раннего творчества и обеспечил поэту прижизненную славу. По словам другого поэта, поэзия Пастернака «напоминает разговор с очень пьяным и очень интересным человеком. Изумительные откровения прерываются невнятным бормотаньем, и в процессе беседы мы догадываемся, что и не надо пытаться расшифровывать невнятицу, а надо просто слушать и наслаждаться понятным» [4]. «Невнятное бормотанье», темные места характерны и для посланий к сестре Бориса, в отличие от ясных и выверенных, хотя и очень эмоциональных писем Ольги.

Стоит отметить, что к началу 1920-х годов тяга поэта к лиро-эпическим формам превратилась в стилистическую константу, свойственную в том числе и его письмам. Так, по мнению Д. С. Лихачева, произведения Пастернака являют собой «глубокое субъективное содержание», а «история и собственная жизнь в прошлом становятся для него главными темами...» [7, с. 204].

Тема семьи как базовой ценности звучит на протяжении всей переписки поэта и ученого. Однако в период начала 1920-х годов она приобретает особенную остроту. Причина этого – в отъезде отца, матери и сестер Пастернака в Германию. Поэт еще не знал, что больше никогда не увидит родных, но, вероятно, предчувствовал это. Выходя за хронологические рамки статьи, скажем, что фрагментарная встреча с сестрой Жозефиной в Берлине 1935 года только разбередила бесконечную тоску поэта по родным. Для Фрейденберг тема семьи также была болезненной: она переживала из-за тяжелого недуга отца и из-за ссоры матери с братом (Леонидом Осиповичем Пастернаком, отцом Бориса. – П. М.). Дело в том, что отец поэта, спешно покидая СССР, не приехал в Ленинград попрощаться с сестрой и племянницей. Борис пытался примирить отца и тетку, но успеха не достиг. Позднее в ряде писем, отправленных в Ленинград после 1 августа 1920 года, дня смерти отца Фрейденберг, Леонид Осипович предлагал ленинградской части семьи перебраться в Москву к «мальчикам»⁷, но женщины отказались.

Желая скрепить ослабевшие семейные узы, Пастернак в письмах второй половины 1920-х гг. к сестре постоянно упоминал уехавших: «...Но я так устроен и так люблю твой Humor (это шире ведь, чем юмор?), что полез к папе и сестрам хвастаться тобой...» (29.XII.1921) [14, с. 73]. Пастернак часто писал тетке и сестре, с нетерпением ожидая их ответов: «Немедленно же, немедленно, прошу тебя, напиши мне, как вы все поживаете, тетя Ася и ты и Сашка»⁸, как живе-

⁷ Мальчики – Борис и Александр Пастернаки.

⁸ Сашка – Александр Фрейденберг, родной брат Ольги, физик, до ареста и расстрела тестя – главный инженер по спецпроизводству Ленинградского оптико-механического завода. Был обвинен в шпионаже и расстрелян в 1938 г. Семье сообщили о приговоре к 10 годам заключения без права переписки. В цикле воспоминаний «Осада человека» О. М. Фрейденберг вспоминает, как поняла, что брат арестован, а также рассказывает о неожиданной, полутайной встрече с бывшей женой Александра, которая стала впоследствии женой сотрудника КГБ.

те и что ты делаешь...» (29.XII.1921) [15, с. 73]. Читая письма Пастернака сестре этого периода, нельзя не согласиться со следующей мыслью Л. Н. Толстого: «У нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного – все гладко» [18].

В эти же годы Пастернак в письмах к двоюродной сестре и тетке рассказывал о знаковых событиях в эмигрировавшей части семьи. В письме от 21.X.1926 Пастернак сообщал: «Да, а о настоящей радости, которой хотел поделиться с вами обеими, не написал ни слова! Папина выставка в Берлине протекает блестяще и встречает баснословный прием» [14, с. 107]. Пастернак желал, чтобы его чувство гордости отцом разделили самые близкие люди – сестра и тетка: «Гордитесь, тетя, братом и своею костью, и давайте обнимемся и поплачем втроем» (21.X.1926) [14, с. 108]. Чувство восхищения отцом, которое поэт испытывал с детских лет, было особенно сильно в эти трудные годы. В процитированном письме также прозвучала мысль Пастернака о том, что его собственный талант переоценен, а талант его отца, великого художника, недооценен. Эта мысль еще не раз появлялась на страницах более поздних писем Пастернака кузине.

В те годы расставание поэта с семьей еще не отошло в прошлое, отзывалось болью. В письмах к родным за рубежом, а также к Фрейденбергам в Петербург Пастернак рассуждал о родственниках как о временно покинувших страну. Новостями о жизни зарубежной части семьи Пастернак и Фрейденберг делились и в следующие десятилетия. Обмен информацией о родных, проживавших в Европе, был нерегулярен и зависел от политического вектора в стране: «Про наших верно уже от них самих знаете. Живут и здравствуют, и даже Лида еще службы не потеряла в Мюнхене, что меня в общем страшно удивляет...» (03.VI.1933) [14, с. 139].

Ольгу Фрейденберг можно по праву считать центральным адресатом Бориса Пастернака. Их переписка длиною практически в полвека явила отношение поэта к кузине как к символу семьи. В тяжелое для страны время, в первые советские годы, переписка между кузенами была особенно душевной. В июльском письме 1924 года именно сестре и тетке Пастернак написал следующие строки: «...в этой большой, далеко вглубь прошлого уходящей, еще продолжающейся, заторможенной на десять лет, тяжелой, невыносимой повести, которую мы признаем за нашу жизнь, вы – лучшие, любимейшие, глубочайшие главы» [14, с. 75].

Тема семьи в конце 1920-х – начале 1930-х в переписке корреспондентов неразрывно связана с происходившими в стране событиями. Делясь в письмах друг с другом своими соображениями относительно политической, общественной, научной, культурной жизни страны и дальнейших перспектив ее развития, Пастернак и Фрейденберг разными путями, с оговорками, приходили к общей мысли о том, что семья как важнейшая категория существования человека осталась в дореволюционном прошлом России. В настоящем же присутствуют только попытки не растерять оставшиеся осколки: «Но революция или возраст, – а прошлое работает слабо, субъективный лабиринт не отклоняет простых и прямых ощущений, и мне жалко только их, а не себя, как это бывало раньше» [14, с. 128]. Это фраза из письма, написанного Пастернаком летом 1930 года, характеризует его как человека, смирившегося с действительностью, но не согласившегося с ней. В этом письме с помощью развернутой метафоры Пастернак сравнивает себя настоящего и прошлого, понимая, что его критерии оценки действительности стали иными. Жизнь страны кардинально изменилась, а люди бьются за выживание, как мошकारа о стекло. Троп, использованный Пастернаком в этом письме, показывает его понимание бессмысленности борьбы с обстоятельствами. Нельзя не согласиться с утверждением С. А. Смирнова о том, что Борис Пастернак предпочел занять позицию «свидетеля-хранителя», поэта-очевидца» [17, с. 151].

С начала 1920-х годов мысль семейная в переписке Пастернака и Фрейденберг получила новое «звучание»: Борис Пастернак обзавелся собственной семьей, женившись на молодой художнице Евгении Лурье (1899–1965); вскоре у пары родился сын Женя. На страницах писем появляются новые темы: СОттворчества, СОдружества, СОВместности в отношениях между мужем и женой. К сожалению, к началу 1930-х брак поэта распался, и эпистолярным «свидетелем» распада семьи и нравственных мучений брата стала Ольга. В письме Пастернака от 01.VI.1932 читаем: «Но, Бог ей судья, в ней есть что-то совершенно непонятное мне и глубоко чужое. Когда я о ней думаю после длительных разлук, я всегда прихожу в ужас от той черной двойственности и неискренности, в которой держал ее всегда, и несу ей навстречу волну готовой прямоты, чтобы все исправить...» [14, с. 134]. Тожественные мысли о причинах распада этого брака звучат в воспоминаниях многих современников поэта, однако наиболее лаконично их озвучила близкий друг Пастернака, создавшая его знаменитый скульптурный портрет,

– Зоя Масленикова: «Первое впечатление суровости и решительности как нельзя менее соответствовало действительности. <...> союз с этой женщиной, продолжавшийся семь лет, оказался для обоих мучительным <...> она ощущала себя художницей, при которой существовал ничем не примечательный муж» [10, с. 310–311]. Созвучные мысли читаем и у Т. В. Катаевой: «Брак был нерадостным – со счетами, придирадками, небольшой, тщательно разрабатываемой мужем любовью, с его покорностью» [5, с. 6].

Вскоре после расставания с Е. Лурье Пастернак женился на бывшей жене своего друга, пианиста Генриха Нейгауза – Зинаиде Николаевне Нейгауз (в девичестве Еремеевой) (1897–1966), роман с которой стал катализатором распада первой семьи. Воспитанный в уважении к традиционным семейным ценностям, имевший возможность наблюдать за прекрасными отношениями между родителями, Пастернак страдал от сложившейся ситуации. Его мучила совесть перед женой, сыном, детьми Зинаиды Нейгауз, на время оставшимися с отцом, перед родителями, которые не одобрили поступок сына. Тем не менее чувства оказались сильнее, и охваченный любовью поэт писал сестре в письме от 01.VI.1932: «Я совершенно счастлив с Зиной. Не говоря обо мне, думаю, что и для нее встреча со мной не случайна» [14, с. 134].

В конце 1924 года в общении брата и сестры наступил период непонимания и некоторого раздражения. Пастернак взялся помогать Фрейденберг в издании ее научных работ, что в годы тотального классового контроля было чрезвычайно трудно, задействовал свои контакты, однако Ольга отказалась приезжать в столицу, объяснив свою позицию усталостью от жизни, неприятными в ней переменами и нежеланием их принимать, а также характером протекции брата: «То, что ты, Боря, советуешь мне захватить записку от Марра, раскрывает мне характер твоей протекции. Во-первых, никогда я не научусь в ученом видеть влиятельного человека, никогда не стану форсировать научное доброе отношение к себе и менять его на звонкую монету» (03.XII.1924) [14, с. 97]. Пастернак придерживался иной позиции, которая состояла в спасении от жизненных неурядиц делом: работой, творчеством. Только так, считал поэт, можно оставаться человеком и приносить пользу стране, даже тогда, когда она не готова ее принять: «Человек реален и истинен тогда, когда он занят делом, когда он ремесленник, крестьянин или... художник, или же ученый, творчески постигающий истину» [12, с. 292]. П. И. Симуш, говоря об отношении поэта к суровой действительности тех лет, справедливо отмечает, что Пастернак мечтал о «грядущей победе творческой филологии над догматической амбициозностью коммунистической идеологии» [16, с. 98].

Все члены семьи Пастернаков-Фрейденберг были творческими личностями, реализовавшимися в той или иной области знания и искусства. Поэтому в переписке кузенов центральной темой является тема творческого созидания и научной деятельности, приоритетная для обоих реципиентов. Верны слова В. Ф. Асмуса о том, что практически все произведения Пастернака «были сочинения об искусстве: стихи, проза, письма...» [1, с. 80]. Забегая вперед, отметим, что в послевоенные годы «точкой отсчета» эпистолярного общения брата и сестры стали вначале замысел, а затем и черновой вариант романа «Доктор Живаго». Однако в рассматриваемый в данной статье период Пастернак еще не задумывался о прозе; он много трудился над переводами (этот вид заработка станет основным источником дохода Б. Пастернака практически до конца его жизни. – П. М.) и лирическими сборниками. Главным его корреспондентом оставалась сестра. Поднимая в письмах тему творчества, Пастернак мог быть уверен как в ее родственной благосклонности, так и в научной объективности. В письме от 02.XI.1924 Пастернак сообщал: «Я тут же раскрыл Гамлета и принялся за его перевод, – замысел, который у меня откладывался годами. О предположеньях оригинальных не хочу говорить – их смутным ощущеньем всегда бываешь полон» [14, с. 89]. Пастернак также был в курсе научных достижений и связанных с ними проблем сестры; в период травли Ольги он как умел пытался помочь ей, но его сил и влияния для этого было недостаточно. Важно и то, что в вопросе отношения к советской действительности их позиции были диаметрально противоположны. И если «во всем, что касалось жизни, любви, торжества, – он был и ярче, и темпераментней, но в лабиринтах инобытия, в темных тайниках подсознания <...> его сестра блуждала уверенней» [3, с. 619]. Впрочем, это расхождение, хотя и принципиальное, не отменяло их эпистолярного общения, соединившего «бытовое и профессиональное, частное и общественное» [11, с. 5].

Тема семьи, которая поднималась Пастернаком и Фрейденберг почти в каждом их письме друг другу, оставалась равно значимой для обоих реципиентов. Однако в письмах 1910–1920-х годов «мысль семейная» звучит более отчетливо, чем в письмах последующих

лет, ведь все представители обеих фамилий были живы и поддерживали регулярное общение. В период 1940–1950-х годов, во время работы над романом «Доктор Живаго», знаковой для общения Пастернака со всеми его корреспондентами стала тема создания великого романа. Разумеется, в ней участвовала и Фрейденберг. Тем не менее в этот период пути брата и сестры снова разошлись: первый умел абстрагироваться от житейского, жизненного и болезненного, окружать себя любящими и любимыми людьми и забывать о смерти, в том числе о смерти близких. Он довольно спокойно пережил уход отца, художника Л. О. Пастернака, скончавшегося в Англии в 1945 году, и с утроенной энергией продолжил работу над романом «Доктор Живаго». Пастернак был убежден, что смерти не будет: эти слова стали не только одним из вариантов названия романа, но и, что важнее, – жизненной философией поэта. Он знал, что непременно встретится с ушедшими близкими, и не страдал от их потери так, как Фрейденберг, которая уже не могла жить по-прежнему после смерти матери. Очень показательен в этом отношении эпизод, который отражен в воспоминаниях З. Н. Пастернак. В день похорон старшего сына Зинаиды Николаевны от брака с Генрихом Нейгаузом – Адриана – Борис Леонидович как мог утешал супругу: «Он меня очень поддерживал, философски рассуждал о смерти, доказывая, что смерти нет. <...> Он говорил, что умершие продолжают жить в памяти близких» [13, с. 113]. Фрейденберг чувствовала, что трагическое мироощущение Пастернаку чуждо, и в письмах от него полного понимания не ждала. С этого времени тема семьи Пастернаков-Фрейденберг зазвучала в иной тональности: «бессмертно» – на страницах романа «Доктор Живаго» и «безысходно» – на страницах мемуаров Ольги Фрейденберг.

Подводя итог сказанному, отметим, что тема семьи в переписке кузенов довольно полно характеризует их жизненные и мировоззренческие позиции. На страницах писем оба предстают живыми, полнокровными людьми с большим культурным наследием, творческими задатками, особым отношением к семейным связям. На многие вещи они, несомненно, смотрели одинаково. Однако принадлежность к разным полам, профессиям, обладание разным жизненным опытом обусловило их различное отношение к проблемам семьи и брака, связи поколений, что не всегда отчетливо прослеживается в их высказываниях, но прочитывается между строк. Тема семьи претерпела в письмах Пастернака и Фрейденберг значительную эволюцию: от полного радостного приятия общих семейных духовных ценностей, от легкого юмора она с течением времени стала осмысливаться адресатами все более трагически. Однако если Б. Пастернак, имевший семью и детей, проблему смерти/бессмертия решал как поэт – воплощая свою душу в вечных творениях, то обладающая строгим умом ученого незамужняя и бездетная Ольга Фрейденберг, постоянно испытывающая противодействие со стороны партийных чиновников, чувствовала, что не может реализовать себя полностью в профессиональной деятельности. Одиночество, горькая обида на судьбу и в то же время сестринская гордость за брата нашли отражение как в ее письмах, так и в воспоминаниях, научное осмысление которых еще предстоит сделать. И все же переписка кузенов была важна для них обоих, она была их спасением от житейских невзгод, от творческого застоя, позволяла почувствовать духовную опору, ощутить себя частью древнего рода и общей духовной традиции.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Творческая эстетика Б. Пастернака // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Б. Л. Пастернак. М. : Искусство, 1990. С. 8–35.
2. Белоусова Е. В. Размышления о важности биографического метода в исследовании жизни и творчества писателя Н. Н. Толстого // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 93–107.
3. Быков Д. Л. Борис Пастернак. М. : Молодая гвардия, 2012. 893 с.
4. Искандер Ф. А. Пастернак и этика ясности в искусстве // Портал Litra. pro. URL: <http://litra.pro/esse-i-publicistika/iskander-fazilj-abdulovich/read/5> (дата обращения: 12.01.2020).
5. Катаева Т. В. Другой Пастернак: Личная жизнь. Темы и вариации. Минск : Совр. литератор, 2009. 608 с.
6. Ласица Е. В. Биографический метод в литературоведении // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2014. № 4. С. 55–61.
7. Лихачев Д. С. Борис Леонидович Пастернак. Жизнь // Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. М. : АСТ, 2017. 320 с.
8. Лихачев Д. С. Поэзия стихотворная и прозаическая. // Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. М. : АСТ, 2017. 320 с.
9. Макаркина Ю. В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака: композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание : дис. ... канд. филол. наук : Орловский государственный университет. Орел, 2000. 205 с.

10. Масленикова Э. А. Борис Пастернак. М. : Захаров, 2001. 335 с.
11. Матвеева И. И., Микурова П. Л. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденаберг 1930–1940-х гг. // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2. С. 50–56.
12. Пастернак Б. Л. Что такое человек? // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Б. Л. Пастернак. М. : Искусство, 1990. С. 8–35.
13. Пастернак Э. Н. Воспоминания. Письма. М. : АСТ, 2016. 448 с.
14. Переписка Бориса Пастернака / сост. Е. Б. Пастернак, Е. В. Пастернак. М. : Худ. литература, 1990. 576 с.
15. Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М. : Художественная литература, 1970. 607 с.
16. Симуш П. И. Филология Б. Л. Пастернака: какими категориями будущего мыслит? // Филология: научные исследования. 2014. № 1. С. 97–106.
17. Смирнов С. А. Автопоэзия человека: Борис Пастернак // Человек.RU. 2011. № 7. С. 147–188.
18. Толстой Л. Н. Дневники // Портал ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121487&p=89> (дата обращения: 09.04.2020).
19. Шмаина-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденаберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4. С. 99–116.

"Family thought" in the correspondence of B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1910s–1920s

P. L. Mikurova

3rd-year postgraduate student, Moscow City Pedagogical University.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-2542-2130. E-mail: P.mikurova@yandex.ru

Abstract. In recent years, philologists have increasingly turned to the correspondence between B. L. Pasternak and O. M. Freudenberg. The epistolary of the poet and scientist has become the subject of interdisciplinary consideration, as it is a family chronicle, autobiographical notes, historical document, and provides researchers with a rich linguistic and literary material. The topic of family in the period 1910–1920 was a landmark for correspondents. The participants in the correspondence, who were brought up to respect the traditional family structure, lacked close personal communication both with each other and with relatives who left the country after the revolution. Two decades later, this topic will go to the background for B. Pasternak, but for O. Freudenberg it will remain a priority, going beyond the correspondence and sounding more forcefully on the pages of her memoirs. Despite the interest of scientists in B. Pasternak's epistolary, so far his correspondence with his cousin has not been sufficiently investigated. This explains the relevance of this article, the purpose of which is to consider the topic of the family in the epistolary heritage of P. Pasternak and O. Freudenberg, and to characterize the "family thought" in the correspondence of this period with the help of discursive analysis. In this paper, the topic of family in the correspondence between B. Pasternak and O. Freudenberg is analyzed in the framework of biographical, comparative and complex methods, while observing the chronological order of the study.

The author of the article comes to the conclusion that the topic of family in the correspondence between B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1920s–1930s is one of the central ones. "Family thought" became a kind of salvation for the participants of the correspondence from everyday hardships, allowing Pasternak and Freudenberg to feel spiritual support, to feel part of the family, an ancient family, a special spiritual tradition.

Keywords: epistolary, correspondence, biographical method, the theme of family, memoir, S. A. de Sainte-Beuve.

References

1. Asmus V. F. *Tvorcheskaya estetika B. Pasternaka* [Creative aesthetics of B. Pasternak] // *Ob iskusstve. "Ohrannaya gramota" i zametki o hudozhestvennom tvorchestve* – About art. "Security certificate" and notes on artistic creativity / B. L. Pasternak. M. Iskusstvo. 1990. Pp. 8–35.
2. Belousova E. V. *Razmyshleniya o vazhnosti biograficheskogo metoda v issledovanii zhizni i tvorchestva pisatelya N. N. Tolstogo* [Reflections on the importance of the biographical method in the study of the life and work of the writer N. N. Tolstoy] // *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* – Herald of the Moscow State University. Series: Russian Philology. 2016. No. 4. Pp. 93–107.
3. Bykov D. L. *Boris Pasternak* [Boris Pasternak]. M. Molodaya Gvardiya. 2012. 893 p.
4. Iskander F. A. *Pasternak i etika yasnosti v iskusstve* [Pasternak and the ethics of clarity in art] // *Portal Litra. pro* – The Portal Litra.pro. Available at: <http://litra.pro/esse-i-publicistika/iskander-fazilj-abdulovich/read/5> (date accessed: 12.01.2020).

5. Kataeva T. V. *Drugoj Pasternak: Lichnaya zhizn'. Temy i var'yacii* [Other Pasternak: Personal life. Themes and variations]. Minsk. Sovr. literator. 2009. 608 p.
6. Lasica E. V. *Biograficheskij metod v literaturovedenii* [Biographical method in literary studies] // *Poznanie stran mira: istoriya, kul'tura, dostizheniya* – Knowledge of the world's countries: history, culture, achievements. 2014. No. 4. Pp. 55–61.
7. Lihachev D. S. *Boris Leonidovich Pasternak. Zhizn'* [Boris Leonidovich Pasternak. Life] // *Literatura – real'nost' – literatura* – Literature – reality – literature / D. S. Likhachev. M. AST. 2017. 320 p.
8. Lihachev D. S. *Poeziya stihotvornaya i prozaicheskaya* [Poetic and prose poetry] // *Literatura – real'nost' – literatura* – Literature – reality – literature / D. S. Likhachev. M. AST. 2017. 320 p.
9. Makarkina Yu. V. *Epistol'noe nasledie B. Pasternaka: kompozicionno-kommunikativnye osobennosti i konceptual'noe sodержanie : dis. ... kand. filol. nauk : Orlovskij gosudarstvennyj universitet* [Epistolary heritage of B. Pasternak: compositional and communicative features and conceptual content : dis. ... PhD of Philol. Sciences : Oryol State University]. Orel. 2000. 205 p.
10. Maslenikova Z. A. *Boris Pasternak* [Boris Pasternak]. M. Zakharov. 2001. 335 p.
11. Matveeva I. I., Mikurova P. L. *Tema tvorchestva v perepiske B. Pasternaka i O. Frejdenberg 1930–1940-h gg.* [The theme of creativity in the correspondence of B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1930s and 1940s] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* – Herald of MSPU. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2019. No. 2. Pp. 50–56.
12. Pasternak B. L. *Chto takoe chelovek?* [What is a person?] // *Ob iskusstve. "Ohrannaya gramota" i zametki o hudozhestvennom tvorchestve* – About art. "Security certificate" and notes on artistic creativity / B. L. Pasternak. M. Iskusstvo. 1990. Pp. 8–35.
13. Pasternak Z. N. *Vospominaniya. Pis'ma* [Memoirs. Letters]. M. AST. 2016. 448 p.
14. *Perepiska Borisa Pasternaka* – Correspondence of Boris Pasternak / comp. E. B. Pasternak, E. V. Pasternak. M. Hud. literature. 1990. 576 p.
15. *Sainte-Beuve Sh. Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary portraits. Critical essays]. M. Hudozhestvennaya literatura. 1970. 607 p.
16. Simush P. I. *Filologiya B. L. Pasternaka: kakimi kategoriyami budushchego myslit?* [Philology of B. L. Pasternak: in what categories of the future does he think?] // *Filologiya: nauchnye issledovaniya* – Philology: scientific research. 2014. No. 1. Pp. 97–106.
17. Smirnov S. A. *Avtopoezis cheloveka: Boris Pasternak* [Autopoesis of a person: Boris Pasternak] // *Chelovek.Ru*. No. 7. Pp. 147–188.
18. Tolstoj L. N. *Dnevnik* [Diaries] // *Portal LitMir* – Litmir portal. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=121487&p=89> (date accessed: 09.04.2020).
19. Shmaina-Velikanova A. I., Braginskaya N. V. *Sestra. Perepiska Ol'gi Frejdenberg i Borisa Pasternaka* [Sister. Correspondence between Olga Freudenberg and Boris Pasternak] // *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* – Herald of RSHU. Series: History. Philology. Culturology. Orientalism. 2017. No. 4. Pp. 99–116.

Поиски альтернативной модели мирового экономического порядка в годы холодной войны: опыт Совета Экономической Взаимопомощи

А. А. Калинин

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: lepse@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу М. А. Липкина «Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979)». Автор монографии предпринял первую в отечественной историографии попытку обобщить историю этой многосторонней организации на основе широкого спектра новых архивных свидетельств из четырех архивов России (в том числе Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива новейшей истории) и Исторического архива ЕС в Италии. М. А. Липкин показывает, что после самороспуска СЭВ в 1991 г. ее история была предана незаслуженному забвению. В отличие от Организации Варшавского договора, СЭВ имел глобальный, универсальный характер, а интерес многих неевропейских стран с разных континентов к присоединению к нему в различных формах свидетельствует о том, что он выступал в качестве альтернативного центра в биполярном мире. Советский лидер Н. С. Хрущев хотел одновременно скопировать некоторые черты западноевропейских интеграционных моделей и превратить СЭВ в глобальную организацию – супергосплан (наднациональную структуру государственного планирования), штаб-квартиру «мировой системы социализма» (включающую социалистические страны Азии, Америки и, возможно, Африки). Автор считает, что СЭВ следует рассматривать не как неудачную копию Европейского экономического сообщества, а как вполне успешный в 1960–1970-е гг. форум социалистического мира. Липкин также указывает на несостоятельность утверждений о советском «диктате» в СЭВ. М. А. Липкин является представителем новой волны исследователей, заинтересованных в объективном изучении феномена СЭВ с позиций глобальной истории.

Ключевые слова: холодная война, мировая социалистическая система, Совет Экономической Взаимопомощи, экономическая интеграция, плановая экономика, Н. С. Хрущев.

Холодная война являлась не только военно-политическим конфликтом и «битвой за душу человечества», по словам президента США Джорджа Буша-старшего [1, с. 123], но и соперничеством двух моделей мирового экономического порядка. Монография директора Института всеобщей истории РАН доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Михаила Аркадьевича Липкина «Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979)» посвящена ранее непопулярной и потому малоизученной теме истории Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Автор поставил цель выявить роль и место СЭВ в глобальной экономике второй половины XX столетия. Новаторским для отечественной историографии является избранный автором подход в русле глобальной истории. Липкин рассматривает историю СЭВ в контексте проблемы глобального влияния социализма в годы холодной войны. По его мнению, Совет олицетворял альтернативную западноцентричную модель глобализации.

М. А. Липкин вводит в научный оборот широкий круг архивных источников из Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Архива внешней политики РФ, Исторических архивов ЕС во Флоренции, использует воспоминания участников событий и другие источники.

Во введении Липкин представил интересный анализ новейшей историографии СЭВ. Он отмечает заметные изменения в последние годы историографической ситуации в изучении

«мировой системы социализма». Меняется общественно-политический фон как в России, так и на Западе: былая эйфория от расширения Европейского союза сошла на нет, зато растут противоречия между «старыми» и «новыми» членами Евросоюза, возрождается интерес к использованию планирования в экономике. Наблюдается явный спад триумфализма, уходит в прошлое огульное очернительство советской истории, что, по мнению Липкина, во многом связано с приходом в науку нового поколения молодых историков, в отличие от поколения современников, готовых изучать историю СЭВ «с чистого листа» без эмоций и идеологических предубеждений. В ФРГ закончился период неформального запрета на изучение истории Германской Демократической Республики. В результате, констатирует Липкин, в последние годы наблюдается исследовательский бум в изучении СЭВ. При этом наиболее продуктивным признается обращение к изучению глобальной истории мирового социализма.

В первой главе М. А. Липкин проанализировал предпосылки и «кухню» создания СЭВ. К сожалению, до сих пор остается засекреченным ряд документов, затрагивающих историю СЭВ, на что автор несколько раз обращает внимание. Так, имеющиеся в распоряжении исследователей архивные документы не дают ясного ответа на вопрос, какая страна была инициатором создания Совета Экономической Взаимопомощи. Говоря о побудительных причинах создания СЭВ, Липкин называет опасения Москвы, что страны Восточной Европы обретут внешнеэкономическую самостоятельность, советско-югославский конфликт, желание СССР ответить на «план Маршалла», старт западноевропейской интеграции [3, с. 21–28].

При этом, по замыслу И. В. Сталина, СЭВ имела не региональные, а глобальные задачи. Советский вождь, отмечает Липкин, рассматривал СЭВ как инструмент конкуренции с США за влияние в том числе на Западную Европу. Фактически установка «догнать и перегнать Запад», приписываемая Н. С. Хрущеву, возникла еще в поздний сталинский период [3, с. 35–37]. На первом месте в деятельности СЭВ в тот период стояли вопросы расширения товарооборота между социалистическими странами и координации торговли с капиталистическим миром.

Автор развенчивает многие мифы, которые до сих пор широко тиражируются журналистами и некоторыми историками. Так, Липкин показывает, что страны-члены СЭВ вовсе не были безвольными «сателлитами» СССР, как они изображались на Западе. Во время переговоров они твердо отстаивали собственные национальные интересы, умело пользуясь политической конъюнктурой в СССР для собственной выгоды. Например, Госплан СССР не мог отказать в финансировании строительства индустриальных объектов в странах народной демократии, которым присваивались имена И. В. Сталина и В. И. Ленина [3, с. 35].

Очень удачной является попытка Липкина связать историю СЭВ с внутривластной борьбой в Советском Союзе. По его мнению, СЭВ стал «спасательным кругом для Молотова и Микояна», которые с 1949 г. оказались в опале [3, с. 41].

Во второй главе автор рассматривает планы реформирования СЭВ после смерти И. В. Сталина в контексте внутривластной борьбы в СССР. Выясняется, что первым подверг критике деятельность СЭВ Л. П. Берия, который 1 июня 1953 г. представил свой план его радикального реформирования, считая, что «никакой положительной роли в координации экономики стран народной демократии эта организация не играет» [3, с. 59–60].

После ареста Берии продолжил эстафету по разработке планов реформ СЭВ В. М. Молотов, который, по мнению Липкина, хотел подчинить деятельность организации национальным интересам СССР, а не размытым интересам «мировой системы социализма». Реформа СЭВ, задуманная и проведенная В. М. Молотовым после устранения Л. П. Берии, заключалась в том, что на первый план была поставлена не торговля, а планы капитального строительства в странах-членах СЭВ, что потребовало усиления роли Госплана СССР во взаимодействии со странами народной демократии [3, с. 61–68].

Значимые перемены в экономической политике советского государства принес приход на пост главы правительства Г. М. Маленкова, который изменил вектор развития промышленности с акцента на тяжелую и оборонную промышленность на форсированный рост производства предметов потребления. За СССР как лидером СЭВ последовали и другие страны социалистического лагеря. В 1953–1954 гг. резко выросла внешняя торговля потребительскими товарами [3, с. 61–63]. Новый советский курс пользовался широкой поддержкой в странах Восточной Европы, так как политика приоритетного развития отраслей группы «А» в ущерб отраслям группы «Б» привела к середине 1950-х гг. к серьезным негативным последствиям. Так, в Венгрии нереалистичные планы по росту промышленного производства, масштабная «перекачка» ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, переориентация

промышленности на выпуск вооружений привели к ухудшению экономической ситуации, дефициту товаров первой необходимости [2, с. 222].

После снятия в феврале 1955 г. Г. М. Маленкова с поста председателя Совета министров СССР советский экономический курс изменился: вновь акцент был сделан на производство товаров группы «А», а во внешней торговле Москва отказалась от «увлечения ширпотребом».

Липкин обращает внимание на существенные различия характера экономического сотрудничества западных капиталистических стран и государств советского блока. СССР выступал в качестве «донора» для экономик стран социализма, предоставляя кредиты под меньший процент, чем американские кредиты по плану Маршалла, а ноу-хау и конструкторская документация передавались Москвой бесплатно. Такая политика привела к тому, что уже на рубеже 1950–1960-х гг. Советский Союз стал ощущать тяжесть бремени лидера мировой системы социализма, когда были практически исчерпаны его золотовалютные резервы [3, с. 67–68].

Третья глава посвящена «хрущевскому» периоду истории Совета Экономической Взаимопомощи. Отстранение от власти «антипартийной группы» также имело серьезные последствия для советского курса в отношении СЭВ. Теперь будущее организации во многом определялось позицией первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, который рассматривал СЭВ как плановую альтернативу западноевропейской капиталистической интеграции, искренне веря в возможность «органического сращивания экономик» стран СЭВ. Главной идеей Хрущева, отмечает Липкин, было превращение СЭВ в «супергосплан» мировой системы социализма.

Особое значение имело принятие на XXII съезде КПСС новой программы с планом построения коммунизма. В этой связи в советских документах появляется понятие «генеральной перспективы», что побудило заняться долгосрочным экономическим планированием и другие страны-члены СЭВ [3, с. 71–72].

Хотя в советских документах не употреблялось слово «интеграция», фактически, подчеркивает автор, речь шла о социалистической плановой альтернативе рыночным интеграционным объединениям стран Запада. При этом Хрущев искренне верил, что социалистическая интеграция будет выгоднее для стран-участниц, чем капиталистическая (с. 73). Фактически советские предложения, заключает Липкин, означали введение наднационального управления и отмирание национальных границ – социалистический аналог капиталистической интеграции, но через плановую экономику [3, с. 83].

Автор изучил процесс подготовки XVI внеочередной сессии СЭВ в июне 1962 г., которая приняла важные решения по реформированию организации. Обновление Совета мыслилось, по его мнению, как преобразование в общемировую структуру, сравнимую с Коминтерном и Коминформом. Не случайно на этой сессии были внесены изменения в Устав, исключавшие термин «Европа» [3, с. 85], которые позволили принять в ряды организации Монголию, Кубу и Вьетнам. Новым является и вывод Липкина о тесной связи планов реформирования СЭВ с экономическими реформами внутри Советского Союза. Фактически именно Хрущевым и его «командой» была наиболее последовательно сформулирована концепция «социалистического глобализма», предполагавшая полное сращивание экономик социалистических стран в коммунистическом будущем.

Но попытка реализации планов радикального реформирования СЭВ вызвала сопротивление со стороны ряда его членов, и прежде всего Румынии. Липкин при этом обнаружил важную закономерность: «главными затравщиками перемен выступали индустриально развитые страны СЭВ» (ГДР, Польша, Чехословакия, СССР), в то же время преимущественно аграрные страны (Болгария, Румыния) под разными предлогами тормозили интеграцию. Особое недовольство румын вызвали предложения дать право органам СЭВ принимать решения по вопросам экономического сотрудничества, обязательные к исполнению странами-участницами, что было воспринято как ущемление государственного суверенитета [3, с. 87–92].

С приходом к власти в СССР нового руководства во главе с Л. И. Брежневым планы Хрущева были подвергнуты критике, однако отдельные инициативы начала 1960-х гг. были реализованы.

В четвертой главе представлен интересный анализ дискуссий и процесса принятия Комплексной программы социалистической экономической интеграции в 1968–1971 гг. Развитие СЭВ во второй половине 1960-х гг. Липкин рассматривает в увязке с «косыгинскими» реформами и близкими к ним по духу экономическими преобразованиями в странах Восточной Европы. Эти реформы объективно требовали и преобразования СЭВ. В книге по-

дробно проанализированы программы дальнейшего развития Совета, подготовленные каждой страной-членом. При этом наиболее развитые страны Восточной Европы предлагали и наиболее радикальные варианты интеграции: поляки ставили вопрос о введении международной социалистической валюты и выступали за открытую модель интеграции, которая будет «притягивать» не только страны-члены СЭВ; венгры склонялись к созданию социалистического рынка, на котором предполагалась конкуренция за потребителя между национальными предприятиями и предприятиями из стран СЭВ. Румынская сторона занимала наиболее консервативную позицию. Лидер и арбитр СЭВ – Советский Союз избрал среднюю позицию. «СССР был вынужден лавировать в середине, – рассуждает Липкин, – но в его предложениях и, главное, в действиях чувствуется влияние и польских, и венгерских предложений» [3, с. 114].

В последней, пятой, главе рассматривается переговорный процесс между СЭВ и Европейскими Сообществами в период «разрядки» 1970-х гг. Липкин не согласен с имеющейся в историографии точкой зрения, что переговоры об установлении официальных отношений двух интеграционных объединений были изначально обречены на неудачу, что это был «диалог глухих». В действительности, к 1980 г. после ряда взаимных уступок сторонам удалось существенно сблизить позиции. Однако соглашение не было подписано. ЕС по-прежнему не желал рассматривать СЭВ как равноправный субъект отношений с западными интеграционными объединениями и предоставлять всем странам-членам СЭВ режим наибольшего благоприятствования. В то же время автор признает существенные прочеты советской стороны, в частности чрезмерные иллюзии в связи с подписанием Хельсинского заключительного акта СБСЕ 1975 г., который включал так называемую вторую (экономическую) «корзину» развертывания общеевропейского сотрудничества.

В заключении автор отмечает, что СЭВ уже с 1950-х гг. был глобально ориентированной организацией, которая в 1960–1970-е гг. обладала потенциалом притягивающей силы. Не случайно наблюдателями в СЭВ стали не только ряд развивающихся стран социалистической ориентации, но и Финляндия и Мексика. Конечно, СЭВ создавался на идеологической основе, но в его деятельности всегда присутствовало прагматическое начало. «Ключевой, – пишет Липкин, – была вера [партийных и государственных лидеров. – А. К.] в способность построить альтернативную интеграционную модель и распространить ее на весь мир» [3, с. 159]. Поэтому по мере утраты веры в коммунизм к началу 1990-х гг. история Совета Экономической Взаимопомощи подошла к своему финалу.

Картина деятельности СЭВ, которую рисует Липкин на основе советских архивов, совершенно не соответствует распространенным представлениям о «советском диктате» в социалистическом лагере. Документы рассказывают о другом: СССР ради сохранения своего лидерства вынужден был не только тратить огромные ресурсы, но действовал скованно, шел на многочисленные компромиссы для сохранения видимости единства в социалистическом лагере. На первый взгляд парадоксальным кажется следующий вывод автора: «СЭВ демонстрировал больший демократизм, нежели иные структуры ЕС» [3, с. 157]. Однако он в полной мере подтвержден в опоре на внутреннюю документацию СЭВ.

Конечно, работа не лишена полностью недостатков. Хотя в названии работы отсутствует упоминание СССР, автор опирается главным образом на материалы советских архивов, поэтому наиболее полно ему удалось раскрыть только советскую позицию в СЭВ.

Не ставя под сомнение концептуальную целостность исследования, все же стоит отметить, что монография представляет собой собрание отдельных очерков, которые, несомненно, представляют огромный интерес, но все же не формируют целостную картину развития СЭВ как глобально ориентированной организации, особенно в «брежневский» период. История СЭВ в 1970-е гг. рассматривается лишь в контексте обсуждения взаимного признания СЭВ и Европейских Сообществ, вопроса, безусловно, важного, но далеко не единственного.

В целом же монография М. А. Липкина является глубоким, прекрасно фундированным исследованием, которое отличает высокий профессиональный уровень. Перед нами новаторское исследование ранее «непопулярной» темы с использованием современных подходов, которое будет с большим интересом встречено читателями.

Список литературы

1. Калинин А. А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 3. С. 123–128.

2. Калинин А. А. Венгерский фронт холодной войны на рубеже 1940–1950-х гг. // Международные отношения в XX веке : сб. научных статей. Вып. 5 / под ред. В. Т. Юнгблюда. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. С. 204–227.

3. Липкин М. А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М. : Весь мир, 2019. 184 с.

Search for an alternative model of the world economic order during the cold war: the experience of the Council For Mutual Economic Assistance

A. A. Kalinin

Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: lepse@yandex.ru

Abstract. The article is a review of the book by M. A. Lipkin "Council of Mutual Economic Assistance: historical experience of alternative global world order (1949–1979)". The author of the monograph made the first attempt in Russian historiography to summarize the history of this multilateral organization on the basis of a wide range of new archival evidence from four Russian archives (including the Russian state archive of Economics, the Russian state archive of modern history) and the EU historical archive in Italy. M.A. Lipkin shows that after Council of Mutual Economic Assistance's self-dissolution in 1991 its story was consigned to undeserved oblivion. Unlike the Warsaw Pact organization, Council of Mutual Economic Assistance was global and universal, and the interest of many non-European countries from different continents in joining it in various forms indicates that it acted as an alternative center in a bipolar world. The Soviet leader N. S. Hrushchev wanted to simultaneously copy some features of Western European integration models and turn the Council of Mutual Economic Assistance into a global organization – a super-plan (supranational structure of state planning), the headquarters of the "world system of socialism" (including the socialist countries of Asia, America, and possibly Africa). The author believes that the Council of Mutual Economic Assistance should be considered not as an unsuccessful copy of the European economic community, but as a completely successful forum of the socialist world in the 1960s and 1970s. Lipkin also points out the inconsistency of the claims about the Soviet "diktat" in the Council of Mutual Economic Assistance. Lipkin is a representative of a new wave of researchers interested in the objective study of the Council of Mutual Economic Assistance phenomenon from the perspective of global history.

Keywords: cold war, world socialist system, Council of mutual Economic Assistance, economic integration, planned economy, N. S. Hrushchev.

References

1. Калинин А. А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии [Struggle for peace as a Soviet version of public diplomacy] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2018. No. 3. Pp. 123–128.

2. Калинин А. А. Венгерский фронт холодной войны на рубеже 1940–1950-х гг. [Hungarian front of the cold war at the turn of the 1940s–1950s] // *Mezhdunarodnye otnosheniya v XX veke : sb. nauchnykh statej. Vyp. 5* – International relations in the XX century : collection of scientific articles. Vol. 5 / under the editorship of V. T. Yungblud. Kirov. Raduga-PRESS. 2016. Pp. 204–227.

3. Липкин М. А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979) [Council of Mutual Economic Assistance: historical experience of alternative global world order (1949–1979)]. М. Ves' Mir. 2019. 184 p.

Становление ученого: А. А. Спицын как историк и краевед

А. О. Кайсин¹, В. А. Коршунков²

¹заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: akai_slob@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В рецензии дан анализ сборника статей нижегородского исследователя А. Л. Мусихина, посвященных одному из отцов-основателей русской археологии – Александру Андреевичу Спицыну¹. Автор сборника приводит сведения о его детских и юношеских годах, о том, как он обучался в Санкт-Петербургском университете. Привлекая широкий спектр источников личного характера (письма, воспоминания), автор постарался установить побудительные причины поступков самого Спицына и окружающих его людей в период научного становления будущего археолога. Сборник содержит как ранее опубликованные тексты, так и несколько новых статей. Автор, будучи хорошим источниковедом, часто вдаётся в мелочи, не обращая внимания на целостную картину. Почти во всех статьях сборника он полемизирует с биографами Спицына и нередко приводит такие детали, которые, по его мнению, кардинально влияли на судьбу будущего археолога, хотя в действительности предлагаемые построения не всегда убедительны. В сборнике также дается обзор исторических публикаций Спицына в провинциальных печатных изданиях – «Вятских губернских ведомостях» и «Памятных книжках Вятской губернии».

Ключевые слова: А. Л. Мусихин, А. А. Спицын, история археологии, история исторической науки, Вятская губерния, Санкт-Петербургский университет.

В начале 1920-х гг. писатель М. М. Пришвин стал сотрудником Переславского краеведческого музея. В 1925 г. он участвовал в работах комплексной экспедиции в Переславском уезде. В своей книге «Календарь природы» Пришвин упоминал о «ясном старичке с белой бородкой» – Александре Андреевиче Спицыне: «...Радостное известие, что внезапно приехал всем известный археолог академик Спицын и будет с нами раскапывать курганы и стоянки первобытного человека: ясный старичок, значит, и был сам Спицын. Я был особенно счастлив, потому что в жизни своей имел два серьезных пробела: не летал по воздуху и не рылся в земле с археологами, а тут вдруг так пришло, что прикоснусь к таинственным недрам земли через самого Спицына и, значит, удовлетворю свое желание сразу все целиком»; «А ученый все разбирает и разбирает собранные черепки по культурам, примеривает к работе разные кремни и макролиты, и до того у него все выходит ловко, будто сам был тогда в каменном веке и работал кремневыми орудиями».

А. А. Спицын (1858–1931), по сути, является одним из отцов-основателей отечественной археологии. Известный современный исследователь Л. С. Клейн отметил: «В русской археологии Александр Андреевич Спицын занимает особое место. Он виден отовсюду, из любого ее уголка» [5, с. 565]. И это, безусловно, так. Биографические очерки о нем начинают появляться с 1948 г. [4, с. 9–11]. В последнее время пишущие о Спицыне обращаются ко времени его детства и юности, рассматривают становление его в науке. Правда, они нередко расходятся в оценке событий, которые могли повлиять на Спицына. А еще сейчас актуально не только археологическое, но и историческое его наследие [1, с. 301–305; 2, с. 390–430; 5, с. 566–584; 6; 7, с. 38–50; 8, с. 263–264].

Нижегородский и вятский ученый, специалист по истории и культуре Вятского края Алексей Леонидович Мусихин издал сборник своих статей о Спицыне. Тираж, как сейчас водится, невелик – всего 150 экземпляров.

Автор сборника на протяжении десяти лет занимается этой темой, и его книга подводит некоторый итог поискам и находкам. Не будучи профессиональным археологом, А. Л. Мусихин обращает внимание, главным образом, на ранние работы Спицына, когда тот был еще, скажем так, краеведом широкого профиля – изучал историю вятских купеческих родов и губернской гимназии, совершал археологические и этнографические экскурсии, бывал

на местах, где проводились народные обряды и празднества, выискивал любопытные свидетельства о прошлом Вятской земли в архивных документах.

Почти все вошедшие в книгу тексты уже были представлены в различных сборниках конференций и научных трудов (список работ А. Л. Мусихина о Спицыне приводится на с. 119). Однако публиковавшиеся прежде материалы существенно доработаны и дополнены. А некоторые вошедшие в книгу статьи до сих пор еще не печатались.

Сборник состоит из таких разделов: «Страницы биографии», «Научное наследие», «Полемика».

Представляется, что автору вполне удался первый раздел, где сделана попытка объяснить некоторые аспекты становления Спицына как ученого, а также добавлены значимые штрихи к его родословной. Полезной работой в данном разделе является статья, посвященная уточнению даты смерти отца – Андрея Леонтьевича Спицына (с. 9–17). Автор аргументировано доказывает, что смерть Андрея Леонтьевича наступила гораздо позже общепринятой даты. Именно кончиной родителя А. Л. Мусихин объясняет возвращение Спицына на Вятку после окончания университета. Другая работа этого раздела – о предках Спицына, проживавших, как выяснилось, в XVII в. в г. Яранске (с. 18–24). Автор, будучи хорошим источниковедом, приводит доводы в пользу яранского происхождения предков Спицына, отрицая котельничское.

В этом же разделе имеется важный текст об отношениях учителя и ученика – А. А. Спицына и К. Н. Бестужева-Рюмина (с. 29–40), уже публиковавшийся ранее. Автор дает яркие примеры их взаимодействия, хотя отмечает преимущественно отношение *ученика* к учителю. Все же это некоторая односторонность. Спицын, будучи человеком честолюбивым, старался закрепиться в среде столичных ученых. Однако в те годы он был совсем не искушен в науке, являясь всего лишь одним из многих учеников знаменитого профессора. Сам Спицын ставил Бестужева-Рюмина в ряд с другими преподавателями: «Я слился с аудиторией К. Н. Бестужева-Рюмина, посещал лекции по истории раскола Троицкого, Бауэра, усердно занимался в семинарии В. Г. Васильевского». Он писал, что «реже появлялся на лекциях и не был на высоком счету ни у товарищей, ни у профессоров» [8, с. 264]. При этом А. Л. Мусихин из всей цитаты видит лишь ее начало: «Я слился с аудиторией К. Н. Бестужева-Рюмина» (с. 29). Желание искусственно сблизить этих двух людей является неудачной попыткой проследить преемственность: от Бестужева-Рюмина к Спицыну – от источниковеда к археологу. Обидевшись на Петербург и столичных ученых, молодой провинциал возвращается в родную Вятку: «Я буду заниматься не одной историей, но всем – историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями» [7, с. 267]. Такое стремление куда больше подходит к XVIII в. – ко времени Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера. Позже Спицын с тем же упорством, с каким пытался закрепиться в Петербурге, станет перевозносить Москву.

В первом разделе книги есть две заметки, которые, в общем-то, представляются лишними. Первая – о фотографии Спицына, найденной в одном из антикварных магазинов. И вопрос: старше или моложе Спицын выглядит на этой фотографии, чем на прочих снимках (с. 25–27). Вторая заметка – о некоем поздравительном адресе, с рассуждением, принадлежит ли тот Александру Андреевичу Спицыну или какому-либо другому Александру Андреевичу? Адрес был найден в фондах Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО), он отпечатан типографским способом, датируется началом XX в., содержит только имя и отчество адресата. Заметка заканчивается так: «В таком случае вопрос остается открытым – кому и какому событию посвящен данный поздравительный адрес?» (с. 41–44).

Второй раздел (о научном наследии) содержит ранее публиковавшиеся работы о научных изысканиях Спицына по истории Вятского края. Вернувшись на Вятку, он поставил перед собой большую задачу: написать главную свою работу. Это должна была быть «история Вятки до XVIII в., которая все время составляла венец в моих мечтаниях и надеждах» [2, с. 406]. Такой порыв объясняется и младенческим состоянием краеведения в крае, и увлеченностью Спицына-источниковеда. Именно об этих поисках пишет А. Л. Мусихин. В первой статье помещен обзор материалов по истории Вятки, опубликованных Спицыным на страницах «Вятских губернских ведомостей» (с. 60–65). Другой важный текст посвящен публикации Спицыным писцовых и переписных книг уездных городов Орлова и Котельнича (с. 74–83). Дополнением служат тексты нескольких писем Спицына, хранящихся в фондах ЦГАКО (сами письма – на с. 93–98).

Третий раздел («Полемика») знакомит читателя с ответами А. Л. Мусихина на критические замечания в его адрес, высказывавшиеся вятскими краеведами. Это две статьи – о том, какую роль в жизни Спицына сыграли начальник Вятского губернского статистического

комитета Николай Александрович Спасский (1846–1920) и профессор Санкт-Петербургского университета Егор Егорович Замысловский (1841–1896). Первая работа весьма подробно отвечает на замечание (прямо скажем, маловразумительное) краеведа С. П. Серкина о том, что опубликованная Н. А. Спасским в «Вятских губернских ведомостях» статья Спицына (о «Повести о стране Вятской») была, дескать, сфальсифицирована в угоду «официальной историографии». Автор книги принял на себя неблагодарный труд растолковывать вполне очевидный факт: ну, нет никаких фальсификаций в статьях, публиковавшихся Спицыным и в «Вятских губернских ведомостях», и в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (с. 100–102).

Следующий текст носит совсем уж ликбезный характер. Он об оппоненте Спицына по кандидатскому сочинению в Санкт-Петербургском университете Е. Е. Замысловском. А ведь это всего лишь ответ на публично высказанное замечание краеведа С. В. Ухова: «А кто такой Замысловский?» (с. 107). Основываясь на некрологах Замысловского, автор описывает жизненный и научный путь этого ученого. Затем следует предположение (не слишком убедительное) о том, почему же Замысловский отказал Спицыну в защите дипломной работы.

Несмотря на большой фактический материал (архивный и библиографический), А. Л. Мусихин, к сожалению, не обратил внимания на последние по времени заметные работы о Спицыне [3, с. 38–50; 5, с. 566–584]. А хорошо было бы их учесть, особенно при обсуждении мотивов действий Спицына.

И все же эта небольшая книга может стать неплохим подспорьем учителям, студентам, преподавателям и еще тем, кто интересуется историей русской провинции (значительная часть книги – о Вятском крае). Взять хотя бы то, что автору удалось уточнить некоторые факты биографии Спицына. Все это важно для понимания того, как проходило становление одного из отцов-основателей российской археологии.

Список литературы

1. Бердинских В. А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века. М. ; Киров: [Б. и.], 1995. 397 с.
2. Бердинских В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
3. Вяткин В. В. Александр Андреевич Спицын // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 38–50.
4. Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст: памяти А. А. Спицына // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 9–11.
5. Клейн Л. С. История русской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб. : Евразия, 2014. 694 с.
6. Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки / сост., науч. ред. А. Л. Мусихин. Киров : О-Краткое, 2011. 512 с.
7. Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына (письма к С. Ф. Платонову) // Советская археология. 1991. № 2. С. 265–274.
8. Формозов А. А. К биографии А. А. Спицына // Советская археология. 1987. № 2. С. 263–264.

The formative years of an academic: Alexander A. Spitsyn as a historian and regional studies expert

A. O. Kaisin¹, V. A. Korshunkov²

¹head of the research archaeological laboratory, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: akai_slob@mail.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. The review analyzes a digest of articles by the Nizhny Novgorod researcher Alexey L. Musikhin, dedicated to one of the founding fathers of Russian archeology – Alexander Andreevich Spitsyn. The author of the book provides information about Spitsyn's childhood, youth, and his student years at St. Petersburg University. Drawing on a wide range of personal sources (letters, memoirs), the author tried to establish the motivating reasons for the actions of Spitsyn himself and the people around him during the period of academic formation of the future archaeologist. The book contains both previously published texts and several new articles. The author, being a good sources researcher, often goes into detail, not paying attention to the whole picture. In almost all the articles he argues with Spitsyn's biographers and often gives details which in his opinion radically influenced the fate of the future archaeologist, although in reality the proposed constructions are not always convincing. The book also provides an overview of Spitsyn's historical publications in the provincial print media: "Viatskie gubernskie vedomosti" ("The Vyatka Provincial Gazette") and "Pamyatnaya knizhka Viatskoj gubernii" ("The Handbook of the Vyatka Province").

Keywords: Alexey L. Musikhin, Alexander A. Spitsyn, history of archeology, history of historical science, Vyatka province, St. Petersburg University.

References

1. *Berdinskikh V. A. Russkaya provincial'naya istoriografiya vtoroj poloviny XIX veka* [Russian provincial historiography of the second half of the XIX century]. M. ; Kirov. 1995. 397 p.
2. *Berdinskikh V. A. Uezdnye istoriki: russkaya provincial'naya istoriografiya* [Local historians: Russian provincial historiography]. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. 528 p.
3. *Vyatkin V. V. Aleksandr Andreevich Spitsyn* [Alexander Andreevich Spitsyn] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2014. No. 12. Pp. 38–50.
4. *Zhebelev S. A. Arheolog-entuziast: pamyati A. A. Spitsyna* [Archeologist-enthusiast: in memory of A. A. Spitsyn] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet archaeology*. 1948. Vol. 10. Pp. 9–11.
5. *Klejn L. S. Istoriya russoj arheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti* [History of Russian archeology: teachings, schools and personalities]. Vol. 1. SPb. Eurasia. 2014. 694 p.
6. *Spitsyn A. A. Izbrannye trudy po istorii Vyatki* [Selected works on the history of Vyatka] / ed. A. L. Musikhin. Kirov. O-Kratkoe. 2011. 512 p.
7. *Tikhonov I. L. Iz epistolyarnogo naslediya A. A. Spitsyn (pis'ma k S. F. Platonovu)* [From the epistolary heritage of A. A. Spitsyn (letters to S. F. Platonov)] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet archaeology*. 1991. No. 2. Pp. 265–274.
8. *Formozov A. A. K biografii A. A. Spitsyn* [To the biography of A. A. Spitsyn] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet archaeology*. 1987. No. 2. Pp. 263–264.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.0(571.51)"1873/1920"

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.029

Красноярская учительская семинария в истории становления педагогического образования Приенисейского края (1873–1920 гг.)

С. Н. Ценюга¹, И. Н. Ценюга²

¹доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.
Россия, г. Красноярск. ORCID: 0000-0002-3109-237X. E-mail: serzen1958@yandex.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.
Россия, г. Красноярск. ORCID: 0000-0001-7712-2071. E-mail: irina.tsenyuga@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется ролью Красноярской учительской семинарии в становлении регионального педагогического образования в Приенисейском крае. Новизна и цель заключаются в анализе исторических этапов процесса становления и развития педагогического образования в регионе. Выбранный период для изучения – с момента становления (открытия учительской семинарии в период имперской России) до периода перехода к другому этапу – развитию педагогического образования в Енисейской губернии и созданию Института народного образования в период становления и утверждения советской власти. Исследованы основные нормативные документы для создания учительской семинарии, проанализированы учебные программы, требования к учебному процессу, выявлены особенности финансирования учебного процесса в сибирском регионе. Рост социального самосознания либерально настроенного просвещенного сообщества способствовал повышению интереса к сфере образования различных слоев населения, а частная гражданская инициатива содействовала постановке и распространению как школьного, так и внешкольного образования на благо всего общества. Важной задачей на весь период деятельности Красноярской учительской семинарии стало решение проблемы обеспеченности школ учительскими кадрами. Известные ученые, педагоги, общественные деятели: археолог И. Т. Савенков, доктор медицины П. Н. Коновалов, археологи-краеведы П. С. Проскураков и А. С. Еленев, и многие другие составляли костяк преподавательского состава семинарии. Сельские дети обрели возможность получить профессиональное педагогическое образование, некоторые продолжили свое образование в учительских институтах. Выпускники Красноярской учительской семинарии Е. Ф. Кудрявцев, В. А. Сипкин, Д. С. Каргаполов, Г. И. Итыгин и другие стали просветителями, занимались пропагандой знаний, способствовали развитию женского образования, создавали методики для ликвидации неграмотности среди населения губернии, организовывали клубы и кружки (певческие, музыкально-драматические, фотографические); общественные собрания; художественные общества, общества трезвости; автомобильные, гимнастические, шахматные и другие спортивные общества; медицинские общества и общества содействия физическому воспитанию детей; общества покровительства животным и ветеринарные общества; библиотечные общества. За 47-летнее существование Красноярская учительская семинария выполнила поставленную перед ней задачу и передала «пальму первенства» в подготовке учительских кадров Красноярскому институту народного образования.

Ключевые слова: Приенисейский край, педагогическое образование, Красноярская учительская семинария, государственное среднее педагогическое учебное заведение с четырехлетним сроком обучения.

В условиях экономических, политических и социокультурных преобразований российское общество поставило в ранг приоритетных задач проблему формирования будущих специалистов к продуктивной жизнедеятельности в сфере образования. Поиски понимания и успешного решения данной проблемы положили начало дрейфу научного сообщества от общего теоретизирования к поиску оптимального ее решения. В этом направлении важно внимательно относиться к прошлым достижениям отечественной общественно-педагогической мысли, в том числе и к проблеме становления профессионального педагогического образования Приенисейского края.

Историей развития народного образования Сибири занимались многие ученые, при этом процесс становления феномена педагогического образования Приенисейского края не ставился в качестве основной проблемы [7; 9; 10; 28]. Отдельные проблемы развития образования в Енисейской губернии и Красноярском крае освещались в работах Д. Г. Жолудева, Л. Э. Мезит, В. В. Бибиковой, А. И. Шилова, В. И. Федоровой и др. [4;5;17;18]. Становление региональной системы педагогического образования вызывало исследовательский интерес, но работы различных авторов не рассматривали саму систему педагогического образования в провинции в комплексе. Первый обобщающий труд «Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII–XXI вв.)» появился в 2014 г. [11], в данном аспекте интересен с точки зрения роли учительской семинарии «в становлении и развитии педагогического образования» в исследуемый период [20].

Либеральные реформы в период правления императора Александра II способствовали вовлечению прогрессивной интеллигенции в решение проблем образования и воспитания в России. Активная общественно-педагогическая мысль «способствовала делу создания профессиональных учебных заведений, подготавливающих учителей» [14].

Положительный опыт подобных заведений, созданных в центральных городах России, «требовал создания учебных заведений подобного типа повсеместно, но правительство ограничивалось учреждением педагогических курсов при уездных училищах» [20, с. 119].

В 1870-е гг. был принят ряд документов, которые создавали нормативно-документальную базу для учительских семинарий и являлись «основными документами, на основании которых функционировали учебные учреждения» до 1917 г. [12].

С принятием основных документов началась довольно быстрая организация учительских семинарий в Сибири. Это было вызвано не только потребностью в образованных людях, но и огромной нехваткой педагогических кадров. В 1870 г. в Енисейской губернии, по исследованиям П. Соколовского, «из 94 школ в 22 не было учителей и учения» [15, с. 5]. Учителей для начальной школы готовила Красноярская мужская гимназия. Учительниц готовили Красноярская и Енисейская при Иверском монастыре двухклассные женские школы, «педагогические курсы при Красноярском городском училище». При Красноярских женской гимназии и епархиальном училище «были созданы педагогические классы» [16, с. 126].

В Красноярске 4 ноября 1873 г. на средства казны, волостных правлений и частных пожертвований было открыто учебное заведение, готовящее учителей для сельских одноклассных училищ, – учительская семинария. На обучение принимались только юноши – выпускники трех (имеющихся в Енисейской губернии) двухклассных сельских училищ: Аскизского, Балахтинского и Рыбинского – в возрасте 16–18 лет. Для поступающих в первой декаде августа устраивались испытания – вступительные экзамены по русскому языку (изложение басни, прозаической статьи повествовательного характера, не допускались грубые орфографические ошибки, проверялось умение выделять главные и второстепенные части предложения, разбор предложений по вопросам и частям речи). По арифметике поступающие должны были знать сложение, вычитание, умножение и деление простых и именованных чисел, а также понятие о дробях. Кроме этого, обязательными были экзамены по географии (основные географические термины, краткие сведения о географии Российской Империи и Енисейской губернии, ее границы и деление губернии на округа). Испытания проводились и по русской истории. Желающие «обучаться должны были знать главнейшие события» из отечественной истории «в объеме одного из учебников, одобренных Министерством Народного Просвещения для низших училищ» [23]. Для поступления в семинарию обязательной была проверка знания Закона Божьего. Все поступившие делились на стипендиатов – казеннокоштных (80 руб. в год, получали книги и пособия бесплатно, до 22 лет освобождались от службы в армии) и своекоштных воспитанников. Своєкоштные воспитанники после экзаменов допускались к обучению бесплатно, но им не выдавались бесплатно книги и учебные пособия [6]. Основной задачей училища было дать воспитанникам знания, «ремесленную выучку», но «не допустить тягу к науке», критического отношения к своей будущей деятельности, вольнодумства и революционности. Большинство воспитанников принадлежало к семьям благополучным в материальном плане. Так, в 1885 г. из 37 учащихся 11 человек были выходцами из дворянских семей, семей чиновников и духовенства, 26 учащихся – из городского сословия или «дети зажиточных сельских обывателей» [10]. Это значительно облегчало положение с питанием и проживанием в городе, так как общежития при училище не было. Воспитанники семинарии учились средне. Нередко получали двойки, введены были даже баллы по типу «двойка с дробью», отсеив в некоторые годы доходил до 70 % [20, с. 23].

При учительской семинарии для мальчиков 7–10 лет был создан «начальный класс». Главным условием для поступления ввиду тесноты помещений была прививка от оспы и неграмотность.

Красноярская учительская семинария славилась высококвалифицированным педагогическим составом. 20 лет несменным директором семинарии был знаменитый «ученый-археолог, педагог, общественный деятель, меценат» Иван Тимофеевич Савенков [14]. В 1893 г. преподавателями семинарии были назначены доктор медицины (первый в Енисейской губернии), специалист по детским, внутренним болезням и оториноларингологии П. Н. Коновалов; первый консерватор (директор) Красноярского краевого краеведческого музея П. С. Проскуряков; филолог Д. В. Никитинский; золотопромышленник А. П. Кузнецов и многие другие [19, с. 77–85; 21]. Преподаватель географии Алексей Сергеевич Еленев знаменит тем, что составил карту течения реки Енисей от Енисейска до Туруханска с подробным обозначением берегов, островов и селений, сделал географическое и статистическое описание посещенной местности.

В 1890-е гг. начала складываться тенденция к увеличению роли крестьян в контингенте учащихся учительских семинарий. Так, в 1880 г. детей крестьян было 10 %, в 1890 г. – 29,7 %, а в 1900 г. их стало уже 46,9 % [1]. Из Красноярской учительской семинарии вышли: Е. Кудрявцев (стал редактором газеты «Енисей»), В. Сипкин (основал первый в Красноярске народный театр и частную театральную библиотеку), Д. Каргаполов (создал Ачинский краеведческий музей). Г. И. Итыгин стал одним «из организаторов народного образования в Хакасии» [3, с. 5–26]. Он публиковал серии статей в сибирских газетах о школьных проблемах, жизни крестьян, событиях местной жизни. В 1916 г. стал главным редактором популярного среди широкой общественности журнала «Сибирская школа» (выходившего регулярно до конца 1917 г.).

Однако решить проблему обеспеченности школ учительскими кадрами не удавалось. Рекомендации училищам из центральной России направлять учителей в Енисейскую губернию не выполнялись. Выпускники московских, Санкт-Петербургских учебных заведений, которым рекомендовали занять учительские места по всей Российской империи, находили более доходную работу в центре. Выпускники Красноярской учительской семинарии также не стремились найти работу в Красноярске. Стипендиаты должны были отработать 4 года и после этого уходили на другие должности. А юноши могли задержаться на 6 лет и после того, как получали «право на переход в запас армии», устраивались на чиновничью службу, более высокооплачиваемую. В конце XIX в. Енисейской губернии общая численность учителей «составила 590 человек, т. е. 0,1 % от всего населения» (Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) [23, с. 96]. Тем не менее к 1908 г. Красноярск первым из всех сибирских городов достиг всеобщего охвата обучения детей [19].

В 1902 г. в центре города по проекту архитектора А. А. Фольбаума для учительской семинарии было закончено строительство нового каменного двухэтажного здания. В нем находилась богатая библиотека, классные кабинеты для занятий, хорошо оборудованные естественный и физический кабинет, спортивный городок и гимнастический зал, столярная и переплетная мастерская. Для директора и учителей семинарии отстроили флигель с квартирами. Оба здания имели надворные хозяйственные постройки.

С 1897 по 1917 гг. семинарию возглавил статский советник Ф. И. Говоров. За двадцать лет «из стен семинарии вышло 305 учителей для начальных народных школ» [5, с. 5–29 (выборка)].

С начала XX в. определенная часть учительства по всей стране начинает отстаивать свои права и требование создавать новую демократическую школу, используя политические партии, которые представляли интересы различных слоев общества. Определенную роль в подготовке реформ в сфере образования сыграли многочисленные Педагогические съезды, которые стали одной из важных форм общественно-педагогического движения в России. История съездов относится ко второй половине XIX в. С момента появления и развития земского движения сибирское учительство в какой-то мере отставало с организацией и участием во всеобщих педагогических съездах по народному образованию, и включилось в реализацию решений съездов только после Первой русской революции. Большинство съездов были тематическими – по семейному воспитанию, сельскохозяйственному образованию, по женскому образованию и другие. Публикации материалов съездов, обобщение опыта передовых педагогов России были своеобразным учебником по совершенствованию методики преподавания,

педагогической психологии и диагностики для провинциальных учителей. Участники впервые открыто потребовали передать дела народного образования органам местного самоуправления, упразднить контроль правительственных органов за деятельностью учителей, училищных советов. Был выдвинут принцип сближения школы с жизнью, введения в школе трудового и физического воспитания. В решительной форме съезд выступил против бесправия учителей. Однако начавшаяся Первая мировая война приостановила все намерения правительства пойти навстречу педагогическому сообществу.

События февраля 1917 г. спровоцировали почти не прекращающиеся реформирования системы подготовки учителей в Сибири. В Петрограде 15 июня 1917 года состоялся Всероссийский съезд деятелей народного образования. Член временного Правительства, министр народного просвещения А. А. Мануйлов 29 марта 1917 г. на общем собрании вновь возникшего Петроградского Учительского Союза выступил с изложением своей программы народного образования, но его предложения не получили поддержку. В апреле собрался 1-й делегатский съезд Всероссийского учительского союза, была создана комиссия по реформе народного образования, которая докладывала, что «необходимость реформы не только назрела, а составляла злобу дня» [21, с. 163].

В июне 1917 г. в Иркутске был созван Областной съезд преподавателей школ Восточной Сибири [21, с. 106]. На съезде обсуждались насущные проблемы профессиональной подготовки учителей для школ различных ступеней, было принято решение «объединения сибирского учительства не на политической, а на профессиональной основе» [20, с. 112].

На основании Постановления Временного Правительства (от 14 июня 1917 г.) началось совершенствование учебных программ, внедрялись демократические принципы обучения: «отмена различных ограничений, связанных с вероисповеданием и семейным состоянием; допуск к обучению женщин; введение новых принципов управления учебным заведением; выборность на должности преподавателей» [11, с. 57]. Учительские семинарии «реформируются в четырехклассные смешанные с одногодичными приготовительными классами и двухклассными начальными училищами». Тем самым этим законом «учительские семинарии были возведены в статус государственных средних педагогических учебных заведений» с четырехлетним сроком обучения. В связи с этим событием коренному пересмотру подвергались учебные планы и программы [24, с. 154].

В провинциальном Красноярске изменения в деятельности учительской семинарии сводились к следующим мероприятиям: вновь был открыт «приготовительный класс» для подготовки к обучению в учительской семинарии выпускников сельских училищ. После окончания «приготовительного класса» воспитанники поступали в первый класс семинарии для получения профессионального педагогического образования, В первый год в подготовительный класс было принято 30 обучающихся.

Для того чтобы свести задачи «приготовительных классов» к полноценному образовательному процессу, для преподавания были взяты новые «Программы высших начальных училищ». В первый класс семинарии для выпускников высших начальных училищ 1917 г. начался прием без экзаменов. Оживилась работа «четвертого отделения образцовой начальной школы при семинарии», в которой семинаристы старших курсов или выпускники семинарии, ожидающие место работы, оттачивали свое педагогическое мастерство [19]. В этот период обучение приобретает трудовую направленность и приближения к реальным запросам жизни губернии – подъем сельского хозяйства, развитие лесного промысла, Сибирская железная дорога – требовали значительного количества образованных людей. После октября 1917 г. в учительской семинарии расширяется штат преподавателей математики, естествознания, различных ремесел, черчения и рукоделия, появляются новации в преподавании основных дисциплин, ставится задача научить семинаристов «учить других», чтобы знания были прочными.

Однако в 1916–1917 учебном году (из-за изменения учебных планов) был осуществлен переход с трехлетнего обучения на четырехлетнее. Учащиеся младших классов были оставлены на второй год, поэтому в 1917–1918 учебном году в учительской семинарии оказались подготовительный и два основных класса, а в последующие два года выпусков не было [4].

После введения «новых штатов» (с 1 июля 1917 г.) твердые денежные суммы были определены только на содержание преподавателей и стипендиатов. Выплаты на учебные пособия, расходы на хозяйственные нужды должны были определяться ежегодно в зависимости от изменения цен и в сметном порядке. С установлением власти Советов, а затем и разгоров-

шейся гражданской войны деньги обесценивались, поступали нерегулярно, в «1918 г. они составили 10 000 рублей, а по смете 1919 г. – уже 25 000 руб.», однако никакой отчетности или не велось, или не сохранилось [20].

Революционные преобразования не могли не коснуться образовательной сферы. Был образован Губернский отдел народного образования (ГубОНО), который контролировал деятельность образовательных, просветительных, научных организаций. Енисейский губернский отдел народного образования был создан 6 января 1920 г., в первой резолюции которого указывалось на создание «советской трудовой школы», свободной от религиозных предрассудков, подготовке «учителя-социалиста, учителя-общественника [9; 13]. Стали приниматься меры «чрезвычайной спешности» по предоставлению доступа к знаниям самых широких слоев населения от 14 до 45 лет. Первоочередной целью стала ликвидация неграмотности большей части енисейского крестьянства.

В ходе гражданской войны в Сибири и перехода власти от одного правительства к другому начавшиеся изменения были прерваны. Тем не менее образование развивалось, количество воспитанников Красноярской семинарии неуклонно росло: «если в 1917–1918 учебном году обучалось 66 человек; в следующем уже 80, а в 1919–1920 учебном году – уже 101» [17, с. 31], а «заведывание хозяйственной частью общежития, на началах самоуправления, полностью было возложено на самих студентов» [18, с. 51].

С развитием военных событий в Сибири в условиях гражданской войны большая часть как воспитанников, так и преподавателей мужского пола была мобилизована на фронт. Финансирование отставало от инфляционных показателей, руководство семинарии «вынуждено перешло от сметной системы финансирования к авансовой, а затем и вовсе к кредитной» [20, с. 198]. С апреля 1919 г. по постановлению МВД началась реквизиция под военный постой помещений государственных учреждений по всей губернии (школы и училища). Имущество библиотек, оборудование учебных комнат было безвозвратно утрачено. Не состоялись ни переводные, ни выпускные испытания. Выпускники «вместо свидетельств на звание учителей получили выписки из учебных планов» [19, с. 135]. Попытка сохранить преподавателей училища «оказалась провальной». В начале сентября 1919 г. здание Красноярской учительской семинарии было реквизировано «под размещение в нем военного госпиталя с тифозным отделением». Все воспитанники семинарии «были распущены по домам». Для учеников «образцовой школы» и городских воспитанников преподаватели по собственной инициативе проводили занятия в своих квартирах без «денежного содержания» за работу.

С восстановлением в Енисейской губернии Советской власти проблемы учительской семинарии продолжались до Постановления ГубОНО при Енисейском Губревкоме от 14 марта 1920 г., которым деятельность учебного заведения была прекращена, все преподаватели – уволены.

Бывший директор Минусинской учительской семинарии А. С. Богданов был назначен заместителем зав. подотделом ГубОНО, ему удалось собрать оставшихся в городе «преподавателей и воспитанников, а также все движимое и недвижимое имущество» для передачи в ведение Красноярского Института народного образования (ИНО), деятельность которого началась 1 ноября 1920 года.

Таким образом, Красноярская учительская семинария сыграла важную роль в становлении профессионального педагогического образования в Енисейской губернии, выполнила поставленную перед ней задачу – осуществила подготовку учителей для начальной школы, собрала выдающихся педагогов. Совершенствовались методики преподавания различных предметов. Для сельских детей это была едва ли не единственная возможность получить профессиональное педагогическое образование, затем продолжить свое образование в учительских институтах. И все же реальные потребности Енисейской губернии в учительских кадрах были гораздо выше, чем возможности учительской семинарии, что и потребовало решения о создании Красноярского института народного образования.

Список литературы

1. ГАКК. Ф. 360. Оп. 1. Д. 132. Л. 4; Д. 144. Л. 10.
2. ГАКК. Ф. 947. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.
3. Бердников Л. П. Когда Красноярск учился читать: несколько страниц из истории народного образования в нашем городе (1759–1917 гг.) // Учитель, перед именем твоим...: очерки о красноярцах – заслуженных учителях России, ветеранах труда. Ч. 1. Красноярск, 1999. С. 5–26.

4. Бибикина В. В. Педагогические кадры в Приенисейском крае в 20-е годы XX века / В. В. Бибикина. Красноярск : Версо, 2011.
5. Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции) / Д. Г. Жолудев. Енисейск, 1961. 155 с.
6. Зверева К. Е. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. : монография / К. Е. Зверева, В. А. Зверев. Новосибирск : НГПУ, 2013. 237 с.
7. Казанцева Е. В., Курпас М. А. Кадровый состав начальной школы Восточной Сибири в начале XX века // Психологическая наука и практика образования: современные тенденции : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Красноярск, 16–17 апреля 2009 года). Красноярск, 2009. 286 с.
8. Краткосрочные педагогические курсы для учителей и учительниц начальных министерских училищ Енисейской губернии, бывшие в Красноярске с 26 мая по 25 июня 1916 года (продолжение) // Сибирская школа. 1917. № 2. С. 98–102.
9. Кочурина С. А. Реформа педагогического образования Временного Правительства и особенности ее реализации в Западной Сибири 1917–1919 гг. / С. А. Кочурина // Педагогическая наука: прошлое, настоящее, будущее : материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. Ч. I. (30 марта 2011 г.). Новосибирск : ЭНСКЕ, 2011.
10. Онановский А. Начальные школы г. Красноярска: краткий историко-статистический очерк (до августа 1913 г.). Красноярск, 1914. 76 с.
11. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII–XXI вв.) : монография : эл. изд-е № 0321402829. Красноярск : КГПУ, 2014.
12. Перова О. В. Формирование нормативно-документальной базы деятельности правительственных учительских семинарий в России в 60–80 годах XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 149–155.
13. Резолюция первого Енисейского губернского съезда Советов о деятельности губернского отдела народного образования. 12 сентября 1920 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/152252-rezolyutsiya-pervogo-eniseyskogo-gubernskogo-sezda-sovetov-o-deyatelnosti-gubernskogo-otdela-narodnogo-obrazovaniya-12-sentyabrya-1920-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>.
14. Савенков И. Т. Опыт наставления выпускным воспитанникам и народным учителям о главнейших обязанностях сельского учителя. Красноярск, 1892. 52 с.
15. Соколовский П. Русская школа в восточной Сибири и Приамурском крае / П. Соколовский. Харьков, 1914. 305 с.
16. Терещенко А. А., Терещенко Д. А. Учительские семинарии в системе профессионального педагогического образования России // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (271). С. 123–128.
17. Федорова В. И. Учительская интеллигенция Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков: Социокультурная характеристика // Вестник ТГПУ. 2017. № 5 (182). С. 27–31.
18. Федорова В. И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск, 2015. 244 с.
19. Хорина В. В. Книги из личных библиотек представителей красноярской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. В редком фонде НБ КГПУ им. В. П. Астафьева / В. В. Хорина // V Юдинские чтения (Красноярск, 9–12 окт. 2007 г.) : материалы науч.-практ. конф. / Гос. Универс. науч. б-ка Красноярского края ; [сост. И. А. Шереметова ; отв. ред. Т. И. Матвеева]. Красноярск : ГУНБ Красноярского края, 2008. С. 77–85.
20. Ценюга С. Н. Становление и развитие теории и практики педологической работы в народном образовании Приенисейского края второй половины XIX – первой трети XX вв. : автореферат дис. ... д-ра пед. н. Красноярск, 2010. 618 с.
21. Гюнтер О. А., Ценюга С. Н. Развитие национальной системы образования на территории Енисейской губернии в дореволюционный период // Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития : материалы III Всероссийской научно-практической конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 2018. С. 163–167.
22. Ценюга С. Н., Ценюга И. Н. Красноярский учительский институт: история перманентной реформы 1916–1920 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 94–101.
23. Ценюга Ю. С. К вопросу о труде в его нравственном, воспитывающем значении в педагогическом процессе свободной трудовой школы (по материалам иркутского областного съезда представителей школ восточной Сибири, проводившегося 11–23 июня 1917 года) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2009. № 3. С. 20–25.
24. Шилов А. И. Педагогическое образование в Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 2004. 186 с.

Krasnoyarsk teachers' seminary in the history of formation of pedagogical education in the Yenisei region (1873–1920)

S. N. Cenyuga¹, I. N. Cenyuga²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, Professor of the Department of pedagogy, Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0002-3109-237X. E-mail: serzen1958@yandex.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of national history, Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0001-7712-2071. E-mail: irina.tsenyuga@yandex.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the role of the Krasnoyarsk teachers' seminary in the development of regional teacher education in the Yenisei region. The novelty and purpose is to analyze the historical stages of the process of formation and development of teacher education in the region. The selected period for study – from the moment of formation (the opening of the teachers' seminary in the period of Imperial Russia) to the period of transition to another stage – the development of teacher education in the Yenisei province and the creation of the Institute of public education during the formation and establishment of Soviet power. The main normative documents for the creation of a teachers' seminary are studied, the curriculum and requirements for the educational process are analyzed, and the peculiarities of financing the educational process in the Siberian region are revealed. The growth of the social consciousness of the liberal-minded enlightened community helped to increase interest in the field of education of various segments of the population, and private civil initiative contributed to the formulation and dissemination of both school and extracurricular education for the benefit of the whole society. An important task for the entire period of the Krasnoyarsk teachers' Seminary was to solve the problem of providing schools with teachers. Famous scientists, teachers, and public figures: archaeologist I. T. Savenkov, Doctor of medicine P. N. Konovalov, local history archaeologists P. S. Proskuryakov and A. S. Elenev, and many others formed the backbone of the seminary's teaching staff. Rural children have been able to get professional teacher education, and some have continued their education in teacher training institutes. Graduates of Krasnoyarsk teachers' seminary E. F. Kudryavtsev, V. A. Sipkin, D. S. Kargapolov, G. I. Itygin and others became educators, promoted knowledge, promoted the development of women's education, created methods for eliminating illiteracy among the population of the province, organized clubs and circles (singing, music, drama, photography); public meetings; art societies, temperance societies; automobile, gymnastic, chess and other sports societies; medical societies and societies for the promotion of physical education of children; animal welfare societies and veterinary societies; library societies. During its 47-year existence, the Krasnoyarsk teachers' seminary fulfilled its task and handed over the "palm tree" in training teachers to the Krasnoyarsk Institute of public education.

Keywords: Yenisei region, pedagogical education, teachers' seminary, Krasnoyarsk state pedagogical secondary school with a four-year apprenticeship.

References

1. State Archive of Krasnoyarsk region. F. 360. Inv. 1. File 132. Sh. 4; File 144. Sh. 10.
2. State Archive of Krasnoyarsk region. F. 947. Inv. 1. File 49. Sh. 2.
3. *Berdnikov L. P. Kogda Krasnoyarsk uchilsya chitat': neskol'ko stranic iz istorii narodnogo obrazovaniya v nashem gorode (1759–1917 gg.)* [When the Krasnoyarsk learned to read a few pages from the history of public education in our city (1759–1917 gg.)] // *Uchitel', pered imenem tvoim...: ocherki o krasnoyarskah – zasluzhennykh uchitelyah Rossii, veteranah truda* – The teacher, before your name...: essays on the Krasnoyarsk – honored teachers of Russia, veterans of labor. Part 1. Krasnoyarsk. 1999. Pp. 5–26.
4. *Bibikova V. V. Pedagogicheskie kadry v Prienisejskom krae v 20-e gody XX veka* [Pedagogical personnel in the Yenisei region in the 20-ies of XX century] / V. V. Bibikov. Krasnoyarsk. Verso. 2011.
5. *Zholudev D. G. Kratkaya istoriya shkol Krasnoyarskogo kraja (do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii)* [Brief history of schools in the Krasnoyarsk territory (before the Great October socialist revolution)] / D. G. Zholudev. Yeniseisk. 1961. 155 p.
6. *Zvereva K. E. Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoj derevne konca XIX – nachala XX v. : monografiya* [How Siberia learned to read: school, literacy and book in the Russian village of the late XIX – early XX century : monograph] / K. E. Zvereva, V. A. Zverev. Novosibirsk. NSPU. 2013. 237 p.
7. *Kazanceva E. V., Kurpas M. A. Kadrovyy sostav nachal'noj shkoly Vostochnoj Sibiri v nachale XX veka* [Personnel of the primary school of Eastern Siberia at the Beginning of the XX century] // *Psihologicheskaya nauka i praktika obrazovaniya: sovremennye tendencii : materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf.* – Psychological science and practice in education: current trends : proceedings of III all-Russia scientific-practical conf. (Krasnoyarsk, April 16–17, 2009). Krasnoyarsk. 2009. 286 p.
8. *Kratkosrochnye pedagogicheskie kursy dlya uchitelej i uchitel'nic nachal'nykh ministerskikh uchilishch Enisejskoj gubernii, byvshie v Krasnoyarske s 26 maya po 25 iyunya 1916 goda (prodolzhenie)* – Short-term pedagogical

courses for teachers of primary Ministerial schools of the Yenisei province, which were held in Krasnoyarsk from May 26 to June 25, 1916 (continued) // *Sibirskaya shkola* – Siberian school. 1917. No. 2. Pp. 98–102.

9. Kochurina S. A. *Reforma pedagogicheskogo obrazovaniya Vremennogo Pravitel'stva i osobennosti ee realizatsii v Zapadnoj Sibiri 1917–1919 gg.* [Reform of pedagogical education of the Provisional Government and features of its Implementation in Western Siberia 1917–1919] / S. A. Kochurina // *Pedagogicheskaya nauka: proshloe, nastoyashchee, budushchee : materialy mezhdunar. zaочноj nauch.-prakt. konf.* – Pedagogical science: past, present, and future : proceedings of the Intern. correspondence scientific and practical conf. Part I. (March 30, 2011). Novosibirsk. ENSKE. 2011.

10. Onasovskij A. *Nachal'nye shkoly g. Krasnoyarska: kratkij istoriko-statisticheskij ocherk (do avgusta 1913 g.)* [Primary schools of Krasnoyarsk: a brief historical and statistical essay (until August 1913)]. Krasnoyarsk. 1914. 76 p.

11. *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraja (XVII–XXI vv.) : monografiya : el. izd-e № 0321402829* – Essays on the history of public education in the Krasnoyarsk territory (XVII–XXI centuries) : monograph : el. publication No. 0321402829. Krasnoyarsk. KSPU. 2014.

12. Perova O. V. *Formirovanie normativno-dokumental'noj bazy deyatel'nosti pravitel'stvennykh uchitel'skikh seminarij v Rossii v 60–80 godakh XIX veka* [Formation of the normative and documentary base for the activities of government teachers' seminaries in Russia in the 60–80 years of the XIX century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of the Tomsk State Pedagogical University. 2010. No. 9 (99). Pp. 149–155.

13. *Rezolyuciya pervogo Enisejskogo gubernskogo s'ezda Sovetov o deyatel'nosti gubernskogo otdela narodnogo obrazovaniya. 12 sentyabrya 1920 g.* – Resolution of the first Yenisei provincial congress of Soviets on the activities of the provincial Department of public education. September 12, 1920. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/152252-rezolyutsiya-pervogo-enisejskogo-gubernskogo-sezda-sovetov-o-deyatelnosti-gubernskogo-otdela-narodnogo-obrazovaniya-12-sentyabrya-1920-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>.

14. Savenkov I. T. *Opyt nastavleniya vypusknykh vospitannikam i narodnym uchitelyam o glavnejshih obyazannostyakh sel'skogo uchitelya* [Experience of teaching graduate students and national teachers about the main duties of a rural teacher]. Krasnoyarsk. 1892. 52 p.

15. Sokolovskij P. *Russkaya shkola v vostochnoj Sibiri i Priamurskom krae* [Russian school in Eastern Siberia and the Amur region] / P. Sokolovsky. Harkiv. 1914. 305 p.

16. Tereshchenko A. A., Tereshchenko D. A. *Uchitel'skie seminarii v sisteme professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya Rossii* [Teacher seminaries in the system of professional pedagogical education in Russia] // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. 2016. No. 2 (271). Pp. 123–128.

17. Fedorova V. I. *Uchitel'skaya intelligenciya Enisejskoj gubernii na rubezhe XIX–XX vekov: Sociokul'turnaya harakteristika* [Teacher intelligentsia of the Yenisei province at the turn of the XIX–XX centuries: socio-cultural characteristics] // *Vestnik TGPU* – Herald of TSPU. 2017. No. 5 (182). Pp. 27–31.

18. Fedorova V. I. *Shkola – uchitel' – obshchestvo. Iz istorii narodnogo obrazovaniya Enisejskoj gubernii XIX – nachala XX v.* [School – teacher – society. From the history of public education of the Yenisei province of the XIX – early XX century]. Krasnoyarsk. 2015. 244 p.

19. Horina V. V. *Knigi iz lichnykh bibliotek predstavitelej krasnoyarskoj intelligencii konca XIX – nachala XX vv. V redkom fonde NB KGPU im. V. P. Astaf'eva* [Books from personal libraries of representatives of the Krasnoyarsk intelligentsia of the late XIX – early XX centuries. In the rare fund of the NB KSPU n. a. V. P. Astafiev] / V. V. Horin // *V Yudinskie chteniya (Krasnoyarsk, 9–12 okt. 2007 g.) : materialy nauch.-prakt. konf.* – V Yudinsky readings (Krasnoyarsk, October 9–12, 2007) : materials of scientific and practical conf. / State University scientific library of the Krasnoyarsk region; [comp. by I. A. Sheremetov; ed. by T. I. Matveev]. Krasnoyarsk. SUSL of the Krasnoyarsk region. 2008. Pp. 77–85.

20. *Cenyuga S. N. Stanovlenie i razvitie teorii i praktiki pedologicheskoy raboty v narodnom obrazovanii Prienisejskogo kraja vtoroj poloviny XIX – pervoj tretej XX vv. : avtoreferat dis. ... d-ra ped. n.* [Formation and development of the theory and practice of pedagogical work in the national education of the Yenisei region of the second half of the XIX – first third of the XX centuries. : abstract of dis. ... Dr. of Pedagogical Sciences]. Krasnoyarsk. 2010. 618 p.

21. Gyunter O. A., *Cenyuga S. N. Razvitie nacional'noj sistemy obrazovaniya na territorii Enisejskoj gubernii v dorevolucionnyj period* [Development of the national education system on the territory of the Yenisei province in the pre-revolutionary period] // *Aktual'nye voprosy istorii Rossii: problemy i perspektivy razvitiya : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii dlya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* – Topical issues of the history of Russia: problems and prospects of development : materials of the III all-Russian scientific and practical conference for students, postgraduates and young scientists. Krasnoyarsk. 2018. Pp. 163–167.

22. *Cenyuga S. N., Cenyuga I. N. Krasnoyarskij uchitel'skij institut: istoriya permanentnoj reformy 1916–1920 gg.* [Krasnoyarsk teachers' Institute: history of permanent reform in 1916–1920] // *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – News of Volgograd Pedagogical University. 2019. No. 5 (138). Pp. 94–101.

23. *Cenyuga Yu. S. K voprosu o trude v ego npravstvennom, vospityvayushchem znachenii v pedagogicheskom processe svobodnoj trudovoj shkoly (po materialam irkut'skogo oblastnogo s'ezda predstavitelej shkol vostochnoj*

Sibiri, provodivshegosya 11–23 iyunya 1917 goda [To the question of labour, in its moral, educative value in teaching the process of free labour school (on materials of the Irkutsk regional congress of representatives of schools in Eastern Siberia, held 11–23 Jun 1917)] // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* – Herald of Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev. 2009. No. 3. Pp. 20–25.

24. *Shilov A. I. Pedagogicheskoe obrazovanie v Vostochnoj Sibiri konca XIX – nachala XX vv* [Pedagogical education in Eastern Siberia of the late XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk. 2004. 186 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (18) (2020)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.10.2020 г.
Дата выхода в свет 10.11.2020 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6417.

Подписной индекс журнала "Вестник гуманитарного образования"
в объединенном каталоге "Пресса России" – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36